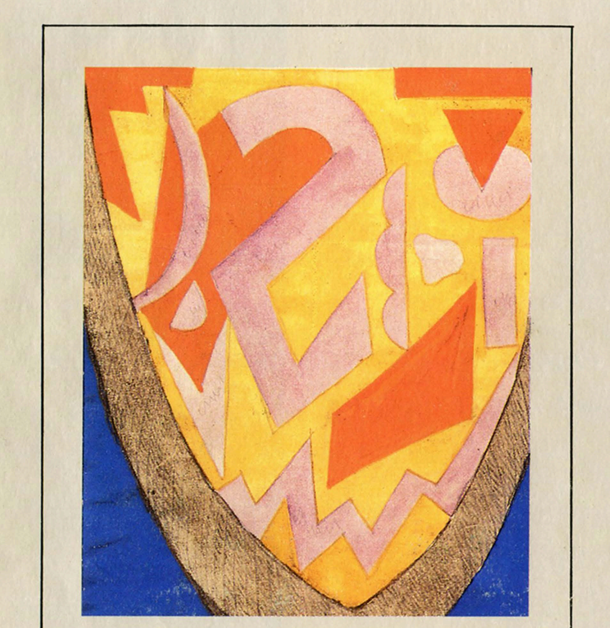
МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕРЕВОДЫ

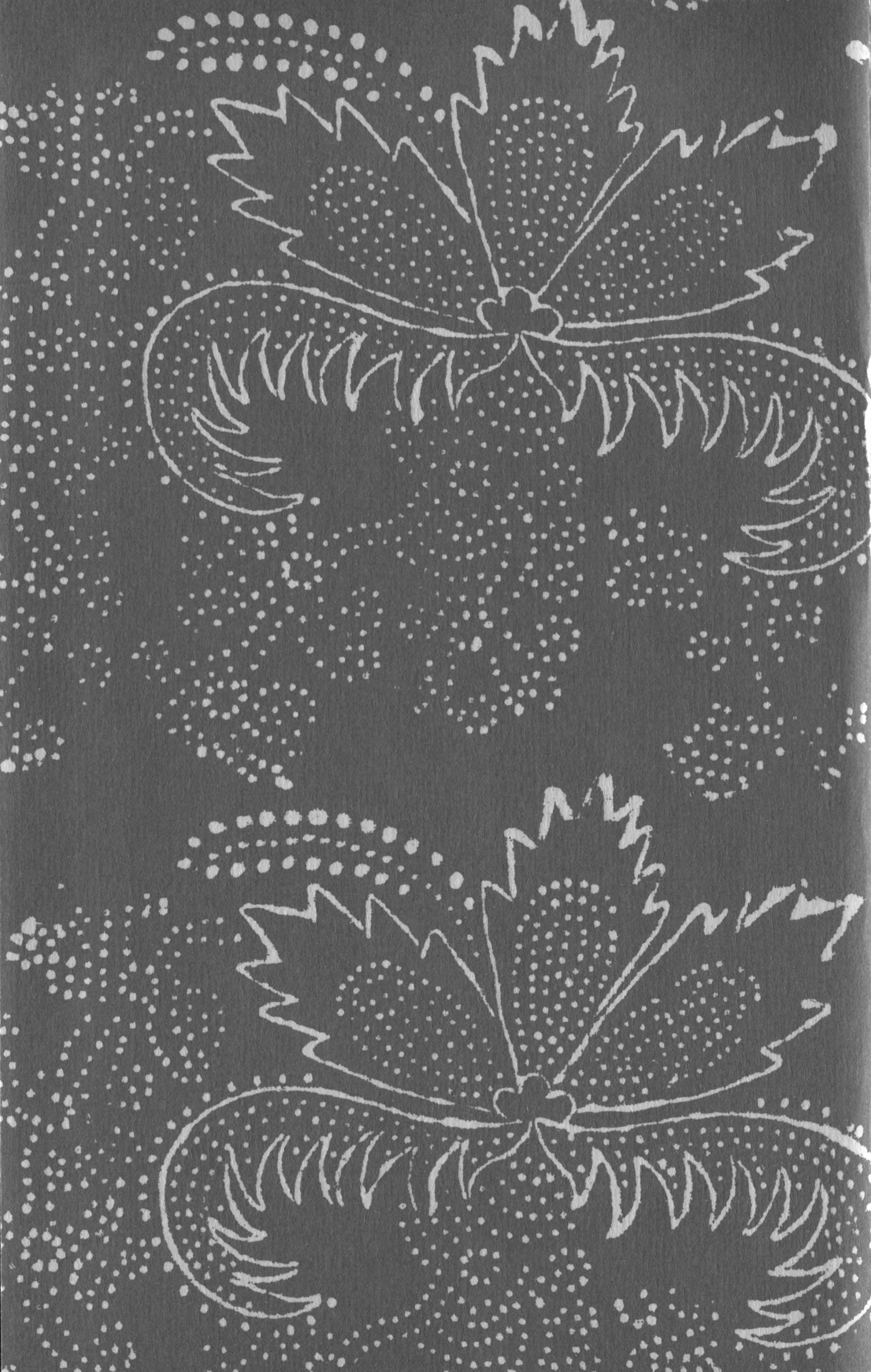
МАРИНА ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЕРЕВОДЫ



Эллис Лак

МАРИНА ЦВЕТАЕВА



EL
ELLIS LUCK
ЭЛЛИС ЛАК

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

Собрание сочинений
в семи томах

Москва
Эллис Лак
1994

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

Собрание сочинений
в семи томах

Том 2

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЕРЕВОДЫ

Москва

Эллис Лак

1994

ББК 84Ря44
Ц 25

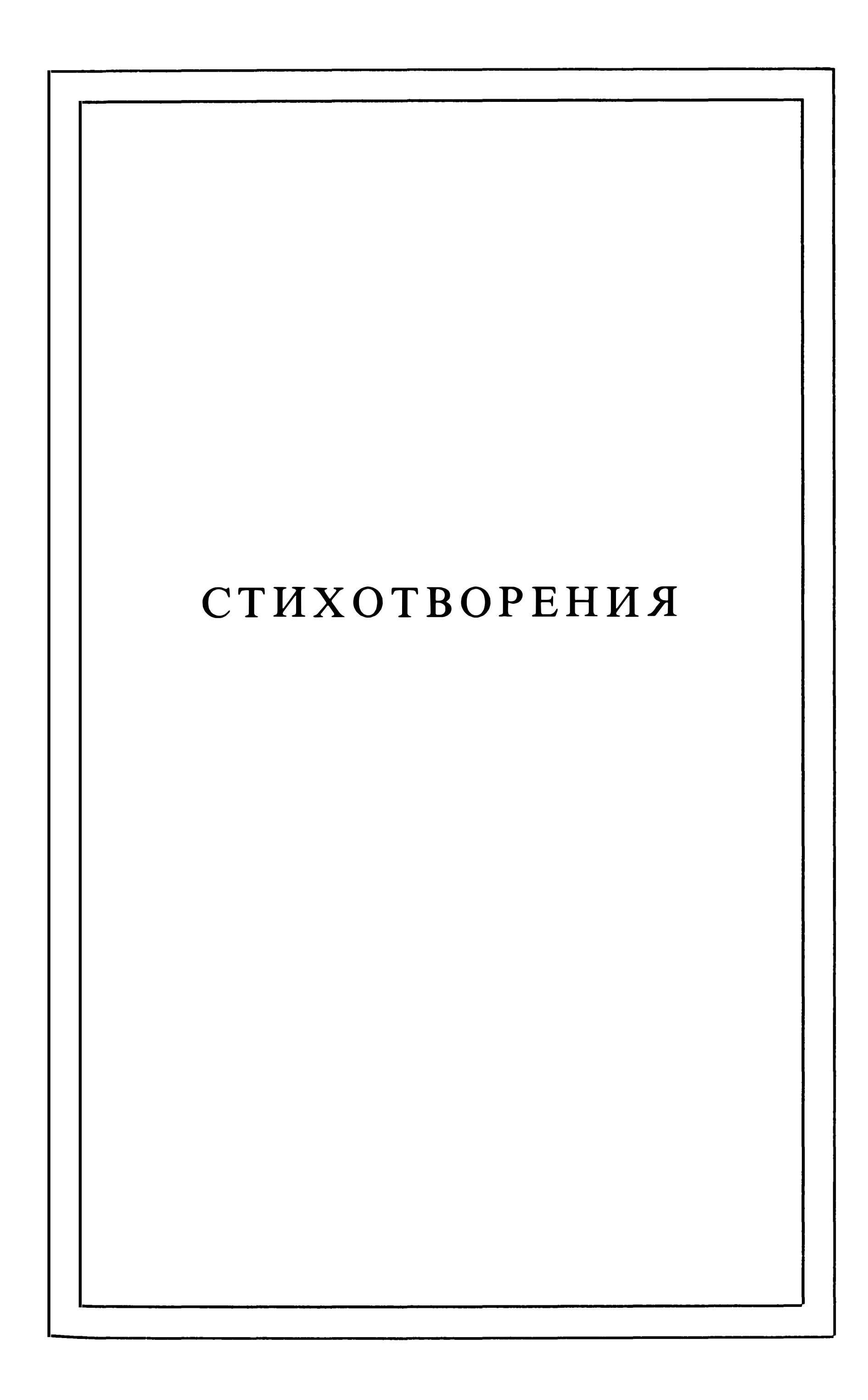
Составление, подготовка текста и комментарии
Анны Саакянц и Льва Мнухина

Художник А. А. Семенов

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты картин О. В. Розановой

Ц $\frac{4700000000-018}{130(03)-94}$ Без объявл.

ISBN 5-7195-0019-7 (Т. 2)
ISBN 5-7195-0012-X



СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Вопль стародавний,
Плач Ярославны —
Слышите?
С башенной вышечки
Неперерывный
Вопль — неизбывный:

— Игорь мой! Князь
Игорь мой! Князь
Игорь!

Ворон, не сглазь
Глаз моих — пусть
Плачут!

Солнце, мечи
Стрелы в них — пусть
Слепнут!

Кончена Русь!
Игорь мой! Русь!
Игорь!

Лжет летописец, что Игорь опять в дом свой
Солнцем взошел — обманул нас Баян льстивый.
Знаешь конец? Там, где Дон и Донец — плещут,
Пал меж знамен Игорь на сон — вечный.

Белое тело его — ворон клевал.
Белое дело его — ветер сказал.

Подымайся, ветер, по оврагам,
Подымайся, ветер, по равнинам,
Торопись, ветрило-вихрь-бродяга,
Над тем Доном, белым Доном лебединым!

Долетай до городской до стенки,
С ко́ей по́ миру несется плач надгробный.
Не гляди, что подгибаются коленки,
Что тускнеет ее лик солнцеподобный...

— Ветер, ветер!
— Княгиня, весть!
Князь твой мертвый лежит —
За честь!

Вопль стародавний,
Плач Ярославны —
Слышите?
Вопль ее — ярый,
Плач ее, плач —
Плавный:

— Кто мне заздравную чару
Из рук — выбил?
Старой не быть мне,
Под камешком гнить,
Игорь!

Дёрном-глиной заткните рот
Алый мой — нонче ж.
Кончен
Белый поход.

5 января 1921

С Новым Годом, Лебединый стан!
Славные обломки!
С Новым Годом — по чужим местам —
Воины с котомкой!

С пеной у́ рта пляшет, не догнав,
Красная погоня!
С Новым Годом — битая — в бегах
Родина с ладонью!

Приклонись к земле — и вся земля
Песнею заздравной.
Это, Игорь, — Русь через моря
Плачет Ярославной.

Томным стоном утомляет грусть:
— Брат мой! — Князь мой! — Сын мой!
— С Новым Годом, молодая Русь
За́ морем за синим!

Москва, 13 января 1921

БОЛЬШЕВИК

От Ильменя — до вод Каспийских
Плеча рванулись в ширь.
Бьет по щекам твоим — российский
Румянец-богатырь.

Дремучие — по всей по крепкой
Башке — встают леса.
А руки — лес разносят в щепки,
Лишь за топор взялся!

Два зарева: глаза и щеки.
— Эх, уж и кровь добра! —
Глядите-кось, как руки в боки,
Встал посреди двора!

Весь мир бы разгромил — да проймы
Жмут — не дают дыхнуть!
Широкой доброте разбойной
Смеясь — вверяю грудь!

И земли чуждые пытая,
— Ну, какова мол новь? —
Смеюсь, — все ты же, Русь святая,
Малиновая кровь!

31 января 1921

РОЛАНДОВ РОГ

Как нежный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве...

За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он,

Чтоб, пошатнувшись, — на живую стену
Упал и знал, что — тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд.
За вором — сброд, а за шутом — всё горб.

Та́к, наконец, усталая держаться
Сознаньем: перст и назначеньем: драться,

Под свист глупца и мещанина смех —
Одна из всех — за всех — противу всех! —

Стою и шлю, закаменев от взлёту,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, рог!

Март 1921

□ □ □

Как закон голубиный вымарывая, —
Руку судорогой не свело, —
А случилось: заморское марево
Русским заревом здесь расцвело.
Два крыла свои — эвот да эвона —
.... истрепала любовь...
Что из правого-то, что из левого —
Одинакая пролита кровь...
Два крыла православного складеня —
.... промеж ними двумя —
А понять ничего нам не дадено,
Голубиной любви окромя...
Эх вы правая с левой две варежки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правою,
Встанет — всем Тамерланам на грусть!
В струпьях, в язвах, в проказе — оправдана,
Ибо есть и останется — Русь.

13 марта 1921

ПОПУТЧИК

Соратник в чудесах и бедах
Герб, во щитах моих и дедов
.... выше туч:
Крыло — стрела — и ключ.
〈А ну-ка〉......
〈Презрев корону золотую〉
Посмотрим, как тебя толкует
Всю суть собрав на лбу
Наследница гербу.
Как...... из потемок

По женской линии потомок
Крыло — когда возьмут карету
Стрела — властям писать декреты
.... подставив грудь
— Ключ: рта не разомкнуть.
Но плавится сюргуч и ломок
По женской линии потомок
Тебя 〈сдерет〉 сюргуч.
— Крыло — стрела — и ключ.

〈Март 1921〉

УЧЕНИК

Сказать — задумалась о чем?
В дождь — под одним плащом,
В ночь — под одним плащом, потом
В гроб — под одним плащом.

1

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
— О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем — плащ.

Победоноснее Царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне — не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ — а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
И — вдохновенно улыбнувшись — первым
Взойти на твой костер.

15 апреля 1921

2

Есть некий час...
Тютчев.

Есть некий час — как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда, сложив оружье
К ногам указанного нам — Перстом,
Мы пурпур Воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.

О этот час, на подвиг нас — как Голос
Вздымающий из своеволья дней!
О этот час, когда как спелый колос
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожделенное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, — еще заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты — одиночества верховный час!

15 апреля 1921

3

Солнце Вечера — добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует — не греет
Солнце в полдень.

Отрешеннее и кротче
Солнце — к ночи.
Умудренное, не хочет
Бить нам в очи.

Простотой своей — тревожа —
Королевской,
Солнце Вечера — дороже
Песнопевцу!

Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера — не кланяется
Черни.

Низвергаемый с престолу
Вспомни — Феба!
Низвергаемый — не долу
Смотрит — в небо!

О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольней.

16 апреля 1921

4

Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм
Вечные — двое.

Тесно — плечо с плечом —
Встали в молчанье.
Два — под одним плащом —
Ходят дыханья.

Завтрашних спящих войн
Вождь — и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.

Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
— Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче!

Через все небо — дым
Воинств Господних.
Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.

Ревностью взор разъят,
Молит и ропщет...
— Отче, возьми в закат,
В ночь свою, отче!

Празднуя ночи вход,
Дышат пустыни.
Тяжко — как спелый плод —
Падает: — Сыне!

Смолкло в своем хлеву
Стадо людское.
На золотом холму
Двое — в покое.

19 апреля 1921

5

Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню — бок ó бок — на холм,
Я помню — всходили...

Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбывной.

Всё выше, всё выше — высот
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

21 апреля 1921

6

Все великолепье
Труб — лишь только лепет
Трав — перед Тобой.

Все великолепье
Бурь — лишь только щебет
Птиц — перед Тобой.

Все великолепье
Крыл — лишь только трепет
Век — перед Тобой.

23 апреля 1921

7

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим...

25 апреля 1921

В сновидящий час мой бессонный, совиный
Так ...... я вдруг поняла:
Я знаю: не сердце во мне, — сердцевина
На всём протяженье ствола.

Продольное сердце, от корня до краю
Стремящее Рост и Любовь.
Древесная-чи́стая, — вся ключевая,
Древесная — си́льная кровь.

Не знающие ни продажи, ни купли —
Не руки — два взмаха в лазорь!
Не лоб — в небеса запрокинутый купол,
Любимец созвездий и зорь.

Из темного чрева, где скрытые руды,
Ввысь — мой тайновидческий путь.

Из недр земных — и до неба: отсюда
Моя двуединая суть.

Две ....
Два знанья, вкушенные всласть.
К законам земным дорогое пристрастье,
К высотам прекрасная страсть.

Апрель 1921

Как настигаемый олень
Летит перо.
О ....
И как хитро!

Их сонмы гонятся за мной, —
Чумная масть!
Всё дети матери одной,
Чье имя — страсть.

Олень, олень Золоторог,
Беда близка!
То в свой звонкоголосый рог
Трубит тоска...

По зарослям словесных чащ
Спасайся, Царь!
То своры дых кровокипящ, —
То Ревность-Псарь!

Всё громче, громче об ребро
Сердечный стук...
И тихо валится перо
Из смуглых рук...

30 апреля 1921

□ □ □

На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь.

Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам.

Поклон тебе, град Божий, Киев!
Поклон, престольная Москва!
Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства...

Не встанет – любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп.

3 мая 1921

Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа – навстречу палачу,
Как бабочка из хризалиды!
Душа, не съевшая обиды,
Что больше колдунов не жгут.
Как смоляной высокий жгут
Дымящая под власяницей...

Скрежещущая еретица,
— Саванароловой сестра —
Душа, достойная костра!

10 мая 1921

□ □ □

О первое солнце над первым лбом!
И эти — на солнце прямо —
Дымящие — черным двойным жерлом —
Большие глаза Адама.

О первая ревность, о первый яд
Змеиный — под грудью левой!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!

Врожденная рана высоких душ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всех мне Адамов затмивший Муж:
Крылатое солнце древних!

10 мая 1921

□ □ □

Косматая звезда,
Спешащая в никуда
Из страшного ниоткуда.
Между прочих овец приблуда,
В златорунные те стада
Налетающая, как Ревность —
Волосатая звезда древних!

10 мая 1921

МАРИНА

1

Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть, — Мариной!
Вестовым — часовым — гонцом —

Знаменосцем — льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон.

Сальных карт захватив колоду,
Ногу в стремя! — сквозь огнь и воду!
Где верхом — где ползком — где вплавь!

Тростником — ивняком — болотом,
А где конь не берет, — там лётом,
Все ветра полонивши в плащ!

Черным вихрем летя беззвучным,
Не подругою быть — сподручным!
Не единою быть — вторым!

Близнецом — двойником — крестовым
Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.

Гул кремлевских гостей незваных.
Если имя твое — Басманов,
Отстранись. — Уступи любви!

Распахнула платок нагрудный.
— Руки настежь! — Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови.

11 мая 1921

2

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты – гордецу своему
Не родившая сына...

В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты, гордецу своему
Не махнувшая следом...

На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты, гордеца своего
Не покрывшая телом...

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту.
– Ты, гордецу своему
Не отершая пота...

– Своекорыстная кровь! –
Проклята, проклята будь
Ты – Лжедимитрию смогшая быть Лжемариной!

11 мая 1921

3

– Сердце, измена!
– Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
К белым губам.

Краткая встряска костей о плиты.
– Гришка! – Димитрий!

Цареубийцы! Псе́кровь холопья!
И — повторенным прыжком —
На копья!

11 мая 1921

4

— Грудь Ваша благоуханна,
Как розмариновый ларчик...
Ясновельможна панна...
— Мой молодой господарчик...

— Чем заплачу за щедроты:
Темен, негромок, непризнан...
Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: — Жизнью!

В каждом пришельце гонимом
Пану мы Иезусу — служим...
Мнет в замешательстве мнимом
Горсть неподдельных жемчужин.

Перлы рассыпались, — слезы!
Каждой ресницей нацелясь,
Смотрит, как в прахе елозя,
Их подбирает пришелец.

13 мая 1921

□ □ □

Как разгораются — каким валежником!
На площадях ночных — святыни кровные!
Пред самозванческим указом Нежности —
Что наши доблести и родословные!

С какой торжественною постепенностью
Спадают выспренные обветшалости!
О наши прадедовы драгоценности
Под самозванческим ударом Жалости!

А проще: лоб склонивши в глубь ладонную,
В сознаньи низости и неизбежности —
Вниз по отлогому — по неуклонному —
Неумолимому наклону Нежности...

Май 1921

КН. С. М. ВОЛКОНСКОМУ

Стальная выправка хребта
И вороненой стали волос.
И чудодейственный — слегка —
Чуть прикасающийся голос.

Какое-то скольженье вдоль —
Ввысь — без малейшего нажима...
О дух неуловимый — столь
Язвящий — сколь неуязвимый!

Земли не чующий, ничей,
О безучастие, с которым
— Сиятельный — лишь тень вещей
Следишь высокомерным взором.

В миг отрывающийся — весь!
В лад дышащий — с одной вселенной!
Всегда отсутствующий *здесь,*
Чтоб *там* присутствовать бессменно.

Май 1921

РАЗЛУКА

Сереже

1

Башенный бой
Где-то в Кремле.
Где на земле,
Где —

Крепость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.

Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле —
Мой
Дом,
Мой — сон,
Мой — смех,
Мой — свет,
Узких подошв — след.

Точно рукой
Сброшенный в ночь —
Бой.

— Брошенный мой!

Май 1921

2

Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое черное окно
Пустые руки
Бросаю в полуночный бой
Часов, — домой
Хочу! — Вот так: вниз головой
— С башни! — Домой!

Не о булыжник площадной:
В шепот и шелест...
Мне некий Воин молодой
Крыло подстелет.

Май 1921

3

Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, — разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже —
Неотъемлем.

Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их
— Без звука! —
Как дерево-машет-рябина
В разлуку,
Во след журавлиному клину.

Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.

Я спеси не сбавлю!
Я в смерти — нарядной
Пребуду — твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора!

Июнь 1921

4

Смуглой оливой
Скрой изголовье.
Боги ревнивы
К смертной любови.

Каждый им шелест
Внятен и шорох.
Знай, не тебе лишь
Юноша дорог.

Роскошью майской
Кто-то разгневан.
Остерегайся
Зоркого неба.

═══

Думаешь — скалы
Манят, утесы,
Думаешь, славы
Медноголосый

Зов его — в гущу,
Грудью на копья?
Вал восстающий
— Думаешь — топит?

Дольнее жало
— Веришь — вонзилось?

Пуще опалы —
Царская милость!

Плачешь, что поздно
Бродит в низинах.
Не земнородных
Бойся, — незримых!

Каждый им волос
Ведом на гребне.
Тысячеоки
Боги, как древле.

Бойся не тины, —
Тверди небесной!
Ненасытимо —
Сердце Зевеса!

25 июня 1921

5

Тихонько
Рукой осторожной и тонкой
Распутаю путы:
Ручонки — и ржанью
Послушная, зашелестит амазонка
По звонким, пустым ступеням расставанья.

Топочет и ржет
В осиянном пролете
Крылатый. — В глаза — полыханье рассвета.
Ручонки, ручонки!
Напрасно зовете:
Меж ними — струистая лестница Леты.

27 июня 1921

6

Седой — не увидишь,
Большим — не увижу.
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжмешь.

На всю твою муку,
Раззор — плач:
— Брось руку!
Оставь плащ!

В бесстрастии
Каменноокой камеи,
В дверях не помедлю,
Как матери медлят:

(Всей тяжестью крови,
Колен, глаз —
В последний земной
Раз!)

Не кра́дущимся перешибленным зверем, —
Нет, каменной глыбою
Выйду из двери —
Из жизни. — О чем же
Слезам течь,
Раз — камень с твоих
Плеч!

Не камень! — Уже
Широтою орлиною —
Плащ! — и уже по лазурным стремнинам
В тот град осиянный,
Куда — взять
Не смеет дитя
Мать.

28 июня 1921

7

Ростком серебряным
Рванулся ввысь.
Чтоб не узрел его
Зевес —
Молись!

При первом шелесте
Страшись и стой.
Ревнивы к прелести
Они мужской.

Звериной челюсти
Страшней — их зов.
Ревниво к прелести
Гнездо богов.

Цветами, лаврами
Заманят ввысь.
Чтоб не избрал его
Зевес —
Молись!

Все небо в грохоте
Орлиных крыл.
Всей грудью грохайся —
Чтоб не сокрыл.

В орлином грохоте
— О клюв! О кровь! —
Ягненок крохотный
Повис — Любовь...

Простоволосая,
Всей грудью — ниц...
Чтоб не вознес его
Зевес —
Молись!

29 июня 1921

8

Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная,
Прелестная чаша —
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,
Повисшие в зорях.

Я знаю, я знаю,
Кто чаше — хозяин!
Но легкую ногу вперед — башней
В орлиную высь!
И крылом — чашу
От грозных и розовых уст —
Бога!

30 июня 1921

⟨9⟩

Твои ...... черты,
Запечатленные Кануном.
Я буду стариться, а ты
Останешься таким же юным.

Твои ...... черты,
Обточенные ветром знойным.
Я буду горбиться, а ты
Останешься таким же стройным.

Волос полу́денная тень,
Склоненная к моим сединам...
Ровесник мой год в год, день в день,
Мне постепенно станешь сыном...

Нам вместе было тридцать шесть,
Прелестная мы были пара...
И — радугой — благая весть:
.... — не буду старой!

Троицын день 1921

⟨10⟩

Последняя прелесть,
Последняя тяжесть:
Ребенок, у ног моих
Бьющий в ладоши.

Но с этой последнею
Прелестью — справлюсь,
И эту последнюю тяжесть я —
Сброшу.
. . . .
Всей женскою лестью
Язвя вдохновенной,
Как будто не отрок
У ног, а любовник —

О шествиях —
Вдоль изумленной Вселенной
Под ливнем лавровым,
Под ливнем дубовым.

Последняя прелесть,
Последняя тяжесть —
Ребенок, за плащ ухватившийся... — В муке
Рожденный! — Когда-нибудь людям расскажешь,
Что не было равной —
В искусстве Разлуки!

10 июля 1921

□ □ □

М. А. Кузмину

Два зарева! — нет, зеркала́!
Нет, два недуга!
Два серафических жерла,
Два черных круга

Обугленных — из льда зеркал,
С плит тротуарных,
Через тысячеверстья зал
Дымят — полярных.

Ужасные! — Пламень и мрак!
Две черных ямы.
Бессонные мальчишки — так —
В больницах: Мама!

Страх и укор, ах и аминь...
Взмах величавый...
Над каменностию простынь —
Две черных славы.

Так знайте же, что реки — вспять,
Что камни — помнят!
Что уж опять они, опять
В лучах огромных

Встают — два солнца, два жерла,
— Нет, два алмаза! —
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

2 июля 1921

2 Зак 95

ВЕСТНИКУ

Скрежещут якорные звенья,
Вперед, крылатое жилье!
Покрепче чем благословенье
С тобой — веление мое!

Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше нежели Фортуну —
Ты *сердце* Цезаря везешь!

Смирит лазоревую ярость
Ресниц моих — единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!

Обветренные руки стиснув,
Слежу. — Не верь глазам! — Всё ложь!
Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.

Два слова, звонкие как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой — тысяча который? —
К единственному одному.

В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож
— Между рубахою и грудью —
Ты сердце Матери везешь.

3 июля 1921

ГЕОРГИЙ

С. Э.

1

Ресницы, ресницы,
Склоненные ниц.
Стыдливостию ресниц
Затменные — солнца в венце стрел!
— Сколь грозен и сколь ясен! —
И плащ его — был — красен,
И конь его — был — бел.

Смущается Всадник,
Гордится конь.
На дохлого гада
Белейший конь
Взирает вполоборота.
В пол-окна широкого
Вслед копью
В пасть красную — дико раздув ноздрю —
Раскосостью огнеокой.

Смущается Всадник,
Снисходит конь.
Издохшего гада
Дрянную кровь
— Янтарную — легким скоком
Минует, — янтарная кровь течет.
Взнесенным копытом застыв — с высот
Лебединого поворота.

Безропотен Всадник,
А конь брезглив.
Гремучего гада
Копьем пронзив —
Сколь скромен и сколь томен!
В ветрах — высокó — седлецо твое,
Речной осокой — копьецо твое
Вот-вот запоет в восковых перстах

У розовых уст
Под прикрытием стрел
Ресничных,
Вспоет, вскличет.
— О страшная тяжесть
Свершенных дел!
И плащ его красен,
И конь его бел.

Любезного Всадника,
Конь, блюди!
У нежного Всадника
Боль в груди.
Ресницами жемчуг нижет...
Святая иконка — лицо твое,
Закатным лучом — копьецо твое
Из длинных перстов брызжет.
Иль луч пурпуровый
Косит копьем?
Иль красная туча
Взмелась плащом?
За красною тучею —
Белый дом.
Там впустят
Вдвоем
С конем.

Склоняется Всадник,
Дыбится конь.
Все слабже вокруг копьеца ладонь.
Вот-вот не снесет Победы!

— Колеблется — никнет — и вслед копью
В янтарную лужу — вослед копью
Скользнувшему.
— Басенный взмах
Стрел...

Плащ красен, конь бел.

9 июля 1921

2

О тяжесть удачи!
Обида Победы!
Георгий, ты плачешь,
Ты красною девой
Бледнеешь над делом
Своих двух
Внезапно-чужих
Рук.

Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь гласом
Победным. — Тяжелым смарагдовым маслом
Стекает кровища.
Дракон спит.
На всю свою жизнь
Сыт.

Взлетевшею гривой
Затменное солнце.
Стыдливости детской
С гордынею конской
Союз.
Из седла —
В небеса —
Куст.
Брезгливая грусть
Уст.

Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь даром
Царевым, — ее подвенечным пожаром.
Церковкою ладанной:
Строг — скуп —
В безжалостный
Рев
Труб.

Трубите! Трубите!
Уж слушать недолго.
Уж нежный тростник победительный — долу.
Дотрубленный долу
Поник. — Смолк.
И облачный — ввысь! —
Столб.

Клонитесь, клонитесь,
Послушные травы!
Зардевшийся под оплеухою славы —
Бледнеет. — Домой, трубачи! — Спит.
До судной трубы —
Сыт.

11 июля 1921

3

Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте — Георгия!

Славьте, жемчужные
Грозди полуночи,
Дивного мужа,
Пречистого юношу:

Огненный плащ его,
Посвист копья его,
Кровокипящего
Славьте — коня его!

═══════

Зычные мачты
И слободы орлие!
Громокипящего
Славьте — Георгия!

Солнцеподобного
В силе и в кротости.
Доблесть из доблестей,
Роскошь из роскошей:

Башенный рост его,
Посвист копья его,
Молниехвостого
Славьте – коня его!

Львиные ветры
И глыбы соборные!
Великолепного
Славьте – Георгия!

Змея пронзившего,
Смерть победившего,
В дом Госпожи своей
Конным – вступившего!

Зычный разгон его,
Посвист копья его,
Преображенного
Славьте – коня его!

Льстивые ивы
И травы поклонные,
Вольнолюбивого,
Узорешенного

Юношу – славьте,
Юношу – плачьте...
Вот он, что розан
Райский – на травке:

Розовый рот свой
На две половиночки –
Победоносец,
Победы не вынесший.

11 июля 1921

4

Из облаков кивающие перья.
Как передать твое высокомерье,
— Георгий! — Ставленник небесных сил!

Как передать закрепощенный пыл
Зрачка, и трезвенной ноздри раздутой
На всем скаку обузданную смуту.

Перед любезнейшею из красот
Как передать — с архангельских высот
Седла — копья — содеянного дела

И девственности гневной — эти стрелы
Ресничные — эбеновой масти —
Разящие: — Мы не одной кости!

Божественную ведомость закончив,
Как передать, Георгий, сколь уклончив
— Чуть что земли не тронувший едва —

Поклон, — и сколь пронзительно-крива
Щель, заледеневающая сразу:
— О, не благодарите! — По приказу.

12 июля 1921

5

С архангельской высоты седла
Евангельские творить дела.
Река сгорает, верста смугла.
— О даль! Даль! Даль!

В пронзающей прямизне ресниц
Пожарищем налетать на птиц.
Копыта! Крылья! Сплелись! Свились!
О высь! Высь! Высь!

В заоблачье исчезать как снасть!
Двуочие разевать как пасть!
И не опомнившись — мертвым пасть:
О страсть! — Страсть! — Страсть!

12 июля 1921

6

А девы — не надо.
По вольному хладу,
По синему следу
Один я поеду.

Как был до победы:
Сиротский и вдовый.
По вольному следу
Воды родниковой.

От славы, от гною
Доспехи отмою.
Во славу Твою
Коня напою.

Храни, Голубица,
От града — посевы,
Девицу — от гада,
Героя — от девы.

13 июля 1921

7

О всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Георгия — робость,
Георгия — кротость...

Очей непомерных
— Широких и влажных —
Суровая — детская — смертная важность.

Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копья.

Не тот — высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Георгий,
Тишайший Георгий,

Горчайший — свеча моих бдений — Георгий,
Кротчайший — с глазами оленя — Георгий!

(Трепещущей своре
Простивший олень).
— Которому пробил
Георгиев день.

О лотос мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!

Ты — все мои бденья
И все сновиденья!

Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты, больше, чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!

Лазурное око мое —
В вышину!
Ты, блудную снова
Вознесший жену.

— Так слушай же!..

14 июля 1921

(Не докончено за письмом.)

〈8〉

Не лавром, а терном
На царство венчанный,
В седле — а крылатый!

Вкруг узкого стана
На бархате черном
Мальтийское злато.

Нетленные иглы
Терновые — Богу
И Другу присяга.

Высокий загиб
Лебединый, а с боку
Мальтийская шпага.

Мальтийского Ордена
Рыцарь — Георгий,
Меж спящими — бдящий.

Мальтийского Ордена
Рыцарь — Георгий,
На жен не глядящий...

Июль 1921

〈9〉

Странноприимница высоких душ,
. . . .
Тебя пою — пергаментная сушь
Высокодышащей земли Орфея.

Земля высокомерная! — Ступню
Отталкивающая как ладонью,
Когда ж опять на грудь твою ступлю
Заносчивой пятою амазоньей —

Сестра высокомерная! Шагов
Не помнящая ....
Земля, земля Героев и Богов,
Амфитеатр моего Восхода!

Июль 1921

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

С. Э.

1

В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.

Меж водорослей —
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях — моего!

В заоблачную
Песнопенную высь —
Двумолнием
Осмелеваюсь — и вот

Мне жаворонок
Обронил с высоты —
Что зá морем ты,
Не за облаком ты!

15 июля 1921

2

Жив и здоров!
Громче громов —
Как топором —
Радость!

Нет, топором
Мало: быком
Под обухом
Счастья!

Оглушена,
Устрашена.
Что же взамен —
Вырвут?

И от колен
Вплоть до корней
Вставших волос —
Ужас.

Стало быть, жив?
Веки смежив,
Дышишь, зовут —
Слышишь?

Вывез корабль?
О мой журавль
Младший — во всей
Стае!

Мертв — и воскрес?!
Вздоху в обрез,
Камнем с небес,
Ломом

По голове, —
Нет, по эфес
Шпагою в грудь —
Радость!

16 июля 1921

3

Под горем не горбясь,
Под камнем—крылатой—
— Орлом!—уцелев,

Земных матерей
И небесных любовниц
Двойную печаль

Взвалив на плеча,—
Горяча мне досталась
Мальтийская сталь!

Но гневное небо
К орлам—благосклонно.
Не сон ли: в волнах

Сонм ангелов конных!
Меж ними—осанна!—
Мой—снегу белей...

Лилейные ризы,
— Конь вывезет!—Гривой
Вспенённые зыби.
— Вал вывезет!—Дыбом
Встающая глыба...
Бог вынесет...
— Ох!—

17 июля 1921

4

Над спящим юнцом—золотые шпоры.
Команда: вскачь!
Уже по пятам воровская свора.
Георгий, плачь!

Свободною левою крест нащупал.
Команда: вплавь!
Чтоб всем до единого им под купол
Софийский, — правь!

Пропали! Не вынесут сухожилья!
Конец! — Сдались!
— Двумолнием раскрепощает крылья.
Команда: ввысь!

19 июля 1921

5

Во имя расправы
Крепись, мой Крылатый!
Был час переправы,
А будет — расплаты.

В тот час стопудовый
— Меж бредом и былью —
Гребли тяжело
Корабельные крылья.

Меж Сциллою — да! —
И Харибдой гребли.
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Тогда по крутому
Эвксинскому брегу
Был топот Побега,
А будет — Победы.

В тот час непосильный
— Меж дулом и хлябью —
Сердца не остыли,
Крыла не ослабли,

Плеча напирали,
Глаза стерегли.
— О крылья мои,
Журавли-корабли!

Птенцов узколицых
Не давши в обиду,
Сказалось —
Орлицыно сердце Тавриды.

На крик длинноклювый
— С ерами и с ятью! —
Проснулась —
Седая Монархиня-матерь.

И вот уже купол
Софийский — вдали...
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Крепитесь! Кромешное
Дрогнет созвездье.
Не с моря, а с неба
Ударит Возмездье.

Глядите: небесным
Свинцом налитая,
Грозна, тяжела
Корабельная стая.

И нету конца ей,
И нету земли...
— О крылья мои,
Журавли-корабли!

20 июля 1921

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЖДЯ

Конь — хром,
Меч — ржав.
Кто — сей?
Вождь толп.

Шаг — час,
Вздох — век,
Взор — вниз.
Все — там.

Враг. — Друг.
Терн. — Лавр.
Всё — сон...
— Он. — Конь.

Конь —хром.
Меч — ржав.
Плащ — стар.
Стан — прям.

16 июля 1921

□ □ □

Благоухала целую ночь
В снах моих — Роза.
Неизреченно-нежная дочь
Эроса — Роза.

Как мне усвоить, расколдовать
Речь твою — Роза?
Неизреченно-нежная мать
Эроса — Роза!

Как ...... мне странную сласть
Снов моих — Роза?
Самозабвенно-нежная страсть
Эроса — Роза!

21 июля 1921

□ □ □

Прямо в эфир
Рвется тропа.
— Остановись! —
Юность слепа.
Ввысь им и ввысь!
В синюю рожь!
— Остановись! —
В небо ступнешь.

25 августа 1921

□ □ □

Не в споре, а в мире —
Согласные сестры.
Одна — меч двуострый
Меж грудью и миром
Восставив: не выйду!
Другая, чтоб не было гостю обиды —
И медом и миром.

⟨1921⟩

ОТРОК

Геликону

1

Пустоты отроческих глаз! Провалы
В лазурь! Как ни черны — лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби в них, ни лона,
Вселенная в них правит ход.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звону!
Книгохранилища пустот!

Провалы отроческих глаз! — Пролеты!
Душ раскаленных — водопой.
— Оазисы! — Чтоб всяк хлебнул и отпил,
И захлебнулся пустотой.

Пью — не напьюсь. Вздох — и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул.
Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался Царь Саул.

25 августа 1921

2

Огнепоклонник! Красная масть!
Заворожённый и ворожащий!
Как годовалый — в красную пасть
Льва, в пурпуровую кипь, в чащу —

Око и бровь! Перст и ладонь!
В самый огонь, в самый огонь!

Огнепоклонник! Страшен твой Бог!
Пляшет твой Бог, нáсмерть ударив!
Думаешь — глаз? Красный всполох —
Око твое! — Перебег зарев...

А пока жив — прядай и сыпь
В самую кипь! В самую кипь!

Огнепоклонник! Не опалюсь!
По мановенью — горят, гаснут!
Огнепоклонник! Не поклонюсь!
В черных пустотах твоих красных

Стройную мощь выкрутив в жгут
Мой это бьет — красный лоскут!

27 августа 1921

3

Простоволосая Агарь — сижу,
В широкоокую печаль — гляжу.

В печное зарево раскрыв глаза,
Пустыни карие — твои глаза.

Забывши Верую, купель, потир —
Справа-налево в них читаю Мир!

Орлы и гады в них, и лунный год, —
Весь грустноглазый твой, чужой народ.

Пески и зори в них, и плащ Вождя...
Как ты в огонь глядишь — я на тебя.

Пески не кончатся... Сынок, ударь!
Простой поденщицей была Агарь.

Босая, темная бреду, в тряпье...
— И уж не помню я, что там — в котле!

28 августа 1921

4

Виноградины тщетно в садах ржавели,
И наложница, тщетно прождав, уснула.
Палестинские жилы! — Смолы тяжéле
Протекает в вас древняя грусть Саула.

Пятидневною раною рот запекся.
Тяжек ход твой, о кровь, приближаясь к сроку!
Так давно уж Саулу-Царю не пьется,
Так давно уже землю пытает око.

Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобье горна.
И влачат, и влачат этот вздох Саулов
Палестинские отроки с кровью черной.

30 августа 1921

□ □ □

Веками, веками
Свергала, взводила.
Горбачусь — из серого камня — Сивилла.

Пустынные очи
Упорствуют в землю.
Уже не пророчу, —
Зубов не разъемлю.

О дряхлом удаве
Презренных сердец —
Лепечет, лепечет о славе юнец.

Свинцовые веки
Смежила — не выдать!
Свинцовые веки
Смеженные — видят:

В сей нищенской жизни —
Лишь час величавый!
Из серого камня — гляди! — твоя слава.

О дряхлом удаве
Презренных сердец —
Лепечет, лепечет о славе юнец.

2 сентября 1921

□ □ □

Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой — Петербург, моя — Москва.

Блаженно так и бескорыстно
Мой гений твоему внимал.
На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал.

Но вал моей гордыни польской —
Как пал он! — С златозарных гор
Мои стихи — как добровольцы
К тебе стекались под шатер...

Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесть?
И безутешна я, что женской лиры
Одной, одной мне тягу несть.

12 сентября 1921

ОТРЫВОК ИЗ СТИХОВ К АХМАТОВОЙ

...Но вал моей гордыни польской
Как пал он! — С златозарных гор
Мои стихи — как добровольцы
К тебе стекались под шатер.

Следя полночные наезды,
Бдил добровольческий табун,
Пока беседовали звезды
С Единодержицею струн.

12 сентября 1921

МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздохнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

18 сентября 1921

□ □ □

Гордость и робость — ро́дные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали.

«Лоб запрокинув!» — гордость велела.
«Очи потупив!» — робость шепнула.

Так прохожу я — очи потупив —
Лоб запрокинув — Гордость и Робость.

20 сентября 1921

ХАНСКИЙ ПОЛОН

1

Ханский полон
Во́ сласть изведав,
Бью крылом
Богу побегов.

Спорый бог,
Скорый бог,
Шпоры в бок-бог!

Оповести
Словом и знаком,
Тех усыпи
Хмелем и маком,

Кровом и мраком будь,
Словом и знаком будь,
Пнем и канавой будь, —
Чтоб все ветра им в грудь!

Черный бог,
Ворон-бог,
Полночь-бьет-бог.

Щебнем-травой,
Гребнем-откосом.
Над татарвой
— Тьфу! — над раскосой.

Конь мой земли не тронь,
Лоб мой звезды не тронь,
Вздох мой губы не тронь,
Всадник-конь, перст-ладонь.

Конный бог,
Сонный бог,
Ломом в лоб-бог!

Быстрым ногам —
Крепость и смелость!
По слободам
Век чтобы пелось:

Беглых и босых — бог,
Простоволосых — бог,

Взлет, всплеск, всхлест, охлест-бог,
Сам черт на веслах — бог.

Окрик-бог,
Охлест-бог,
Опрометь-бог!

1 октября 1921

2

Ни тагана
Нет, ни огня.
Нá меня, нá!
Будет с меня

Конскую кость
Жрать с татарвой.
Сопровождай,
Столб верстовой!

— Где ж, быстрота,
Крест-твой-цепóк?
— Крест-мой-цепóк
Хан под сапог.

Град мой в крови,
Грудь без креста, —
Усынови,
Матерь-Верста!

— Где ж, сирота,
Кладь-твоя-дом?
— Скарб — под ребром,
Дом — под седлом,

Хан мой — Мамай,
Хлеб мой — тоска.
К старому в рай,
Паперть-верста!

— Что ж, красота,
К Хану строга?
— К Хану строга?
Память долга!

Камнем — мне Хан,
Ямой — Москва.
К ангелам в стан,
Скатерть-верста!

2 октября 1921

3

Следок твой непытан,
Вихор твой — колтун.
Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.

Нетоптанный путь,
Непутевый огонь. —
Ох, Родина-Русь,
Неподкованный конь!

Кумач твой без сбыту,
Палач твой без рук.
Худое корыто
В хоромах — да крюк.

Корою нажрусь, —
Не диковина нонь!
— Ох, Родина-Русь,
Зачарованный конь!

Не вскочишь — не сядешь!
А сел — не пеняй!
Один тебе всадник
По нраву — Мамай!

Раскосая гнусь,
Воровская ладонь...
— Эх, Родина-Русь,
Нераскаянный конь!

8 октября, Сергиев день 1921

4

Не растеклась еще
Кровь Иисусова.
Над безнапраслинкой —
Времячко Бусово.

Черная кровь
Из-под ножа.
Бусом — любовь,
Бусом — божба.

Знать не дошла еще
Кровь Голубина.
Озером — Жаль,
Полем — Обида.

(Уж не тебя ль,
Князь мой нелжив?)
Озером — Жаль,
Деревом — Див.

Тупит глаза
Русь моя руса.
Вороном — Гза,
Гзак тот безусый,

Хан-тот-лазей,
Царь-раскрадынь,
Рознит князей,
Вдовит княгинь.

— Ослобони меня!
Хану — рабынюшка!
В роще обидонька
Плачет рябинушкой.

Не перечесть
Той бирюзы.
Девичья честь —
Стрелы борзы!

Травушки стоптаны,
Рученьки розняты.
В поле стыдобушка
Никнет березынькой.

Только и есть —
Два рукава!
Гзакова лесть —
Плеть скакова!

Исполосована
Русь моя русая.
Гзак да Кончак еще,
Вороны Бусовы.

Полный колчан,
Вольный постой,
А по ночам
Мать над дитей:

— Спи, неустан,
Спи, недослух,
Чтоб тебя сам
Хан карнаух!

Хвать — да и в стан!
Каши не даст!
Чтоб тебя сам
Гзак-загребаст!

Так по шатрам,
Через всю Русь:
— Чтоб тебя сам
Бус-удавлюсь!

20 марта 1922

□ □ □

Семеро, семеро
Славлю дней!
Семь твоих шкур твоих
Славлю, Змей!

Пустопорожняя
Дань земле —
Старая кожа
Лежит на пне.

Старая сброшена, —
Новой жди!
Старую кожу,
Прохожий, жги!

Чтоб уж и не было
Нам: вернись!
Чтобы ни следу
От старых риз!

Снашивай, сбрасывай
Старый день!
В ризнице нашей —
Семижды семь!

16 октября 1921

ХВАЛА АФРОДИТЕ

1

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Так лавр растет,—жестоколист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
— Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любови.

17 октября 1921

2

Уже богов—не те уже щедроты
На берегах—не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!

Я ж на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу—
Я молодость свою переросла.

17 октября 1921

3

Тщетно, в ветвях заповедных кроясь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупою
Освободил меня твой же сын.
— Так о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

18 октября 1921

4

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вкруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной —
Грудью круглится.
В каждом цветке неповинном — твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке —
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?

23 октября 1921

□ □ □

От гнева в печени, мечты во лбу,
Богиня верности, храни рабу.

Чугунным ободом скрепи ей грудь,
Богиня Верности, покровом будь.

Все сладколичие сними с куста,
Косноязычием скрепи уста...

Запечатленнее кости в гробу,
Богиня Верности, храни рабу!

Дабы без устали шумел станок,
Да будет уст ее закон — замок.

Дабы могильного поверх горба:
«Единой Верности была раба!»

На раздорожии, ребром к столбу,
Богиня Верности — распни рабу!

24 октября 1921

С такою силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такою силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет —

Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: Пора!
Так в ночь глядит — последними глазами —
Наложница последнего царя.

24 октября 1921

МОЛОДОСТЬ

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! — Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Ты в ночи нашептывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.

Скипетр тебе вернув до сроку —
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока-
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

18 ноября 1921

2

Скоро уж из ласточек — в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне...
Постоим с тобою на ветру!
Смуглая моя! Утешь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!

Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! — Спляши, ошпарь!
Золотце мое — прощай — янтарь!

Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин —
Молодость моя! — Иди к другим!

20 ноября 1921

МУЗА

Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается,—
Такая далекая!

Под смуглыми веками —
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла — и забыла.

Подол неподобранный,
Ошмёток оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.

Не плачет, не сетует:
Рванул — так и милый!
Рукою обветренной
Дала — и забыла.

Забыла — и россыпью
Гортанною, клекотом...
— Храни ее, Господи,
Такую далекую!

19 ноября 1921

Справа, справа — баран круторогий!
И сильны мои ноги.
Пожелайте мне доброй дороги,
Богини и боги!

Слажу, слажу с курчавой сестрою,
С корабельной сосною!

Вся поклажа — брусок со струною,
Ничего — за спиною!

Ни закона, ни ......, ни дома,
Ни отцовского грома,
Ни товарища нежной истомы, —
Всё сгорело соломой!

Пожелайте мне смуглого цвета
И попутного ветра!
.... — в Лету,
Без особой приметы!

19 ноября 1921

□ □ □

Без самовластия,
С полною кротостью.
Легкий и ласковый
Воздух над пропастью.

Выросший сразу,
— Молнией — в срок —
Как по приказу
Будет цветок.

Змееволосый,
Звездоочитый...
Не смертоносный, —
Сам без защиты!

Он ли мне? Я — ему?
Знаю: польщусь...
Знаю: нечаянно
В смерть оступлюсь...

20 ноября 1921

□ □ □

Так плыли: голова и лира,
Вниз, в отступающую даль.
И лира уверяла: мира!
А губы повторяли: жаль!

Крово-серебряный, серебро-
Кровавый след двойной лия,
Вдоль обмирающего Гебра —
Брат нежный мой, сестра моя!

Порой, в тоске неутолимой,
Ход замедлялся головы.
Но лира уверяла: мимо!
А губы ей вослед: увы!

Вдаль-зыблящимся изголовьем
Сдвигаемые как венцом —
Не лира ль истекает кровью?
Не волосы ли — серебром?

Так, лестницею нисходящей
Речною — в колыбель зыбей.
Так, к острову тому, где слаще
Чем где-либо — лжет соловей...

Где осиянные останки?
Волна соленая — ответь!
Простоволосой лесбиянки
Быть может вытянула сеть? —

1 декабря 1921

□ □ □

Не для льстивых этих риз, лживых ряс —
Голосистою на свет родилась!

Не ночные мои сны — наяву!
Шипом-шепотом, как вы, не живу!

От тебя у меня, шепот-тот-шип —
Лира, лира, лебединый загиб!

С лавром, с зорями, с ветрами союз,
Не монашествую я — веселюсь!

И мальчишка — недурён-белокур!
Ну, а накривь уж пошло чересчур, —

От тебя у меня, шепот-тот-шип —
Лира, лира, лебединый загиб!

Доля женская, слыхать, тяжела!
А не знаю — на весы не брала!

Не продажный мой товар — даровой!
Ну, а ноготь как пойдет синевой, —

От тебя у меня, клекот-тот-хрип —
Лира, лира, лебединый загиб!

4 декабря 1921

Грудь женская! Души застывший вздох, —
Суть женская! Волна, всегда врасплох
Застигнутая — и всегда врасплох
Вас застигающая — видит Бог!

Презренных и презрительных утех
Игралище. — Грудь женская! — Доспех
Уступчивый! — Я думаю о тех...
Об одногрудых тех, — подругах тех!..

5 декабря 1921

ПОДРУГА

Немолкнущим Ave,
Пасхальной Обедней —
Прекрасная слава
Подруги последней.

1

Спит, муки твоея — веселье,
Спит, сердца выстраданный рай.
Над Иверскою колыбелью
— Блаженная! — помедлить дай.

Не суетность меня, не зависть
В дом привела, — не воспрети!
Я дитятко твое восславить
Пришла, как древле — пастухи.

Не тою же ль звездой ведома?
— О сéребро-сусаль-слюда! —
Как вкопанная — глянь — над домом,
Как вкопанная — глянь — звезда!

Не радуюсь и не ревную, —
Гляжу, — и пó сердцу пилой:
Что сыну твоему дарую?
Вот плащ мой — вот и посох мой.

6 декабря 1921

2

В своих младенческих слезах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в женах!
– Благословенна!

У раздорожного креста
Раскрыл глазочки.
(Ведь тот был тоже сирота, –
Сынок безотчий).

В своих младенческих слезах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в слезах!
– Благословенна.

Твой лоб над спящим над птенцом –
Чист, бестревожен.
Был благовест тебе венцом,
Благовест – ложем.

Твой стан над спящим над птенцом –
Трепет и древо.
Был благовест ему отцом, –
Радуйся, Дева!

В его заоблачных снегах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в снегах!
– Благословенна.

9 декабря 1921

3

Огромного воскрылья взмах,
Хлещущий дых:
– Благословенна ты в женах,
В женах, в живых.

Где вестник? Буйно и бело.
Вихорь? Крыло?
Где вестник? Вьюгой замело —
Весть и крыло.

9 декабря 1921

4

Чем заслужить тебе и чем воздать —
Присноблаженная! — Младенца Мать!

Над стеклянеющею поволокой
Вновь подтверждающая: — Свет с Востока!

От синих глаз его — до синих звезд
Ты, радугою бросившая мост!

Не падаю! Не падаю! Плыву!
И — радугою — мост через Неву.

Жизнеподательница в час кончины!
Царств утвердительница! Матерь Сына!

В хрип смертных мук его — в худую песнь! —
Ты — первенцево вбросившая: «Есмь!»

10 декабря 1921

5

Последняя дружба
В последнем обвале.
Что нужды, что нужды —
Как здесь называли?

Над черной канавой,
Над битвой бурьянной,
Последнею славой
Встаешь, — безымянной.

На крик его: душно! припавшая: друг!
Последнейшая, не пускавшая рук!

Последнею дружбой —
Так сонмы восславят.
Да та вот, что пить подавала,
Да та вот. —

У врат его царских
Последняя смена.
Уста, с синевы
Сцеловавшие пену.

Та, с судороги сцеловавшая пот,
На крик его: руку! сказавшая: вот!

Последняя дружба,
Последнее рядом,
Грудь с грудью...

— В последнюю оторопь взгляда
Рай вбросившая,

Под фатой песнопенной,
Последнею славой
Пройдешь — покровенной.

Ты, заповеди растоптавшая спесь,
На хрип его: Мама! солгавшая: здесь!

11 декабря 1921

ВИФЛЕЕМ

Два стихотворения, случайно
не вошедшие в «Стихи к Блоку»

Сыну Блока, — Саше.

1

Не с серебром пришла,
Не с янтарем пришла, —
Я не царем пришла,
Я пастухом пришла.

Вот воздух гор моих,
Вот острый взор моих
Двух глаз — и красный пых
Костров и зорь моих.

Где ладан-воск — тот-мех?
Не оберусь прорех!
Хошь и нищее всех —
Зато первее всех!

За верблюдóм верблюд
Гляди: на холм-твой-крут,
Гляди: цари идут,
Гляди: лари несут.

О — поз — дали!

6 декабря 1921

2

Три царя,
Три ларя
С ценными дарами.

Первый ларь —
Вся земля
С синими морями.

Ларь второй:
Весь в нем Ной,
Весь, с ковчегом-с-тварью.

Ну, а в том?
Что в третём?
Что в третём-то, Царь мой?

Царь дает,
— Свет мой свят!
Не понять что значит!

Царь — вперед,
Мать — назад,
А младенец плачет.

6 декабря 1921

□ □ □

С. Э.

Как по тем донским боям, —
В серединку самую,
По заморским городам
Все с тобой мечта моя.

Со стены сниму кивот
За труху бумажную.
Все продажное, а вот
Память не продажная.

Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике.
Оттого что мы с тобой —
Одноколыбельники.

Не для тысячи судеб —
Для единой родимся.

Ближе, чем с ладонью хлеб —
Так с тобою сходимся.

Не унес пожар-потоп
Перстенька червонного!
Ближе, чем с ладонью лоб
В те часы бессонные.

Не возьмет мое вдовство
Ни муки, ни мельника...
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.

Знай, в груди моей часы
Как завел — не ржавели.
Знай, на красной на Руси
Все ж самодержавие!

Пусть весь свет идет к концу —
Достою у всенощной!
Чем с другим каким к венцу —
Так с тобою к стеночке.

— Ну-кось, до меня охоч!
Не зевай, брательники!
Так вдвоем и канем в ночь:
Одноколыбельники.

13 декабря 1921

Так говорю, ибо дарован взгляд
Мне в игры хоровые:
Нет, пурпурные с головы до пят,
А вовсе не сквозные!

Так — довожу: лба осиянный свод
Надменен до бесчувствья.
И если радугою гнется рот —
То вовсе не от грусти.

Златоволосости хотел? Стыда?
Вихрь — и костер лавровый!
И если нехотя упало: *да* —
Нет — их второе слово.

Мнил — проволокою поддержан бег?
Нет, глыбы за плечами!
В полуопущенности смуглых век
Стрел больше, чем в колчане!

О, в каждом повороте головы —
Целая преисподня!
Я это утверждаю: таковы,
Да, — ибо рать Господня.

Медновскипающие табуны —
В благовест мы — как в битву!
Какое дело нам до той слюны,
Названной здесь молитвой?!

Путеводители старух? Сирот?
— Вспóлохи заревые! —
Так утверждаю, ибо настежь вход
Мне в игры хоровые.

14 декабря 1921

□ □ □

Необычайная она! Сверх сил!
Не обвиняй меня пока! Забыл!
Благословенна ты! Велел сказать —
Благословенна ты! А дальше гладь

Такая ровная... Постой: меж жен
Благословенна ты... А дальше звон
Такой ликующий...—Дитя, услышь:
Благословенна ты!—А дальше тишь
Такая...

18 декабря 1921

□ □ □

Как начнут меня колеса—
В слякоть, в хлипь,
Как из глотки безголосой
Хлынет кипь—
Хрип, кончающийся за́ морем,
что стерт
Мол с лица земли мол...
— Мама?
Думал,—черт!
Да через три ча еще!

23 декабря 1921

□ □ □

Над синеморскою лоханью—
Воинствующий взлет.
Божественное задыханье
Дружб отроческих—вот!

Гадательные диалоги
Воскрылия с плечом.
Объятие, когда руки и ноги
И тело—ни при чем.

Ресни – цами – сброшенный вызов:
Вырвалась! Догоняй!
Из рук любовниковых – ризы
Высвобожденный край.

И пропастью в груди (что нужды
В сем: косное грудь в грудь?)
Архангельской двуострой дружбы
Обморочная круть.

25 декабря 1921

АХМАТОВОЙ

Кем полосынька твоя
Нынче выжнется?
Чернокосынька моя!
Чернокнижница!

Дни полночные твои,
Век твой таборный...
Все работнички твои
Разом забраны.

Где сподручники твои,
Те сподвижнички?
Белорученька моя,
Чернокнижница!

Не загладить тех могил
Слезой, славою.
Один заживо ходил –
Как удавленный.

Другой к стеночке пошел
Искать прибыли.
(И гордец же был-сокол!)
Разом выбыли.

Высоко твои братья́!
Не докличешься!
Яснооконька моя,
Чернокнижница!

А из тучи-то (хвала —
Диво дивное!)
Соколиная стрела,
Голубиная...

Знать, в два перышка тебе
Пишут тамотка,
Знать, уж в скорости тебе
Выйдет грамотка:

— Будет крылышки трепать
О булыжники!
Чернокрылонька моя!
Чернокнижница!

29 декабря 1921

□ □ □

Ломающимся голосом
Бредет — как палкой по́ мосту.
Как водоросли — волосы.
Как водоросли — помыслы.

И в каждом спуске: выплыву,
И в каждом взлете: падаю.
Рука как свиток выпала,
Разверстая и слабая...

Декабрь 1921

□ □ □

До убедительности, до
Убийственности – просто:
Две птицы вили мне гнездо:
Истина – и Сиротство.

‹1921 – 1922›

МОСКВЕ

‹1›

Первородство – на сиротство!
Не спокаюсь.
Велико твое дородство:
Отрекаюсь.

Тем как вдаль гляжу на ближних –
Отрекаюсь.
Тем как твой топчу булыжник –
Отрекаюсь.

═══

Как в семнадцатом-то
Праведница в белом,
Усмехаючись, стояла
Под обстрелом.

Как в осьмнадцатом-то
– А? – следочком ржавым
Все сынов своих искала
По заставам.

Вот за эту-то – штыками
Не спокаюсь! –
За короткую за память
Отрекаюсь.

Драгомилово, Рогожская,
Другие...
Широко ж твоя творилась
Литургия.

А рядочком-то
На площади на главной,
Рванью-клочьями
Утешенные, лавром...

Наметай, метель, опилки,
Снег свой чистый.
Поклонись, глава, могилкам
Бунтовщицким.

(Тоже праведники были,
Были, — не за гривну!)
Красной ране, бедной праведной
Их кривде...

═══

Старопрежнее, на свалку!
Нынче, здравствуй!
И на кровушке на свежей —
Пляс да яства.

Вот за тех за всех за братьев
— Не спокаюсь! —
Прости, Иверская Мати!
Отрекаюсь.

12 января 1922

〈2〉

Пуще чем женщина
В час свиданья!
Лавроиссеченный,
Красной рванью
Исполосованный

В кровь —
Снег.

Вот они, тесной стальной когортой,
К самой кремлевской стене приперты,
В ряд
Спят.

Лавр — вместо камня
И Кремль — оградой.
Крестного знамени
Вам не надо.
Как —
Чтить?

Не удостоились «Со святыми»,
Не упокоились со святыми.
Лавр.
Снег.

Как над Исусовым
Телом — стража.
Руки грызу себе, — ибо даже
Снег
Здесь

Гнев. — «Проходи! Над своими разве?!»
Первою в жизни преступной связью
Час
Бьет.

С башни — который? — стою, считаю.
Что ж это здесь за земля такая?
Шаг
Врос.

Не оторвусь! («Отрубите руки!»)
Пуще чем женщине
В час разлуки —
Час
Бьет.

Под чужеземным бунтарским лавром
Тайная страсть моя,
Гнев мой явный —
Спи,
Враг!

13 января 1922

□ □ □

По-небывалому:
В первый раз!
Не целовала
И не клялась.

По-небывалому:
Дар и милость.
Не отстраняла
И не клонилась.

А у протаянного окна —
Это другая была —
Она.

. . . .
. . . .
Не заклинай меня!
Не клялась.

Если и строила —
Дом тот сломлен.
С этой другою
Родства не помню.

. . . .
. . . .
Не окликай меня, —
Безоглядна.

Январь 1922

НОВОГОДНЯЯ

С. Э.

Братья! В последний час
Года — за русский
Край наш, живущий — в нас!
Ровно двенадцать раз —
Кружкой о кружку!

За почетную рвань,
За Тамань, за Кубань,
За наш Дон русский,
Старых вер Иордань...
Грянь,
Кружка о кружку!

Товарищи!
Жива еще
Мать — Страсть — Русь!
Товарищи!
Цела еще
В серд — цах Русь!

Братья! Взгляните в даль!
Дельвиг и Пушкин,
Дел и сердец хрусталь...
— Славно, как сталь об сталь —
Кружкой о кружку!

Братства славный обряд —
За наш братственный град
Прагу — до — хрусту
Грянь, богемская грань!
Грянь,
Кружка о кружку!

Товарищи!
Жива еще
Ступь — стать — сталь.

Товарищи!
Цела еще
В серд – цах – сталь.

Братья! Последний миг!
Уж на опушке
Леса – исчез старик...
Тесно – как клык об клык –
Кружкой о кружку!

Добровольная дань,
Здравствуй, добрая брань!
Еще жив – русский
Бог! Кто верует – встань!
                    Грянь,
Кружка о кружку!

15 января 1922

НОВОГОДНЯЯ

(вторая)

С. Э.

Тот – вздохом взлелеянный,
Те – жестоки и смуглы.
Залетного лебедя
Не обижают орлы.

К орлам – не по записи:
Кто залетел – тот и брат!
Вольна наша трапеза,
Дик новогодний обряд.

Гуляй, пока хочется,
В гостях у орла!

Мы — вольные летчики,
Наш знак — два крыла!

Под гулкими сводами
Бои: взгляд о взгляд, сталь об сталь.
То ночь новогодняя
Бьет хрусталем о хрусталь.

Попарное звяканье
Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань.
Очами невнятными
Один — в новогоднюю рань...

Не пей, коль не хочется!
Гуляй вдоль стола!
Мы — вольные летчики,
Наш знак — два крыла!

Соборной лавиною
На лбы — новогодний обвал.
Тоска лебединая,
В очах твоих Дон ночевал.

Тоска лебединая,
Протяжная — к родине — цепь...
Мы знаем единую
Твою, — не донская ли степь?

Лети, куда хочется!
На то и стрела!
Мы — вольные летчики,
Наш век — два крыла!

18 января 1922

□ □ □

Каменногрудый,
Каменнолобый,
Каменнобровый
Столб:
Рок.

Промысел, званье!
Вставай в ряды!
Каменной дланью
Равняет лбы.

Хищен и слеп,
Хищен и глуп.
Милости нет:
Каменногруд.

Ведомость, номер!
Без всяких прочих!
Равенство — мы:
Никаких Высочеств!

Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
Пушкин — на снег,
И Шенье — на плаху.

19 января 1922

□ □ □

Алексею Александровичу Чаброву

Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая — все стрелы!
Дружба! — Последняя страсть
Недосожженного тела.

В сердце, где белая даль,
Гладь — равноденствие — ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.

Знать: не бывать и не быть!
В зоркости самоуправной
Как черепицами крыть
Молниеокую правду.

Рук непреложную рознь
Блюсть, костенея от гнева.
— Дружба! — Последняя кознь
Недоказненного чрева.

21 января 1922

□ □ □

По нагориям,
По восхолмиям,
Вместе с зорями,
С колокольнями,

Конь без удержу,
— Полным парусом! —
В завтра путь держу,
В край без праотцев.

Не орлицей звать
И не ласточкой.
Не крестите, —
Не родилась еще!

Суть двужильная.
Чужедальняя.
Вместе с пильнями,
С наковальнями,

Вздох — без одыши,
Лоб — без огляди,
В завтра речь держу
По́том огненным.

Пни да рытвины, —
Не взялась еще!
Не судите!
Не родилась еще!

Тень — вожатаем,
Тело — за́ версту!
Поверх закисей,
Поверх ржавостей,

Поверх старых вер,
Новых навыков,
В завтра, Русь, — поверх
Внуков — к правнукам!

(Мертвых Китежей
Что нам — пастбища?)
Возлюбите!
Не родилась еще!

Серпы убраны,
Столы с яствами.
Вместе с судьбами,
Вместе с царствами.

Полукружием,
— Солнцем за море! —
В завтра взор межу:
— Есмь! — Адамово.

Дыхом-пыхом — дух!
Одни — по́ножи.
— Догоняй, лопух!
На седьмом уже!

22 января 1922

□ □ □

С. Э.

Не похорошела за годы разлуки!
Не будешь сердиться на грубые руки,
Хватающиеся за хлеб и за соль?
— Товарищества трудовая мозоль!

О, не прихорашивается для встречи
Любовь. — Не прогневайся на просторечье
Речей, — не советовала б пренебречь:
То летописи огнестрельная речь.

Разочаровался? Скажи без боязни!
То — выкорчеванный от дружб и приязней
Дух. — В путаницу якорей и надежд
Прозрения непоправимая брешь!

23 января 1922

□ □ □

Верстами — врозь — разлетаются брови.
Две достоверности розной любови,
Черные возжи-мои-колеи —
Дальнодорожные брови твои!

Ветлами — вслед — подымаются руки.
Две достоверности верной разлуки,
Кровь без слезы пролитая!
По ветру жизнь! — Брови твои!

Летописи лебединые стрелы,
Две достоверности белого дела,
Радугою — в Божьи бои
Вброшенные — брови твои!

23 января 1922

ПОСМЕРТНЫЙ МАРШ

Добровольчество — это добрая воля к смерти...

(Попытка толкования)

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...

Уронив лобяной облом
В руку, судорогой сведенную,
— Громче, громче! — Под плеск знамен
Не взойдет уже в залу тронную!

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...

Не она ль это в зеркалах
Расписалась ударом сабельным?
В едком верезге хрусталя
Не ее ль это смех предсвадебный?

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как —

Не она ли из впалых щек
Продразнилась крутыми скулами?
Не она ли под локоток:
— Третьим, третьим вчерась прикуривал!

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как —

А — в просторах — Нор-Ост и шквал.
— Громче, громче промежду ребрами! —
Добровольчество! Кончен бал!
Послужила вам воля добрая!

И марш вперед уже,
Трубят —

Не чужая! Твоя! Моя!
Всех как есть обнесла за ужином!
— Долгой жизни, Любовь моя!
Изменяю для новой суженой...

И марш —

23 января 1922

□ □ □

Завораживающая! Крест
На́ крест складывающая руки!
Разочарование! Не крест
Ты — а страсть, как смерть и как разлука.

Развораживающий настой,
Сладость обморочного оплыва...
Что настаивающий нам твой
Хрип, обезголосившая дива —

Жизнь! — Без голосу вступает в дом,
В полной памяти дает обеты,
В нежном голосе полумужском —
Безголосицы благая Лета...

Уж немногих я зову на ты,
Уж улыбки забываю важность...
— То вдоль всей голосовой версты
Разочарования протяжность.

29 января 1922

□ □ □

А и простор у нас татарским стрелам!
А и трава у нас густа — бурьян!
Не курским соловьем осоловелым,
Что похотью своею пьян,

Свищу над реченькою румянистой,
Той реченькою-не старей.
Покамест в неширокие полсвиста
Свищу — пытать богатырей.

Ох и рубцы ж у нас пошли калеки!
— Алешеньки-то кровь, Ильи! —
Ох и красны́ ж у нас дымятся реки,
Малиновые полыньи.

В осоловелой оторопи банной —
Хрип княжеский да волчья сыть.
Всей соловьиной глоткой разливанной
Той оторопи не покрыть.

Вот и молчок-то мой таков претихий,
Что вывелась моя семья.
Меж соловьев слезистых — соколиха,
А род веду — от Соловья.

9 февраля 1922

□ □ □

Не приземист — высокоросл
Стан над выравненностью грядок.
В густоте кормовых ремесл
Хоровых не забыла радуг.

Сплю – и с каждым батрацким днем
Тверже в памяти благодарной,
Что когда-нибудь отдохнем
В верхнем городе Леонардо.

9 февраля 1922

□ □ □

Слезы – на лисе моей облезлой!
Глыбой – чересплечные ремни!
Громче паровозного железа,
Громче левогрудой стукотни –

Дребезг подымается над щебнем,
Скрежетом по рощам, по лесам.
Точно кто вгрызающимся гребнем
Разом – по семи моим сердцам!

Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегар,
Или же – вдоль насыпи сутулой
Шепоты и топоты татар.

Или мужичонка, нá круг должный,
Зá косу красу – да о косяк?
(Может, людоедица с Поволжья
Склабом – о ребяческий костяк?)

Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
Или же за кровь мою, за труд –
Сорок звонарей моих взбесились –
И болярыню свою поют...

Сокол-перерезанные путы!
Шибче от кровавой колеи!
– То над родиной моею лютой
Исстрадавшиеся соловьи.

10 февраля 1922

ДОЧЬ ИАИРА

1

Мимо иди!
Это великая милость.
Дочь Иаира простилась
С куклой (с любовником!) и с красотой.
Этот просторный покрой
Юным к лицу.

2

В просторах покроя –
Потерянность тела,
Посмертная сквозь.

Девица, не скроешь,
Что кость захотела
От косточки врозь.

Зачем, равнодушный,
Противу закону
Спешащей реки –

Слез женских послушал
И о́тчего стону –
Душе вопреки!

Сказал – и воскресла,
И смутно, по памяти,
В мир хлеба и лжи.

Но поступь надтреснута,
Губы подтянуты,
Руки свежи.

И всё как спросоньица
Немеют конечности.
И в самый базар

С дороги не тронется
Отвесной. — То Вечности
Бессмертный загар.

Привыкнет — и свыкнутся.
И в белом, как надобно,
Меж плавных сестер...

То юную скрытницу
Лавиною свадебной
Приветствует хор.

Рукой его согнута,
Смеется — всё заново!
Всё роза и гроздь!

Но между любовником
И ею — как занавес
Посмертная сквозь.

16—17 февраля 1922

□ □ □

На пушок девичий, нежный —
Смерть серебряным загаром.
Тайная любовь промежду
Рукописью — и пожаром.

Рукопись — пожару хочет,
Девственность — базару хочет,
Мраморность — загару хочет,
Молодость — удару хочет!

Смерть, хватай меня за косы!
Подкоси румянец русый!
Татарве моей раскосой
В ножки да не поклонюся!

— Русь!!!

16—17 февраля 1922

□ □ □

На заре — наимедленнейшая кровь,
На заре — наиявственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод.

Око зрит — невидимейшую даль,
Сердце зрит — невидимейшую связь...
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь.
Над разбитым Игорем плачет Див...

18 февраля 1922

□ □ □

Переселенцами —
В какой Нью-Йорк?
Вражду вселенскую
Взвалив на горб —

Ведь и медведи мы!
Ведь и татары мы!
Вшами изъедены
Идем — с пожарами!

Покамест — в долг еще!
А там, из тьмы —
Сонмы и полчища
Таких, как мы.

Полураскосая
Стальная щель.
Дикими космами
От плеч — метель.

— Во имя Господа!
Во имя Разума! —
Ведь и короста мы,
Ведь и проказа мы!

Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мех —
Звезда российская:
Противу всех!

Отцеубийцами —
В какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенский бич!

«Люд земледельческий,
Вставай с постелею!»
И вот с расстрельщиком
Бредет расстрелянный,

И дружной папертью,
— Рвань к голытьбе:
«Мир белоскатертный!
Ужо тебе!»

22 февраля 1922

ПЛОЩАДЬ

Ока крылатый откос:
Вброд или вдоль стен?
Знаю и пью робость
В чашечках ко — лен.

Нет голубям зерен,
Нет площадям трав,
Ибо была — морем
Площадь, кремнем став.

Береговой качки
...... злей
В башни не верь: мачты
Гиблых кораб — лей...

Грудь, захлебнись камнем...

⟨1922⟩

□ □ □

Сомкнутым строем —
Противу всех.
Дай же спокойно им
Спать во гробех.

Ненависть, — чти
Смертную блажь!
Ненависть, спи:
Рядышком ляжь!

В бранном их саване —
Сколько прорех!
Дай же им правыми
Быть во гробех.

Враг — пока здрав,
Прав — как упал.
Мертвым — устав
Червь да шакал.

Вместо глазниц —
Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын — раз в крови!

Собственным телом
Отдал за всех...
Дай же им белыми
Быть во гробех.

22 февраля 1922

СУГРОБЫ

Эренбургу

〈1〉

Небо катило сугробы
Валом в полночную муть.
Как из единой утробы —
Небо — и глыбы — и грудь.

Над пустотой переулка,
По сталактитам пещер
Как раскатилося гулко
Вашего имени Эр!

Под занавескою сонной
Не истолкует Вам Брюс:
Женщины — две — и наклонный
Путь в сновиденную Русь.

Грому небесному тесно!
— Эр! — леопардова пасть.
(Женщины — две — и отвесный
Путь в сновиденную страсть...)

Эр! — необорная крепость!
Эр! — через чрево — вперед!
Эр! — в уплотненную слепость
Недр — осиянный пролет!

Так, между небом и нёбом,
— Радуйся же, маловер! —
По сновиденным сугробам
Вашего имени Эр.

23 февраля 1922

⟨2⟩

Не здесь, где связано,
А там, где велено.
Не здесь, где Лазари
Бредут с постелею,

Горбами вьючными
О щебень дней.
Здесь нету рученьки
Тебе — моей.

Не здесь, где скривлено,
А там, где вправлено,
Не здесь, где с крыльями
Решают — саблями,

Где плоть горластая
На нас: добей!
Здесь нету дарственной
Тебе — моей.

Не здесь, где спрошено,
Там, где отвечено.
Не здесь, где крошева
Промеж — и месива

Смерть — червоточиной,
И ревность-змей.
Здесь нету вотчины
Тебе — моей.

И не оглянется
Жизнь крутобровая!
Здесь нет свиданьица!
Здесь только проводы,

Здесь слишком спутаны
Концы ремней...
Здесь нету утрени
Тебе — моей.

Не двор с очистками —
Райскими кущами!
Не здесь, где взыскано,
Там, где отпущено,

Где вся расплёскана
Измена дней.
Где даже слов-то нет:
— Тебе — моей...

25 февраля 1922

〈3〉

Широкое ложе для всех моих рек —
Чужой человек.
Прохожий, в которого руки — как в снег
Всей жаркостью век

Виновных, — которому вслед я и вслед,
В гром встречных телег.
Любовник, которого может и нет,
(Вздох прожит — и нет!)

Чужой человек,
Дорогой человек,
Ночлег-человек,
Навек-человек!

— Невемый! — На сале змеином, без свеч,
Хлеб свадебный печь.
В измену! — Руслом расставаний, не встреч
Реке моей бечь.

— В свиданье! — А коли темна моя речь —
Дом каменный с плеч!
Над рвом расставаний, над воркотом встреч —
Реки моей речь...

Простор-человек,
Ниотколь-человек,
Сквозь-пол — человек,
Прошел-человек.

25 февраля 1922

〈4〉

А уж так: ни о чем!
Не плечом-не бочком,
Не толчком-локотком, —
Говорком, говорком.

В горле — легкий громок,
Голос встречных дорог,
От судьбы ветерок:
Говорок, говорок.

От крутой орлиной страсти —
Перстенек на пальце.
А замешено то счастье
На змеином сальце.

А не хошь — не бери!
Может, ветер в двери,
Может, встречные три, —
А и сам разбери!

Хошь и крут мой порог —
Потрудись, паренек!
Не с горохом пирог, —
Сахарок-говорок!

Закажи себе на ужин,
Господин хороший,
Закажи себе жемчужин,
Горловых горошин.

Голубиных тех стай
Воркот, розовый рай?
Ай река через край?
Две руки подставляй!

Может, путь-мой-широк
Покатил перстенек
Мимо рук — да в сугроб?
Воркоток-говорок.

Распаял мое запястье
Ветерок февральский.
А замешено то счастье
На змеином сальце...

В ожерелье — сто бус.
Сорок ртов, один кус.
Ох сокол-мой-безус,
Не божусь, не клянусь!

(Может, гость-хромоног
Костылем о порог?
Вдоль хребта холодок —
Рокоток-говорок!)

Как на красной на слободке
Муж жену зарезал.
А моя добыча в глотке —
Не под грудью левой!

От тебя, палача,
Книзу пламем свеча.
Нашей мглы епанча —
Счастье с лева плеча!..

От румяных от щек —
Шаг — до черных до дрог!
Шелку ярый шнурок:
Ремешок-говорок!

1 марта 1922

〈5〉

В ворко-клекочущий зоркий круг —
Голуби встреч и орлы разлук.

Ветвь или меч
Примешь из рук?
В щебете встреч —
Дребезг разлук.

2 марта 1922

〈6〉

Масляница широка!
Масляницу за бока!

Масляница!
Увальница!
Провожайте
Масляницу!

Масляница-слобода!
Мочальная борода!

Снежок сывороточный,
Бочок вывороченный!

В тыщу девятьсот-от
Семнадцатом — счетом
Забралась, растрепа,
К мужику в окопы.

Восставай, Михалыч!
Твое дело — жалость.
Восставай, Егорыч,
Твое дело — горечь.

Поел, парень, белены,
Пора, парень, за блины!

Масляница!
Бубенница!
Румяная
Труженица!

Над ушком-то гудом:
Пора, брат, за бубен!
А в ладонь-то — зудом:
С кого брать — зарубим.

Товарищество! Товар!
Румяный наш кашевар!

Тисканая!
Глаженая!
Румяная!
Ряженая!

Ротастая —
Твоя купель.
Одна сестра —
На всю артель!

Растерзана,
На круг — рвана!
Кто первый взял —
Тому верна:

На века на вечные:
До первого встречного!

Масляница!
Вафельница!
Румяная
Висельница!

(Блины, вафли,
Сахар, мед!)
Вставай, барин,
Под черед!

Ни пекарен
Вам, ни круп!
Ложись, барин,
Под тулуп!

За наш за труд,
За наш за пот,
Гуляй, Кузьма!
Гуляй, Федот!

Пожрал сенца —
Valись на дичь!
Князьям счета
Строчи, Ильич!

Про наш раззор,
Про горести —
Разборчивей,
Забористей —

На весь забор
Трезвонь, братва!
Така мол нонь
Гармонь пошла.

Висельничек румянист,
Румяный наш гармонист!

Масляница!
Увальница!
Румяная
Кукольница!

Проваливай, прежнее!
Мои дрожжи свежие!

Проваливай! Заново!
Мои дрожжи пьяные!

Подправа из белены —
Пора, парень, за блины!

Зубастые,
Разинские,
Без застав поравенствуем!

Поставцы — подковой,
Икра — жемчугова:
С Богородицыных риз.
Садись, парень, не стыдись!

Масляница!
Бусельница!
Провожайте
Масляницу!

Крути, парень, паклю в жгут!
Нынче масляницу жгут.

Гикалу!
Шугалу!
Хапалу!
Чучелу!

6 марта 1922

〈7〉

Наворковала,
Наворожила.
Слева-направо
В путь проводила.

Чтоб уж никем уж,
Чтоб ни о ком уж,
Чтоб и у всенощ—
ной—сверх иконок:

Руды-пожары,
Бури-ворожбы—
Поверх державна
Воркота Божья.

Накуковала,
Натосковала.
Чтоб моей славой—
Все тебе скалы.

Чтоб моей силой—
Все тебе реки.
В первый и в третий,
Днесь и навеки...

Чтоб моей левой—
Немощь и помощь.
Чтоб уж никем уж,
Чтоб ни о ком уж...

Наобмирала,
Насоловьила.
Без переправы
В рай — насулила,

(Чтоб моей лестью
Все тебе птицы...)
В рай тот невесть чей.
В рай тот персидский...

В сласть и в страданье —
Дай — через руку!
Прощай — в свиданье!
Здравствуй — в разлуку!

10 марта 1922

⟨8⟩

А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, вьюг-твоих-приютство,
Воркотов приятство.

Веретен ворчливых царство,
Волков белых — рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,

Белокаменный, приютский
Для сестры, для братца...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.

Ах, в раззор, в раздор, в разводство
Широки — воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!

Прощай, след незнам, непытан,
Орлов белых свита,
Прощай, грех снежком покрытый,
По снегам размытый.

Горбуны-горбы-верблюдцы —
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.

Голытьбе с любовью долг
День весенний, звонный.
Где метель: покров-наш-полог,
Голова приклонна!

Цельный день грызет, докучня,
Леденцовы зерна.
Дребезга, дрызга, разлучня,
Бойня, живодерня.

День — с ремень, ноченька куца:
Ни начать, ни взяться...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться...

В две руки беру — за обе:
Ну — не оторвуся?
В две реки из ям-колдобин —
Дорогие бусы.

Расколдован, разморожен
Путь, ручьям запродан.
Друг! Ушли мои ворожбы
По крутым сугробам...

Не гляди, что слезы льются:
Вода — может статься!
Раз сугробы подаются —
Пора расставаться!

12 марта 1922

⟨9⟩

Ранне-утреня,
Поздне-вечерня,
Крепко стукана,
Не приручёна,

Жарко сватана,
В жены не взята, —
Я дорога твоя
Невозвратна.

Много-пытанная,
Чутко-слуханная,
Зорко-слеженная,
Неудержанная!

Уж закачана
Плачем и ливнем!
Даром трачены,
Звонкие гривны!

Даром продана,
Мощь черноземна!
Я хвороба твоя
Неудремна.

(Твоя тайная грусть,
Твоя тайная грызть,
Бесхозяйная Русь,
Окаянная жизть!)

Вечно — из дому,
Век — мимо дому,
От любезного
В лес — к дорогому!

Берегись, простота светлоруса!
Из-под полоза — птицей урвуся!

Вон за ту́ вон за даль,
Вон за ту́ вон за синь,
Вон за ту́ вон за сквозь,
Грива вкось, крылья врозь.

Эй, хорошие!
Не довелося!
Разворочена,
Простоволоса,

— Лжемариною
В сизые гряды! —
Я княгиня твоя
Безоглядна...

(Не гордыня ли
Неодоленна твоя,
Неомоленна твоя?
Проваленна твоя!)

По целковому
— Аль? — да на брата!
Колесована —
Не распозната;

Не дорога —
Мечта твоя сонна,
Недотрога твоя
Необгонна.

Вон то́ дерево!
Вон то́ зарево!
Вон то́ курево!
Вон то́ марево!

17 марта 1922

⟨10⟩

Возле любови —
Темные смуты:
Ровно бы лютню
Кто ненароком
Краем плаща.

(Ровно бы руки
К вам на плеча).

Как паутиною
Перепутан
Воздух — чуть ступишь...

Как паутиною
Перетянут
Голос — чуть вскличешь...

Возле любови —
Тихие вихри:
(Наш — или темный?)

Возле любови —
Шепот и шелест.
Возле любови —
Шепчут и стелят...

Тушат и светят,
Спущены веки,
Спутаны вехи,
Смуты и смехи...

Гей, постреленыш!
Плеть моя хлестка!
Вся некрещеность!
На перекресток!

Рознь — на порожек!
Гордость — в околыш!
Ревность — под полог!
Щекот и щелок.

Но круговая
— Сверху — порука
Крыл.

⟨18 марта 1922⟩

⟨11⟩

От меня — к невемому
Оскользь, молвь негласная.
Издалёка — дремленный,
Издалёка — ласканный...

У фаты завесистой
Лишь концы и затканы!
Отпусти словеснице
Оскользь, слово гладкое!

(Смугловистым ящером
Ишь — в меха еловые!)
Без ладони — лащенный,
За глаза — целованный!

Даль — большая вольница,
Верстовым — как рученькой!
Велика раскольница
Даль, хужей — прилучница!

Сквозь замочну скважину
В грудь — очьми оленьими.
Через версты — глаженный,
Ковыли — лелеянный!

За турецким за морем
Дом с цветными стеклами.
От меня — к незнамому
Выскок — ух! — высоконький!

Сверх волны обманчивой
В грудь — дугою лютою!
Через хляби — нянчанный,
Берега — баюканный...

Таковы известьица
К Вам — с Руси соломенной!
Хороша словесница:
Две руки заломлены!

Не клейми невежею
За крыло подрублено!
Через копья — неженный,
Лезвия — голубленный...

Март 1922

□ □ □

Знакомец! Отколева в наши страны?
Которого ветра клясть?
Знакомец! С тобою в любовь не встану:
Твоя вороная масть.

Покамест костру вороному — пыхать,
Красавице — искра в глаз!
— Знакомец! Твоя дорогая прихоть,
А мой дорогой отказ.

Москва, 18 марта 1922

□ □ □

Без повороту и без возврату,
Часом и веком.
Это сестра провожает брата
В темную реку.

Без передыху и без пощады
. . . .
Это сестра оскользнулась взглядом
В братнюю руку.

«По Безымянной
В самую низь.
Плиты стеклянны:
Не оскользнись.

Синее зелье
Всвищет сквозь щели.
Над колыбелью —
Нищие пели:

Первый — о славе,
Средний — о здравье,
Третий — так с краю
оставил:

Жемчугом сыпать
Вслед — коли вскличут»...
Братняя притопь.
Сестрина причеть.

28 марта 1922

□ □ □

Божественно и безоглядно
Растет прибой
Не губы, жмущиеся жадно
К руке чужой —

Нет, раковины в час отлива
Тишайший труд.
Божественно и терпеливо:
Так море — пьют.

⟨1922⟩

□ □ □

Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь.

Быть может — от плеча,
Протиснутого лбом.
Быть может — от луча,
Невидимого днем.

В напрасную струну
Прах — взмах на простыню.
Дань страху своему
И праху своему.

Жарких самоуправств
Час — и тишайших просьб.
Час безземельных братств.
Час мировых сиротств.

11 июня 1922

□ □ □

Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так — о камень лбом —
Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями: вся выплеснута

С моими дикостями — и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями...

Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим
В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.

12 июня 1922

ЗЕМНЫЕ ПРИМЕТЫ

1

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя — даль.

Все древности, кроме: *дай* и *мой,*
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, — но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав —
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

15 июня 1922

2

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера — дело рук,
Ремесленник — и знаю ремесло.

От высокоторжественных немот
До полного попрания души:
Всю лестницу божественную — от:
Дыхание мое — до: не дыши!

18 июня 1922

3

(БАЛКОН)

Ах, с откровенного отвеса —
Вниз — чтобы в прах и в смоль!
Земной любови недовесок
Слезой солить — доколь?

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздох: выдышаться в стих!

Стиснутое в руке комочком —
Чтó: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: — Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взмыв — выдышаться в смерть!

30 июня 1922

4

Руки — и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!

Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!

Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих Высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.

Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) — дожди
Тысячелетий тебя не мыли...

Тело меж тел,
— Ты, что мне прóпадом был двухзвёздным!..
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

5

Удостоверишься — повремени! —
Что, выброшенной на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

Нет, руки за́ голову заломив,
— Глоткою соловьиной! —
Не о сокровищнице — Суламифь:
Горсточке красной глины!

12 июля 1922

6

Дабы ты меня не видел —
В жизнь — пронзительной, незримой
Изгородью окружусь.

Жимолостью опояшусь,
Изморозью опушусь.

Дабы ты меня не слушал
В ночь — в премудрости старушьей:
Скрытничестве — укреплюсь.

Шорохами опояшусь,
Шелестами опушусь.

Дабы ты во мне не слишком
Цвел — по зарослям: по книжкам
Заживо запропащу:

Вымыслами опояшу,
Мнимостями опушу.

25 июня 1922

7

Вкрадчивостию волос:
В гладь и в лоск
Оторопию продольной —

Синь полунощную, масть
Воронову. — Вгладь и всласть
Оторопи вдоль — ладонью.

Неженка! — Не обманись!
Так заглаживают мысль
Злостную: разрыв — разлуку —

Лестницы последний скрип...
Так заглаживают шип
Розовый... — Поранишь руку!

Ведомо мне в жизни рук
Многое. — Из светлых дуг
Присталью неотторжимой

Весь противушерстный твой
Строй выслеживаю: смоль,
Стонущую под нажимом.

Жалко мне твоей упор-
ствующей ладони: в лоск
Волосы, — вот-вот уж через

Край — глаза... Загнана внутрь
Мысль навязчивая: утр
Наваждение — под череп!

17 июля 1922

8

Леты слепотекущий всхлип.
Долг твой тебе отпущен: слит
С Летою, — еле-еле жив
В лепете сребротекущих ив.

Ивовый сребролетейский плеск
Плачущий... В слепотекущий склеп
Памятей — перетомилась — спрячь
В ивовый сребролетейский плач.

На́ плечи — сребро-седым плащом
Старческим, сребро-сухим плющом
На́ плечи — перетомилась — ляг,
Ладанный слеполетейский мрак

Маковый...
                    — ибо красный цвет
Старится, ибо пурпур — сед
В памяти, ибо выпив всю —
Сухостями теку.

Тусклостями: ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.

Берлин, 31 июля 1922

Ночные шепота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шепота: шелка
Разглаживающие уста.
                                        Счета
Всех ревностей дневных —
                                        и вспых

Всех древностей — и стиснув челюсти —
И стих
Спор —
В шелесте...
И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
— Сколь чист! — И вздох.
Не тот. — Ушло.
Ушла.
И вздрог
Плеча.
Ничто
Тщета.
Конец.
Как нет.

И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.

17 июня 1922

□ □ □

Помни закон:
Здесь не владей!
Чтобы потом —
В Граде Друзей:

В этом пустом,
В этом крутом
Небе мужском
— Сплошь золотом —

В мире, где реки вспять[1],
На берегу — реки,
В мнимую руку взять
Мнимость другой руки...

[1] Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги: На — берегу — реки *(примеч. М. Цветаевой)*.

Легонькой искры хруст,
Взрыв — и ответный взрыв.
(Недостоверность рук
Рукопожатьем скрыв!)

О этот дружный всплеск
Плоских как меч одежд —
В небе мужских божеств,
В небе мужских торжеств!

Так, между отрочеств:
Между равенств,
В свежих широтах
Зорь, в загараньях

Игр — на сухом ветру
Здравствуй, бесстрастье душ!
В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб!

20 июня 1922

□ □ □

Когда же, Господин,
На жизнь мою сойдет
Спокойствие седин,
Спокойствие высот.

Когда ж в пратишину
Тех первоголубизн
Высокое плечо,
Всю вынесшее жизнь.

Ты, Господи, один,
Один, никто из вас,
Как с пуховых горбин
В синь горнюю рвалась.

Как под упорством уст
Сон — слушала — траву...
(Здесь, на земле искусств,
Словесницей слыву!)

И как меня томил
Лжи — ломовой оброк,
Как из последних жил
В дерева первый вздрог...

Дерева — первый — вздрог,
Голубя — первый — ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?)

— Остановись,
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо — какой пробел!

Если бы — не — рассвет:
Дребезг, и свист, и лист,
Если бы не сует
Сих суета — сбылись

Жизни б...
Не луч, а бич —
В жимолость нежных тел.
В опромети добыч
Небо — какой предел!

День. Ломовых дрог
Ков. — Началась. — Пошла.
Дикий и тихий вздрог
Вспомнившего плеча.

Прячет...
Как из ведра —
Утро. Малярный мел.
В летописи ребра
Небо — какой пробел!

22—23 июня 1922

□ □ □

По загарам — топор и плуг.
Хватит — смуглому праху дань!
Для ремесленнических рук
Дорога трудовая рань.

Здравствуй — в ветхозаветных тьмах —
Вечной мужественности взмах!

Мхом и медом дымящий плод —
Прочь, последнего часа тварь!
В меховых ворохах дремот
Сарру-заповедь и Агарь-

Сердце — бросив...
— ликуй в утрах,
Вечной мужественности взмах!

24 июня 1922

□ □ □

Здравствуй! Не стрела, не камень:
Я! — Живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.

Дай! (На языке двуостром:
Нá! – Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!

Льни! – Сегодня день на шхуне,
– Льни! – на лыжах! – Льни! – льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!

– Мой! – и о каких наградах
Рай – когда в руках, у рта:
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

25 июня 1922

□ □ □

Некоторым – не закон.
В час, когда условный сон
Праведен, почти что свят,
Некоторые не спят:

Всматриваются – и в скры-
тнейшем лепестке: не ты!

Некоторым – не устав:
В час, когда на всех устах
Засуха последних смут –
Некоторые не пьют:

Впытываются – и сти-
снутым кулаком – в пески!

Некоторым, без кривизн –
Дорого дается жизнь.

25 июня 1922

5 Зак 95

□ □ □

В пустынной хра́мине
Троилась – ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...

В ночные клёкоты
Вступала – ровнею.
– Я буду крохотной
Твоей жаровнею:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!

С груди безжалостной
Богов – пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Люба́я: бо́льшая!

С такими путами!
С такими льготами!
Пол-жизни? – Всю́ тебе!
По-локоть? – Во́т она!

За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...

Тщета! – Не выверишь
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай,

Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей

К груди...
— Не властвовать!
Без слов и нá слово —
Любить... Распластаннейшей
В мире — ласточкой!

Берлин, 26 июня 1922

□ □ □

Ночного гостя не застанешь...
Спи и проспи навек
В испытаннейшем из пристанищ
Сей невозможный свет.

Но если — не сочти, что дразнит
Слух! — любящая — чуть
Отклонится, но если нáвзрыд
Ночь и кифарой — грудь...

То мой любовник лавролобый
Поворотил коней
С ристалища. То ревность Бога
К любимице своей.

2 июля 1922

□ □ □

И скажешь ты:
Не та ль,
Не ты,
Что сквозь персты:
Листы, цветы —

В пески...
        Из устных
Вер — индус,
Что нашу грусть —
В листы,
И груз — в цветы
Всего за только всхруст
Руки
В руке:
Игру.
Индус, а может Златоуст
Вер — без навек,
И без корней
Верб,
И навек — без дней...

(Бедней
Тебя!)
И вот
Об ней,
Об ней одной.

3 июля 1922

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) — жар, вал...
Бормот — сквозь жимолость — ста жил...
Радуйся же! — Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души — что вот уже: лбом в сон.
Ибо — зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих «да» —
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь — жизнь.

8 июля 1922

□ □ □

Думалось: будут легки
Дни — и бестрепетна смежность
Рук. — Взмахом руки,
Друг, остановимте нежность.

Не — поздно еще![1]
В рас — светные щели
(Не поздно!) — еще
Нам птицы не пели.

Будь на — стороже!
Последняя ставка!
Нет, поздно уже
Друг, если до завтра!

Земля да легка!
Друг, в самую серди!
Не в наши лета
Откладывать смерть!

[1] Ударяется и отрывается первый слог. Помечено не везде *(примеч. М. Цветаевой).*

Мертвые — хоть — спят!
Только моим сна нет —
Снам! Взмахом лопат
Друг — остановимте память!

9 июля 1922

□ □ □

Листья ли с древа рушатся,
Розовые да чайные?
Нет, с покоренной русости
Ризы ее, шелка́ ее...

Ветви ли в воду клонятся,
К водорослям да к ржавчинам?
Нет, — без души, без помысла
Руки ее упавшие.

Смолы ли в траву пролиты, —
В те ли во ланы кукушечьи?
Нет, — по щекам на коврики
Слезы ее, — ведь скушно же!

Барин, не тем ты занятый,
А поглядел бы зарево!
То в проваленной памяти —
Зори ее: глаза его!

⟨1922⟩

БЕРЛИНУ

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта — как рукоплесканья.

Поздравствовалось — и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

10 июля 1922

□ □ □

Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнёт — и в щель
Колеблющийся и рассеянный

Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу — не двинешься!)
Так пэри к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.

Ибо не ведающим лет
— Спи! — головокруженье нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!

Спи. — Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.

16 июля 1922

СИВИЛЛА

1

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! — Древо меж дев.

Державным деревом в лесу нагом —
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками — в разбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся Бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне:
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...
— так в звездный вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.

5 августа 1922

2

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое – пещера
Голоса твоего.

Недрами – в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневеет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах –
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

6 августа 1922

3

СИВИЛЛА – МЛАДЕНЦУ:[1]

К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение – паденье в дни.

С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.

[1] Стихотворение перенесено сюда из будущего, по внутренней принадлежности *(примеч. М. Цветаевой)*.

Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение — паденье в час!

Плачь, маленький, и впредь, и вновь:
Рождение — паденье в кровь,

И в прах,
И в час...

Где зарева его чудес?
Плачь, маленький: рожденье в вес!

Где залежи его щедрот?
Плачь, маленький: рожденье в счет,

И в кровь,
И в пот...

Но встанешь! То, что в мире смертью
Названо — паденье в твердь.

Но узришь! То, что в мире — век
Смежение — рожденье в свет.

Из днесь —
В навек.

Смерть, маленький, не спать, а встать,
Не спать, а вспять.

Вплавь, маленький! Уже ступень
Оставлена...
— Восстанье в день.

17 мая 1923

□ □ □

Но тесна вдвоем
Даже радость утр.
Оттолкнувшись лбом
И подавшись внутрь,

(Ибо странник — Дух,
И идет один),
До начальных глин
Потупляя слух —

Над источником,
Слушай-слушай, Адам,
Чтó проточные
Жилы рек — берегам:

— Ты и путь и цель,
Ты и след и дом.
Никаких земель
Не открыть вдвоем.

В горний лагерь лбов
Ты и мост и взрыв.
(Самовластен — Бог
И меж всех ревнив).

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Чтó проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись слуги,
Дабы в отчий дом
В гордый час трубы
Не предстать рабом.

Берегись жены,
Дабы, сбросив прах,
В голый час трубы
Не предстать в перстнях.

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что́ проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись! Не строй
На родстве высот.
(Ибо крепче — *той*
В нашем сердце — *тот*).

Говорю, не льстись
На орла, — скорбит
Об упавшем ввысь
По сей день — Давид!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что́ проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись могил:
Голодней блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!

От вчерашних правд
В доме — смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что́ проточные
Жилы рек — берегам:

— Берегись...

8 августа 1922

□ □ □

Леты подводный свет,
Красного сердца риф.
Застолбенел ланцет,
Певчее горло вскрыв:

Не раскаленность жёрл,
Не распаленность скверн —
Нерастворенный перл
В горечи певчих горл.

Го́ре горе́! Граним,
Плавим и мрем — вотще.
Ибо нерастворим
В голосовом луче

Жемчуг...
Железом в хрип,
Тысячей пил и свёрл —
Неизвлеченный шип
В горечи певчих горл.

11 августа 1922

ДЕРЕВЬЯ

*(Моему чешскому другу,
Анне Антоновне Тесковой)*

1

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь,

— Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! —
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств,

Сняв и отринув
Клочья последней парчи —
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью,
(Ибо вожатый — суров),

Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

5 сентября 1922

2

Когда обидой — опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами —

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими косностями —

Деревья! К вам иду! Спастись
От рёва рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!

Вяз — яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна — ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы — пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...
Как в руки — плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

3

Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми, стаей
Нимф-охранительниц — и вдруг,
Гривы взметая

В закинутости лбов и рук,
— Свиток развитый! —
В пляске кончающейся вдруг
Взмахом защиты —

Длинную руку на бедро...
Вытянув выю...
Березовое серебро,
Ручьи живые!

9 сентября 1922

4

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
Лес! — Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ
Кончу, трезвость избрав,
День — в тишайшем из братств.

Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огнь
Рощ! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн —
Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...

17 сентября 1922

5

Беглецы? — Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чащах Бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей —
В убеганье дерев!

Лес! Ты нынче — наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес —

Это — в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это — сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья —
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий,
Слышу: рокот кровей!

И в разверстой хламиде
Пролетая — кто видел?! —
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

3 октября 1922

6

Не краской, не кистью!
Свет — царство его, ибо сед.
Ложь — красные листья:
Здесь свет, попирающий цвет.

Цвет, попранный светом.
Свет — цвету пятою на грудь.
Не в этом, не в этом
ли: тайна, и сила и суть

Осеннего леса?
Над тихою заводью дней
Как будто завеса
Рванулась — и грозно за ней...

Как будто бы сына
Провидишь сквозь ризу разлук —
Слова: Палестина
Встают, и Элизиум вдруг...

Струенье... Сквоженье...
Сквозь трепетов мелкую вязь —
Свет, смерти блаженнее
И — обрывается связь.

Осенняя седость.
Ты, Гётевский апофеоз!
Здесь многое спелось,
А больше еще — расплелось.

Так светят седины:
Так древние главы семьи —
Последнего сына,
Последнейшего из семи —

В последние двери —
Простертым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур — последний из слуг!)

...Уже и не светом:
Каким-то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли — и обрывается связь.

Так светят пустыни.
И — больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...

8—9 октября 1922

7

Та, что без виде́ния спала —
Вздрогнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною ска́лой —

Сонмы просыпающихся тел:
Руки! — Руки! — Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для муки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) — и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих — птицы!
Конницею на трубу суда!
Стан по поясницу

Выпростав из гробовых пелен —
Взлет седобородый:
Есмь! — Переселенье! — Легион!
Целые народы

Выходцев! — На милость и на гнев!
Види! — Буди! — Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье.

12 октября 1922

8

Кто-то едет — к смертной победе.
У деревьев — жесты трагедий.
Иудеи — жертвенный танец!
У деревьев — трепеты таинств.

Это — заговор против века:
Веса, счета, времени, дроби.
Се — разодранная завеса:
У деревьев — жесты надгробий...

Кто-то едет. Небо — как въезд.
У деревьев — жесты торжеств.

7 мая 1923

9

Каким наитием,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?

Какой неистовой
Сивиллы таинствами —
О чем шумите вы,
О чем беспамятствуете?

Что в вашем веяньи?
Но знаю — лечите
Обиду Времени —
Прохладой Вечности.

Но юным гением
Восстав — порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
Земля — *казалась* нам.
Чтобы *под веками*
Свершались замыслы.

Чтобы монетами
Чудес — не чваниться!
Чтобы *под веками*
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! — В пророчества
Речами косвенными...

Листва ли — листьями?
Сивилла ль — выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...

9 мая 1923[1]

□ □ □

Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
— Не жалейте! Всё сбылось,
Всё в груди слилось и спелось.

Спелось — как вся даль слилась
В стонущей трубе окрайны.
Господи! Душа сбылась:
Умысел твой самый тайный.

═══════

[1] Два последних стихотворения перенесены сюда из будущего по внутренней принадлежности *(примеч. М. Цветаевой)*.

Несгорающую соль
Дум моих — ужели пепел
Фениксов отдам за смоль
Временных великолепий?

Да и ты посеребрел,
Спутник мой! К громам и ды́мам,
К молодым сединам *дел* —
Дум моих причти седины.

Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй:
Молодым сединам *бед*
Лавр пристал — и дуб гражданский.

Между 17 и 23 сентября 1922

ЗАВОДСКИЕ

1

Стоят в чернорабочей хмури
Закопченные корпуса.
Над копотью взметают кудри
Растроганные небеса.

В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредет.
Последняя труба окрайны
О праведности вопиет.

Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая на́-смерть осужденность
В той жалобе последних труб!

Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!
Какая за́живо-зарытость
И выведенность на убой!

А Бог? – По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден.

Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет – до
Скончания.
                    – Всем песням насыпь,
И всех отчаяний гнездо:

Завод! Завод! Ибо зовется
Заводом этот черный взлет.
К отчаянью трубы заводской
Прислушайтесь – ибо зовет

Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,
Когда над городом последним
Взревет последняя труба.

23 сентября 1922

2

Книгу вечности на людских устах
Не вотще листав –
У последней, последней из всех застав,
Где начало трав

И начало правды... На камень сев,
Птичьим стаям вслед...
Ту последнюю – дальнюю – дальше всех
Дальних – дольше всех...

Далечайшую...
                    Говорит: приду!
И еще: в гробу!
Труднодышащую – наших дел судью
И рабу – трубу.

Что над городом утвержденных зверств,
Прокаженных детств,
В дымном олове — как позорный шест
Поднята, как перст.

Голос шахт и подвалов,
— Лбов на чахлом стебле! —
Голос сирых и малых,
Злых — и правых во зле:

Всех прокопченных, коих
Чёрт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил.

Кому — нету отбросов!
Сам — последний ошмёт!
Голос всех безголосых
Под бичом твоим, — Тот!

Погребов твоих щебет,
Где растут без луча.
Кому нету отребьев:
Сам — с чужого плеча!

Шевельнуться не смеет.
Родился — и лежи!
Голос маленьких швеек
В проливные дожди.

Черных прачешен кашель,
Вшивой ревности зуд.
Крик, что кровью окрашен:
Там, где любят и бьют...

Голос, бьющийся в прахе
Лбом — о кротость Твою,
(Гордецов без рубахи
Голос — свой узнаю!)

Еженощная ода
Красоте твоей, твердь!
Всех — кто с черного хода
В жизнь, и шепотом в смерть...

У последней, последней из всех застав,
Там, где каждый прав —
Ибо все бесправны — на камень встав,
В плеске первых трав...

И навстречу, с безвестной
Башни — в каторжный вой:
Голос правды небесной
Против правды земной.

26 сентября 1922

□ □ □

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах — гранит.

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.

Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит Бог в мои двери —
Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух — из ранних седин!

И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость — победа
Бессмертных сил.

27 сентября 1922

□ □ □

А любовь? Для подпаска
В руки бьющего снизу.
Трехсекундная встряска
На горах Парадиза.

Эти ады и раи,
Эти взлеты и бездны —
Только бренные сваи
В легкой сцепке железной.

— Накаталась! — Мгновенья
Зубы стиснув — за годы,
В сновиденном паденье
Сердца — вглубь пищевода.

Юным школьникам — басни!
Мы ж за оду, в которой
Высь — не нá смех, а нá смерть:
Настоящие горы!

29 сентября 1922

□ □ □

Спаси Господи, дым!
— Дым-то, Бог с ним! А главное — сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартиры:

С той же лампою-вплоть, —
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
Хоть бы деревце хоть
Для детей! — И каков-то хозяин?

И не слишком ли строг
Тот, в монистах, в монетах, в туманах,
Непреклонный как рок
Перед судорогою карманов.

И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потише!
Тоже сладости нет
В том-то в старом — да *нами* надышан

Дом, пропитан насквозь!
Нашей затхлости запах! Как с ватой
В ухе — спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!

Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А всё мил... А уж тут: номера ведь!
Как рождаются в мир
Я не знаю: но *так* умирают.

30 сентября 1922

ХВАЛА БОГАТЫМ

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно́ мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: *люблю* богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны — всегда с нарочным!
За их страсти — всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят —
Подтверждаю: *люблю* богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!)
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий

Сомневающийся...
— не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет — такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный нá-смерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы —
Да»...
За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я — брат был»...
Присягаю: *люблю* богатых!

30 сентября 1922

БОГ

1

Лицо без обличия.
Строгость. — Прелесть.
Всé ризы делившие
В тебе спелись.

Листвою опавшею,
Щебнем рыхлым.
Всé криком кричавшие
В тебе стихли.

Победа над ржавчиной —
Кровью — сталью.
Всé навзничь лежавшие
В тебе встали.

1 октября 1922

2

Нищих и горлиц
Сирый распев.
То не твои ли
Ризы простерлись
В беге дерев?

Рощ, перелесков.

Книги и храмы
Людям отдав — взвился.
Тайной охраной
Хвойные мчат леса:

— Скроем! — Не выдадим!

Следом гусиным
Землю на сон крестил.
Даже осиной
Мчал — и ее простил:
Даже за сына!

Нищие пели:
— Темен, ох, темен лес!
Нищие пели:
— Сброшен последний крест!
Бог из церквей воскрес!

4 октября 1922

3

О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестям!
Он в малейшую скважинку,
Как стройнейший гимнаст...

Разводными мостами и
Перелетными стаями,
Телеграфными сваями
Бог — уходит от нас.

О, его не приучите
К пребыванью и к участи!
В чувств оседлой распутице
Он — седой ледоход.

О, его не догоните!
В домовитом поддоннике
Бог — ручною бегонией
На окне не цветет!

Все под кровлею сводчатой
Ждали зова и зодчего.
И поэты и летчики —
Всё отчаивались.

Ибо бег он — и движется.
Ибо звездная книжища
Вся: от Аз и до Ижицы, —
След плаща его лишь!

5 октября 1922

□ □ □

Так, заживо раздав,
Поровну, без обиды,
Пользующийся — прав.

Шагом Семирамиды,
Спускающейся в пруд
Лестницей трав несмятых,
И знающей, что ждут
Ризы — прекрасней снятых

По выходе из вод...

7 октября 1922

РАССВЕТ НА РЕЛЬСАХ

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости — и свай,
Из сырости — и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,
Еще в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости — и стай...
Еще вестями шалыми
Лжет вороная сталь —
Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз —
Владением бесплотнейшим
Какая разлилась
Россия — в три полотнища!

И — шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пущу
Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
И восемь лошадей).

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости — и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными —
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль — да две рельсы синие...
Эй, вот она! — Держи!
По линиям, по линиям...

12 октября 1922

□ □ □

В сиром воздухе загробном —
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздроги,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте —
В сиром мо́роке — две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром мо́роке в две жилы
Истекает жизнь.

28 октября 1922

□ □ □

Не надо ее окликать:
Ей оклик — что охлест. Ей зов
Твой — раною по рукоять.
До самых органных низов

Встревожена — творческий страх
Вторжения — бойся, с высот
— Все крепости на пропастях! —
Пожалуй — органом вспоет.

А справишься? Сталь и базальт —
Гора, но лавиной в лазурь
На твой серафический альт
Вспоет — полногласием бурь.

И сбудется! — Бойся! — Из ста
На сотый срываются... Чу!
На оклик гортанный певца
Органною бурею мщу!

7 февраля 1923

6 Зак 95

□ □ □

Нет, правды не оспаривай.
Меж кафедральных Альп
То бьется о розариум
Неоперенный альт.

Девичий и мальчишеский:
На самом рубеже.
Единственный из тысячи —
И сорванный уже.

В само́м истоке суженный:
Растворены вотще
Сто и одна жемчужина
В голосовом луче.

Пой, пой — миры поклонятся!
Но регент: — Голос тот
Над кровною покойницей,
Над Музою поет!

Я в голосах мальчишеских
Знаток... — и в прах и в кровь
Снопом лучей рассыпавшись
О гробовой покров.

Нет, сказок не насказывай:
Не радужная хрупь, —
Кантатой Метастазовой
Растерзанная грудь.

Клянусь дарами Божьими:
Своей душой живой! —
Что всех высот дороже мне
Твой срыв голосовой!

8 февраля 1923

ЭМИГРАНТ

Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами,
Дамами, Думами,
Не слюбившись с вами, не сбившись с вами,
Неким —
Шуманом пронося под полой весну:
Выше! и́з виду!
Соловьиным тремоло на весу —
Некий — избранный.

Боязливейший, ибо взяв на дыб —
Ноги лижете!
Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.

Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Веги — выходец.

9 февраля 1923

ДУША

Выше! Выше! Лови — летчицу!
Не спросившись лозы — отческой
Нереидою по — лощется,
Нереидою в ла — зурь!

Лира! Лира! Хвалынь — синяя!
Полыхание крыл — в скинии!
Над мотыгами — и — спинами
Полыхание двух бурь!

Муза! Муза! Да как — смеешь ты?
Только узел фаты — веющей!
Или ветер страниц — шелестом
О страницы — и смыв, взмыл...

И покамест — счета — кипами,
И покамест — сердца — хрипами,
Закипание — до — кипени
Двух вспененных — крепись — крыл.

Так, над вашей игрой — крупною,
(Между трупами — и — куклами!)
Не́ общупана, не́ куплена,
Полыхая и пля — ша —

Шестикрылая, ра — душная,
Между мнимыми — ниц! — сущая,
Не задушена вашими тушами
Ду — ша!

10 февраля 1923

СКИФСКИЕ

1

Из недр и на ветвь — рысями!
Из недр и на ветр — свистами!

Гусиным пером писаны?
Да это ж стрела скифская!

Крутого крыла грифова
Последняя зга — Скифия!

Сосед, не спеши! Нечего
Спешить, коли верст — тысячи.
Разменной стрелой встречною
Когда-нибудь там — спишемся!

Великая — и — тихая
Меж мной и тобой — Скифия...

И спи, молодой, смутный мой
Сириец, стрелу смертную
Леилами — и — лютнями
Глуша...
Не ушам смертного —

(Единожды в век слышимый)
Эпический бег — Скифии!

11 февраля 1923

2

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

Как по синей по степи
Да из звездного ковша
Да на лоб тебе да...
— Спи,
Синь подушками глуша.

Дыши да не дунь,
Гляди да не глянь.
Волынь-криволунь,
Хвалынь-колывань.

Как по льстивой по трости
Росным бисером плеща
Заработают персты...
Шаг — подушками глуша

Лежи — да не двинь,
Дрожи — да не грянь.
Волынь-перелынь,
Хвалынь-завирань.

Как из моря из Каспий-
ского — синего плаща,
Стрела свистнула да...
(спи,
Смерть подушками глуша)...

Лови — да не тронь,
Тони — да не кань.
Волынь-перезвонь,
Хвалынь-целовань.

13 февраля 1923

3

От стрел и от чар,
От гнезд и от нор,
Богиня Иштар,
Храни мой шатер:

Братьев, сестер.

Руды моей вар,
Вражды моей чан,
Богиня Иштар,
Храни мой колчан...

(Взял меня — хан!)

Чтоб нé жил, кто стар,
Чтоб нé жил, кто хвор,
Богиня Иштар,
Храни мой костер:

(Пламень востер!)

Чтоб нé жил — кто стар,
Чтоб нé жил — кто зол,
Богиня Иштар,
Храни мой котел

(Зарев и смол!)

Чтоб нé жил — кто стар,
Чтоб *нежил* — кто юн!
Богиня Иштар,
Стреми мой табун
В тридевять лун!

14 февраля 1923

ЛЮТНЯ

Лютня! Безумица! Каждый раз,
Царского беса вспугивая:
«Перед Саулом-Царем кичась»...
(Да не струна ж, а судорога!)

Лютня! Ослушница! Каждый раз,
Струнную честь затрагивая:
«Перед Саулом-Царем кичась —
Не заиграться б с аггелами!»

Горе! Как рыбарь какой стою
Перед пустой жемчужницею.
Это же оловом соловью
Глотку залить... да хуже еще:

Это бессмертную душу в пах
Первому добру молодцу...
Это — но хуже, чем в кровь и в прах:
Это — сорваться с голоса!

И сорвалась же! — Иди, будь здрав,
Бедный Давид... Есть пригороды!
Перед Саулом-Царем играв,
С аггелами — не игрывала!

14 февраля 1923

АЗРАИЛ

От руки моей не взыгрывал,
На груди моей не всплакивал...
Непреложней и незыблемей
Опрокинутого факела:

Над душой моей в изглавии,
Над страдой моей в изножии
(От руки моей не вздрагивал, —
Не твоей рукой низложена)

Азраил! В ночах без месяца
И без звезд дороги скошены.
В этот час тяжело-весящий
Я тебе не буду ношею...

Азраил? В ночах без выхода
И без звезд: личины сорваны!
В этот час тяжело-дышащий
Я тебе не буду прорвою...

А потом перстом как факелом
Напиши в рассветных серостях
О жене, что назвала тебя
Азраилом вместо — Эроса.

17 февраля 1923

□ □ □

Оперением зим
Овевающий шаг наш валок —
Херувим
Марий годовалых!

В шестикнижие крыл
Окунающий лик как в воду —
Гавриил —
Жених безбородый!

И над трепетом жил,
И над лепетом уст виновных,
Азраил —
Последний любовник!

17 февраля 1923

ПЛАЧ ЦЫГАНКИ ПО ГРАФУ ЗУБОВУ

Расколюсь — так в стклянь,
Распалюсь — так в пар.
В рокота гитар
Рокочи, гортань!

В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А — ах, струна сорвалась!

У — ехал парный мой,
У — ехал в Армию!
Стол — бы фонарные!
Ла — ды гитарные!

И в прах!
И в тряс!
И грянь!
И вдарь!

Ермань-Дурмань.
Гортань-Гитарь.

В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А — ах, рука сорвалась!

Про трудного
Про чудного
Про Зубова-
Про сударя.

Чем свет — ручку жав
— Зубов-граф, Зубов-граф!-
Из всех — сударь-брав!
Зу — бов граф!

В пляс! В тряс! В прах — да не в пляс!
А — ах, душа сорвалась!

У — пал, ударный мой!
Стол — бы фонарные!
Про — пала Армия!
Ла — ды гитарные!

За всех — грудью пав,
(Не снег — уголь ржав!)
Как в мех — зубы вжав,
Э — эх, Зубов-граф!...

И в прах и в...

19 февраля 1923

ОФЕЛИЯ — ГАМЛЕТУ

Гамлетом — перетянутым — натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный — до последнего атома...
(Год тысяча который — издания?)

Наглостью и пустотой — не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди — лежали уже!

Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!... Думали ль
Раз хотя бы о том — что́ сорвано
В маленьком цветнике безумия...

Розы?.. Но ведь это же — тссс! — Будущность!
Рвем — и новые растут! Предали ль
Розы хотя бы раз? Любящих —
Розы хотя бы раз? — Убыли ль?

Выполнив (проблагоухав!) тонете...
— Не было! — Но встанем в памяти
В час, когда над ручьёвой хроникой
Гамлетом — перетянутым — встанете...

28 февраля 1923

ОФЕЛИЯ — В ЗАЩИТУ КОРОЛЕВЫ

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что — единого дня лишь —
Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным — суд
Над страстью. Тяжéле виновная — Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! — А Вы с Вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не Вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты —
Ввысь — в опочивальню — и всласть!
Своей Королеве встаю на защиту —
Я, Ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

ФЕДРА

1

ЖАЛОБА

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опаляет... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!

Руки в землю хотят — от плеч!
Зубы щебень хотят — в опилки!..
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспаляется ум мой пылкий...

Точно в ноздри и губы — пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это — красною раной вскачь
Запаленная кобылица!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме — как в склепе.
Есть Элизиум — для — кляч:
Живодерня! — Палит слепень!

Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза — мен
Лепесткового — клюв Гарпий!

Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со — общник!
Это лава — взамен плит
Под ступнею! — Олимп взропщет?

Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей — мы — лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме — как в склепе!

Ипполит, утоли...

7 марта 1923

2

ПОСЛАНИЕ

Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть.
Прихотливому мальчику, чья красота как воск
От державного Феба, от Федры бежит... Итак,
Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.

Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадя к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.

Ипполит, я устала.. Блудницам и жрицам — стыд!
Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты
Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна, молчанье на ней как перст.

О прости меня, девственник! отрок! наездник! нег
Ненавистник! — Не похоть! Не женского лона — блажь!
То она — обольстительница! То Психеи лесть —
Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.

— «Устыдись!» — Но ведь поздно! Ведь это последний всплеск!
Понесли мои кони! С отвесного гребня — в прах —
Я наездница *тоже!* Итак, с высоты грудей,
С рокового двухолмия в пропасть твоей груди!

(Не своей ли?!) — Сумей же! Смелей же! Нежней же! Чем
В вощаную дощечку — не смуглого ль сердца воск?! —
Ученическим стилосом знаки врезать... О пусть
Ипполитову тайну устами прочтет твоя

Ненасытная Федра...

11 марта 1923

ПРОВОДА

Des Herzens Woge schäumte nicht
so schön empor, und würde Geist,
wenn nicht der alte stumme Fels,
das Schicksal, ihr entgegenstande[1].

1

Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпиреи,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольнего.
                    По аллее
Вздохов — проволокой к столбу —
Телеграфное: лю — ю — блю...

Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!)
Это — сваи, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...
                    Вдоль свай
Телеграфное: про — о — щай...

[1] Сердечная волна не вздымалась бы столь высоко и не становилась бы Духом, когда бы на ее пути не вставала старая немая скала — Судьба *(нем.)*.

Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про—о—стите...
Это—снасти над морем нив,
Атлантический путь тихий:

Выше, выше—и сли—лись
В Ариаднино: ве—ер—нись,

Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: нé выйду!
Это—прóводами стальных
Проводóв—голоса Аида

Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа—аль...

Пожалейте! (В сем хоре—сей
Различаешь?) В предсмертном крике
Упирающихся страстей—
Дуновение Эвридики:

Через насыпи—и—рвы
Эвридикино: у—у—вы,

Не у—

17 марта 1923

2

Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце—шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!

«Всé плакали, и если кровь болит...
Всé плакали, и если в розах—змеи»...
Но был один—у Федры—Ипполит!
Плач Ариадны—об одном Тезее!

Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо *небывших!*

Какия чаянья — когда насквозь
Тобой пропитанный — весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне — собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей — Стиксом!

Тщета! во мне она! Везде! закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...
Как ты — Разрыв,
Не Ариадна я и не...
— Утрата!

О по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого — незрячей!)
Я прово́ды вверяю провода́м,
И в телеграфный столб упершись — плачу.

18 марта 1923

3

(ПУТИ)

Все́ перебрав и все́ отбросив,
(В особенности — семафор!)
Дичайшей из разноголосиц
Школ, оттепелей... (целый хор

На помощь!) Рукава как стяги
Выбрасывая...
— Без стыда! —
Гудят моей высокой тяги
Лирические провода.

Столб телеграфный! Можно ль кратче
Избрать? Доколе небо есть –
Чувств непреложный передатчик,
Уст осязаемая весть...

Знай, что доколе свод небесный,
Доколе зори к рубежу –
Столь явственно и повсеместно
И длительно тебя вяжу.

Чрез лихолетие эпохи,
Лжей насыпи – из снасти в снасть –
Мои неизданные вздохи,
Моя неистовая страсть...

Вне телеграмм (простых и срочных
Штампованностей постоянств!)
Весною стоков водосточных
И проволокою пространств.

19 марта 1923

4

Самовластная слобода!
Телеграфные провода!

Вожделений – моих – выспренных,
Крик – из чрева и нá ветр!
Это сердце мое, искрою
Магнетической – рвет метр.

– «Метр и меру?» Но чет – вертое
Измерение мстит! – Мчись
Над метрическими – мертвыми –
Лжесвидетельствами – свист!

Тсс... А ежели вдруг (всюду же
Провода и столбы?) лоб
Заломивши поймешь: трудные
Словеса сии – лишь вопль

Соловьиный, с пути сбившийся:
— Без любимого мир пуст! —
В Лиру рук твоих влю — бившийся,
И в Леилу твоих уст!

20 марта 1923

5

Не чернокнижница! В белой книге
Далей донских навострила взгляд!
Где бы ты ни был — тебя настигну,
Выстрадаю — и верну назад.

Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу — и верну со дна!

Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет Бог:

Через дыхание — в час твой хриплый,
Через архангельского суда
Изгороди! — Всé уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!

Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
— Сдайся! — Стрела, описавши круг...
— Сдайся! — Еще ни один не спасся
От настигающего без рук:

Через дыхание... (Перси взмыли,
Веки не видят, вкруг уст — слюда...)
Как прозорливица — Самуила
Выморочу — и вернусь одна:

Ибо другая с тобой, и в судный
День не тягаются...
Вьюсь и длюсь.
Есмь я и буду я и добуду
Душу — как губы добудет уст —

Упокоительница...

25 марта 1923

6

Час, когда вверху цари
И дары друг к другу едут.
(Час, когда иду с горы):
Горы начинают ведать.

Умыслы сгрудились в круг.
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда не вижу рук)

Души начинают видеть.

25 марта 1923

7

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд),
Были слезы — больше глаз.

В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!)
Были взмахи — больше рук.

Точно руки — вслед — от плеч!
Точно губы вслед — заклясть!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.

В час, когда мой милый гость...
— Господи, взгляни на нас! —
Были слезы больше глаз
Человеческих и звёзд
Атлантических...

26 марта 1923

8

Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют —

Буду ждать тебя (пальцы в жгут —
Так Монархини ждет наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут.

Буду ждать тебя (в землю — взгляд,
Зубы в губы. Столбняк. Булыжник).
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.

Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таёжных.
Высочайший пришел рескрипт:
— Смена царства и въезд вельможе.

И домой:
В неземной —
Да мой.

27 марта 1923

9

Весна наводит сон. Уснем.
Хоть врозь, а все ж сдается: всé
Разрозненности сводит сон.
Авось увидимся во сне.

Всевидящий, он знает, чью
Ладонь — и в чью, кого — и с кем.
Кому печаль мою вручу,
Кому печаль мою повем

Предвечную (дитя, отца
Не знающее и конца
Не чающее!) О, печаль
Плачущих без плеча!

О том, что памятью с перста
Спадет, и камешком с моста...
О том, что заняты места,
О том, что наняты сердца

Служить — безвыездно — навек,
И жить — пожизненно — без нег!
О заживо — чуть встав! чем свет! —
В архив, в Элизиум калек.

О том, что тише ты и я
Травы, руды, беды, воды...
О том, что выстрочит швея:
Рабы — рабы — рабы — рабы.

5 апреля 1923

10

С другими — в розовые груды
Грудей... В гадательные дроби
Недель...
А я тебе пребуду
Сокровищницею подобий

По случаю — в песках, на щебнях
Подобранных, — в ветрах, на шпалах
Подслушанных... Вдоль всех бесхлебных
Застав, где молодость шаталась.

Шаль, узнаешь ее? Простудой
Запахнутую, жарче ада
Распахнутую...
Знай, что чудо
Недр — под полой, живое чадо:

Песнь! С этим первенцем, что пуще
Всех первенцев и всех Рахилей...
— Недр достовернейшую гущу
Я мнимостями пересилю!

11 апреля 1923

□ □ □

Голубиная купель,
Небо: тридевять земель.

Мне, за тем гулявшей зá морем,
Тесно в одиночной камере
Рук твоих,
Губ твоих,
Человек — и труб твоих,
Город!
— Город!
Это сорок
Сороков во мне поют.
Это сорок
— Бить, так в порох! —
Кузнецов во мне куют!
Мне, решать привыкшей в мраморе,
Тесно в одиночной камере
Демократии и Амора.

21 марта 1923

ЭВРИДИКА – ОРФЕЮ:

Для тех, отженивших последние клочья
Покрова (ни уст, ни ланит!...)
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим – свидание нож.

Уплочено же – всеми розами крови
За этот просторный покрой
Бессмертья...
До самых летейских верховий
Любивший – мне нужен покой

Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем – призрак *ты,* сущий, а явь –
Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
— «Ты это забудь и оставь!»

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! – С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же – вспомяни мои крики! –
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

ПОЭТЫ

1

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.

Планетами, приметами, окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он даже размахнувшись с колокольни
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Кверх лбом —
Отчаетесь! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто *спрашивает* с парты,
Кто Канта наголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...
— ибо путь комет

Поэтов путь: жжя, а не согревая.
Рвя, а не взращивая — взрыв и взлом —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

2

Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоём.
(Нечислящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма — дом).

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие — навоз,
Гвоздь — вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозариумов крап!)
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы — когда б:

Поэты мы — и в рифму с париями,
Но выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

22 апреля 1923

3

Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям —
Страсти! где насморком
Назван — плач!

Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! — как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим — как пó мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший—сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

22 апреля 1923

АРИАДНА

1

Оставленной быть—это втравленной быть
В грудь—синяя татуировка матросов!
Оставленной быть—это явленной быть
Семи океанам... Не валом ли быть
Девятым, что с палубы сносит?

Уступленной быть—это купленной быть
Задорого: ночи и ночи и ночи
Умоисступленья! О, в трубы трубить—
Уступленной быть!—Это длиться и слыть
Как губы и трубы пророчеств.

14 апреля 1923

2

— О всеми голосами раковин
Ты пел ей...
— Травкой каждою.

— Она томилась лаской Вакховой.
— Летейских маков жаждала...

— Но как бы те моря ни солоны,
Тот мчался...
— Стены падали.
— И кудри вырывала полными
Горстями...
— В пену падали...

21 апреля 1923

ПРАГА

Где сроки спутаны, где в воздух ввязан
Дом — и под номером не наяву!
Я расскажу тебе о том, как важно
В летейском городе своем живу.

Я расскажу тебе, как спал он,
Не выспался — и тянет стан,
Где между водорослью и опалом
День деворадуется по мостам.

Где мимо спящих богородиц
И рыцарей, дыбящих бровь,
Шажком торопится народец
Потомков — переживших кровь.

Где честь, последними мечами
Воззвав, — не медлила в ряду.
О городе, где всё очами
Глядит — последнего в роду.

21 апреля 1923

ПОЭМА ЗАСТАВЫ

А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.

А покамест еще в тенётах
Не увязла — людских кривизн,
Буду брать — труднейшую ноту,
Буду петь — последнюю жизнь!

Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.

День без числа.
Верба зачахла.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!

Потных и плотных,
Потных и тощих:
— Ну́ да на площадь?! —
Как на полотнах —

Как на полотнах
Только — и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.

Ад? — Да,
Но и сад — для
Баб и солдат,
Старых собак,
Малых ребят.

«Рай — с драками?
Без — раковин
От устриц?
Без люстры?
С заплатами?!»

— Зря плакали:
У всякого —
Свой.

Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!

Здесь ненависть оптом и скопом:
Расправ пулемет!
Здесь часто бывают потопы:
Застава плывет!

Здесь плачут, здесь звоном и воем
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: шалишь!

Здесь платят! Здесь Богом и Чертом,
Горбом и торбой!
Здесь молодости как над мертвым
Поют над собой.

Здесь матери, дитя заспав...
— Мосты, пески, кресты застав! —

Здесь младшую купцу пропив...
Отцы...
— Кусты, кресты крапив...

— Пусти.
— Прости.

23 апреля 1923

СЛОВА И СМЫСЛЫ

1

Ты обо мне не думай никогда!
(На — вязчива!)
Ты обо мне подумай: провода:
Даль — длящие.

Ты на меня не жалуйся, что жаль...
Всех слаще мол...
Лишь об одном пожалуйста: педаль:
Боль — длящая.

2

Ла — донь в ладонь:
— За — чем рожден?
— Не — жаль: изволь:
Длить — даль — и боль.

3

Проводами продленная даль...
Даль и боль, это та же ладонь
Отрывающаяся — доколь?
Даль и боль, это та же юдоль.

23 апреля 1923

ПЕДАЛЬ

Сколь пронзительная, столь же
Сглаживающая даль.
Дольше — дольше — дольше — дольше!
Это — правая педаль.

После жизненных радуший
В смерть – заведомо не жаль.
Глуше – глуше – глуше – глуше:
Это – левая педаль.

Памяти гудящий Китеж –
Правая! Летейских вод
Левую бери: глушитель
Длителя перепоет.

От участковых, от касто-
вых – уставшая (заметь!)
Жизнь не хочет жить... но часто
Смерть не хочет умереть!

Требует! Из всех безмясых
Клавишей, разбитых в ряд.
(Левою педалью гасят,
Правою педалью длят...)

Лязгает! Как змей из фальши
Клавишей, разбитых в гуд...
Дальше, дальше, дальше, дальше
Правою педалью лгут!

24 апреля 1923

ЛАДОНЬ

Ладони! (Справочник
Юнцам и девам).
Целуют правую,
Читают в левой.

В полночный заговор
Вступивший – ведай:
Являют правою,
Скрывают левой.

Сивилла — левая:
Вдали от славы.
Быть неким Сцеволой
Довольно — правой.

А всё же в ненависти
Час разверстый
Мы миру левую
Даем — от сердца!

А все же, праведным
Объевшись гневом,
Рукою правою
Мы жилы — *левой!*

27 апреля 1923

□ □ □

Крутогорьями глаголь,
Колокольнями трезвонь:
Место дольнее — юдоль,
Место дольнее — ладонь.

Всеми вольными в лазорь
Колокольнями злословь:
Место дольнее — ладонь,
Место дольнее — любовь.

29 апреля 1923

ОБЛАКА

1

Перерытые — как битвой
Взрыхленные небеса.
Рытвинами — небеса.
Битвенные небеса.

Перелетами — как хлёстом
Хлёстанные табуны.
Взблестывающей Луны
Вдовствующей — табуны!

2

Стой! Не Федры ли под небом
Плащ? Не Федрин ли взвился
В эти марафонским бегом
Мчащиеся небеса?

Стой! Иродиады с чубом —
Блуд... Не бубен ли взвился
В эти иерихонским трубом
Рвущиеся небеса!

3

Нет! Вставший вал!
Пал — и пророк оправдан!
Раз — дался вал:
Целое море — нá два!

Бо — род и грив
Шествие морем Чермным!
Нет! — се — Юдифь —
Голову Олоферна!

1 мая 1923

ТАК ВСЛУШИВАЮТСЯ...

1

Так вслушиваются (в исток
Вслушивается — устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь — до потери чувства!

Так в воздухе, который синь —
Жажда, которой дна нет.
Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.

Так вчувствовывается в кровь
Отрок — доселе лотос.
...Так влюбливаются в любовь:
Впадываются в пропасть.

2

Друг! Не кори меня за тот
Взгляд, деловой и тусклый.
Так вглатываются в глоток:
Вглубь — до потери чувства!

Так в ткань врабатываясь, ткач
Ткет свой последний пропад.
Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.

Так вплясываются... (Велик
Бог — посему крутитесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тихость.

Так жалом тронутая кровь
Жалуется — без ядов!
Так вбаливаются в любовь:
Впадываются в: падать.

3 мая 1923

РУЧЬИ

1

Прорицаниями рокоча,
Нераскаянного скрипача
Piccicata'ми... Разрывом бус!
Паганиниевскими «добьюсь!»
Опрокинутыми...
                              Нот, планет —
Ливнем!
          — Вывезет!!!
                              — Конец... На нéт...

Недосказанностями тишизн
Заговаривающие жизнь:
Страдивариусами в ночи
Проливающиеся ручьи.

4 мая 1923

2

Монистом, расколотым
На тысячу блях —
Как Дзингара в золоте
Деревня в ручьях.

Монистами — вымылась!
Несется как челн
В ручьёвую жимолость
Окунутый холм.

Монистами-сбруями...
(Гривастых теней
Монистами! Сбруями
Пропавших коней...)

Монистами-бусами...
(Гривастых монет
Монистами! Бусами
Пропавших планет...)

По кручам, по впадинам,
И в щёку, и в пах —
Как Дзингара в краденом —
Деревня в ручьях.

Споем-ка на радостях!
Черны, горячи
Сторонкою крадучись
Цыганят ручьи.

6 мая 1923

ОКНО

Атлантским и сладостным
Дыханьем весны —
Огромною бабочкой
Мой занавес — и —

Вдовою индусскою
В жерло златоустое,
Наядою сонною
В моря заоконные...

5 мая 1923

ХВАЛА ВРЕМЕНИ

Вере Аренской

Беженская мостовая!
Гикнуло — и понеслось
Опрометями колес.
Время! Я не поспеваю.

В летописях и в лобзаньях
Пойманное... но песка
Струечкою шелестя...
Время, ты меня обманешь!

Стрелками часов, морщин
Рытвинами — и Америк
Новшествами... — Пуст кувшин! —
Время, ты меня обмеришь!

Время, ты меня предашь!
Блудною женой — обнову
Выронишь... — «Хоть час да наш!»

— Поезда́ с тобой иного
Следования!.. —

Ибо *мимо* родилась
Времени! Вотще и всуе
Ратуешь! Калиф на час:
Время! Я тебя миную.

10 мая 1923

СЕСТРА

Мало ада и мало рая:
За тебя уже умирают.

Вслед за братом, увы, в костер —
Разве принято? Не сестер
Это место, а страсти рдяной!
Разве принято под курганом...
С братом?..
— «Был мой и есть! Пусть сгнил!»

— Это местничество могил!!!

11 мая 1923

НОЧЬ

Час обнажающихся верховий,
Час, когда в души глядишь — как в очи.
Это — разверстые шлюзы крови!
Это — разверстые шлюзы ночи!

Хлынула кровь, наподобье ночи
Хлынула кровь, — наподобье крови
Хлынула ночь! (Слуховых верховий
Час: когда в уши нам мир — как в очи!)

Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда ухо разъяв, как веко,
Больще не весим, не дышим: слышим.

Мир обернулся сплошной ушною
Раковиною: сосущей звуки
Раковиною, — сплошной душою!..
(Час, когда в души идешь — как в руки!)

12 мая 1923

ПРОКРАСТЬСЯ...

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени

На стенах...
Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.

А может – лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха

На урну...
Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод...

14 мая 1923

ДИАЛОГ ГАМЛЕТА С СОВЕСТЬЮ

– На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, – но сна и там нет!
– Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
– Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
— Но я ее любил
Как сорок тысяч...
                                        — Меньше,
Все ж, чем один любовник.

На дне она, где ил.
— Но я ее —
                    (недоуменно)
                                        — любил??

5 июня 1923

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!

Слишком долго причалить тщусь, —
Голова устала от чувств:

Гимнов — лавров — героев — гидр, —
Голова устала от игр!

Положите меж трав и хвой, —
Голова устала от войн...

12 июня 1923

РАСЩЕЛИНА

Чем окончился этот случай,
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.

Так, ничем уже не волнуем,
— Только дерево ветви зыблет —
Как в расщелину ледяную —
В грудь, что *так* о тебя расшиблась!

Из сокровищницы подобий
Вот тебе — наугад — гаданье:
Ты во мне как в хрустальном гробе
Спишь, — во мне как в глубокой ране

Спишь, — тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень — панцирь — печать — и пояс...
Без возврата и без отзыва.

Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей...

Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом... Усни, сновидец!
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.

17 июня 1923

□ □ □

На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши — приду седая.
Ты его высоќо назначил!

Буду годы идти — не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти — и стогны,
Через души идти — и руки.

Землю долго прожить! Трущоба —
Кровь! и каждая капля — заводь.
Но всегда стороной ручьёвой
Лик Офелии в горьких травах.

Той, что страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! — Снопом на щебень!
Я тебя высоќо любила:
Я себя схоронила в небе!

18 июня 1923

□ □ □

Рано еще — не быть!
Рано еще — не жечь!
Нежность! Жестокий бич
Потусторонних встреч.

Как глубоќо ни льни —
Небо — бездонный чан!
О, для такой любви
Рано еще — без ран!

Ревностью жизнь жива!
Кровь вожделеет течь
В землю. Отдаст вдова
Право свое — на меч?

Ревностью жизнь жива!
Благословен ущерб
Сердцу! Отдаст трава
Право свое — на серп?

Тайная жажда трав...
Каждый росток: «сломи»...
До лоскута раздав,
Раны еще — мои!

И пока общий шов
— Льюсь! — не наложишь Сам —
Рано еще для льдов
Потусторонних стран!

19 июня 1923

ЛУНА — ЛУНАТИКУ

Оплетавшие — останутся.
Дальше — высь.
В час последнего беспамятства
Нé очнись.

У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Нé прозрей.

Я — глаза твои. Совиное
Око крыш.
Буду звать тебя по имени —
Нé расслышь.

Я — душа твоя: Урания:
В боги — дверь.
В час последнего слияния
Нé проверь!

20 июня 1923

ЗАНАВЕС

Водопадами занавеса, как пеной —
Хвоей — пламенем — прошумя.
Нету тайны у занавеса от сцены:
(Сцена — ты, занавес — я).

Сновиденными зарослями (в высоком
Зале — оторопь разлилась)
Я скрываю героя в борьбе с Роком,
Место действия — и — час.

Водопадными радугами, обвалом
Лавра (вверился же! знал!)
Я тебя загораживаю от зала,
(Завораживаю — зал!)

Тайна занавеса! Сновиденным лесом
Сонных снадобий, трав, зёрн...
(За уже содрогающейся завесой
Ход трагедии — как — шторм!)

Ложи, в слезы! В набат, ярус!
Срок, исполнься! Герой, будь!
Ходит занавес — как — парус,
Ходит занавес — как — грудь.

Из последнего сердца тебя, о недра,
Загораживаю. — Взрыв!
Над ужá — ленною — Федрой
Взвился занавес — как — гриф.

Нате! Рвите! Глядите! Течет, не так ли?
Заготавливайте — чан!
Я державную рану отдам до капли!
(Зритель бел, занавес рдян).

И тогда, сострадательным покрывалом
Долу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса — от зала.
(Зала — жизнь, занавес — я).

23 июня 1923

□ □ □

Строительница струн — приструню
И эту. Обожди
Расстраиваться! (В сем июне
Ты плачешь, ты — дожди!)

И если гром у нас — на крышах,
Дождь — в доме, ливень — сплошь —
Так это ты письмо мне пишешь,
Которого не шлешь.

Ты дробью голосов ручьевых
Мозг бороздишь, как стих.
(Вместительнейший из почтовых
Ящиков — не вместит!)

Ты, лбом обозревая дали,
Вдруг по хлебам — как цеп
Серебряный... (Прервать нельзя ли?
Дитя! Загубишь хлеб!)

30 июня 1923

НОЧЬ

Когда друг другу лжем,
(Ночь, прикрываясь днем)
Когда друг друга ловим,
(Суть, прикрываясь словом)

Когда друг к другу льнем
В распластанности мнимой,
(Смоль, прикрываясь льном,
Огнь, прикрываясь дымом...)

Взойди ко мне в ночи

Так: майского жучка
Ложь – полунощным летом.
Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком...

Ты думаешь, робка
Ночь – и ушла с рассветом?
Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком...

Свет – это только плоть!
Столпником на распутье:
Свет: некая ми́лоть,
Наброшенная сутью.

Подземная река –
Бог – так ночь под светом...
Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком...

Ты думаешь – исчез
Взгляд? – Подыми! – Течет!
Свет, – это только вес,
Свет, – это только счет...

Свет – это только веко
Над хаосом...

Ты думаешь — робка
Ночь? —
Подземная река —
Ночь, — глубока под днем!

— Брось! Отпусти
В ночь в огневую реку.

Свет — это только веко
Над хаосом...

Когда друг другу льстим,
(Занавес слов над глубью!)
Когда друг друга чтим,
Когда друг друга любим...

Июнь 1923

САХАРА

Красавцы, не ездите!
Песками глуша,
Пропавшего без вести
Не скажет душа.

Напрасные поиски,
Красавцы, не лгу!
Пропавший покоится
В надёжном гробу.

Стихами как странами
Чудес и огня,
Стихами — как странами
Он въехал в меня:

Сухую, песчаную,
Без дна и без дня.
Стихами — как странами
Он канул в меня.

Внимайте без зависти
Сей повести душ.
В глазные оазисы —
Песчаная сушь...

Адамова яблока
Взывающий вздрог...
Взяла его наглухо,
Как страсть и как Бог.

Без имени — канувший!
Не сыщете! Взят.
Пустыни беспамятны, —
В них тысячи спят!

Стиханье до кипени
Вскипающих волн. —
Песками засыпанный,
Сахара — твой холм.

3 июля 1923

РЕЛЬСЫ

В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь —
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!

Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало — не поют!)
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.

Это — остаются. Боль как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...

Час, когда отчаяньем как свахой
Простыни разостланы. — Твоя! —
И обезголосившая Сафо
Плачет как последняя швея.

Плач безропотности! Плач болотной
Цапли, знающей уже... Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.

Растекись напрасною зарею
Красное напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

10 июля 1923

БРАТ

Раскалена, как смоль:
Дважды не вынести!
Брат, но с какой-то столь
Странною примесью

Смуты... (Откуда звук
Ветки откромсанной?)
Брат, заходящий вдруг
Столькими солнцами!

Брат без других сестер:
На́прочь присвоенный!
По гробовой костер —
Брат, но с условием:

Вместе и в рай и в ад!
Раной — как розаном
Соупиваться! (Брат,
Адом дарованный!)

Брат! Оглянись в века:
Не было крепче той
Спайки. Назад — река...
Снова прошепчется

Где-то, вдоль звезд и шпал,
— Настежь, без третьего! —
Что́ по ночам шептал
Цезарь — Лукреции.

13 июля 1923

ЧАС ДУШИ

1

В глубокий час души и ночи,
Нечислящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Нечислящиеся в ночах

Ничьих еще, двойной запрудой
— Без памяти и по края! —
Покоящиеся...
Отсюда
Жизнь начинается твоя.

Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящей — Рим!
Сновидящее материнство
Скалы... Нет имени моим

Потерянностям... Все́ покровы
Сняв — выросшая из потерь! —
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонилась дщерь

Египетская...

14 июля 1923

2

В глубокий час души,
В глубокий – но́чи...
(Гигантский шаг души,
Души в ночи́)

В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить – чертог души,
Душа, верши.

Ржавь губы, пороши
Ресницы – снегом.
(Атлантский вздох души,
Души – в ночи...)

В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод
Душа, горчи.

Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

3

Есть час Души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы –
Час... Час Души – как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей – мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных. — Плотины спуск!
Всé вещи сорвались с пазов,
Всé сокровенья — с уст!

С глаз — всé завесы! Всé следы —
Вспять! На линейках — нот —
Нет! Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей — бьет.

Беда моя! — так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, дети — мать
Корят: «Зачем живем?»

А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо. — Ляг».
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей — благ.

14 августа 1923

СОК ЛОТОСА

Божественно и детски-гол
Лоб — сквозь тропическую темень.
В глазах, упорствующих в пол,
Застенчивость хороших сéмей.

Сквозь девственные письмена
Мне чудишься побегом рдяным,
Чья девственность оплетена
Воспитанностью, как лианой.

Дли свою святость! Уст и глаз
Блюди священные сосуды!
Под тропиками родилась
Любовь, и я к тебе оттуда:

Из папоротников, хвощей,
Стай тростниковых, троп бесследных...
Где всё забвение вещей
В ладони лотосова стебля

Покоится. Наводит сон
Сок лотоса. Вино без пены
Сок лотоса... Детей и жен
Как обмороком сводит члены

Сок лотоса... Гляди, пуста
Ладонь. — Но в час луны с Востока
(Сок лотоса...) — из уст в уста
Вкуси — сон лотосова сока.

23 июля 1923

□ □ □

Всё так же, так же в морскую синь —
Глаза трагических героинь.
В сей зал, бесплатен и неоглядн,
Глазами заспанных Ариадн
Обманутых, очесами Федр
Отвергнутых, из последних недр
Вотще взывающими к ножу...
Так, в грудь, жива ли еще, гляжу.

24 июля 1923

НАКЛОН

Материнское — сквозь сон — ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа — к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,

Дозирающего вер—ховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба—к островам нег.
У меня к тебе наклон рек,

Век... Беспамятства наклон светлый
К лютне, лестницы к садам, ветви
Ивовой к убеганью вех...
У меня к тебе наклон *всех*

Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!)—тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо—гил.
У меня к тебе наклон крыл,

Жил... К дуплу тяготенье совье,
Тяга темени к изголовью
Гроба,—годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст

К роднику...

28 июля 1923

РАКОВИНА

Из лепрозария лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий—
В руки, вот в эти ладони, в обе,

Раковинные—расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх

Раковины... Никаких красавиц
Спесь, сокровений твоих касаясь,

Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод

Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,

Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном —
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.

— Выйдешь! — По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь

Раковинная. — О, настежь створы! —
Матери каждая пытка в пору,

В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!

31 июля 1923

ЗАОЧНОСТЬ

Кастальскому току,
Взаимность, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.

Заустно, заглазно
Как некое долгое la
Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством как нотой
В тебя удаляясь, как стон

В тебе удлиняясь,
Как эхо в гранитную грудь
В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь —

Не надо мне белым
По черному — мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски —

...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство
Ты нынче — глухая стена!

4 августа 1923

ПИСЬМО

Так писем не ждут,
Так ждут — письма́.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри — словцо.
И счастье. И это — всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут — конца:
Солдатский салют
И в грудь — свинца
Три дольки. В глазах красно́.
И только. И это — всё.

Не счастья — стара!
Цвет — ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!

Квадрата письма.

11 августа 1923

МИНУТА

Минута: ми́нущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж —
Что́ завтра б — вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так льсти ж

Другим, десятеричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел

Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» —

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь — медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! *Ты, что минешь:*
Минута: милостыня псам!

О как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

12 августа 1923

КЛИНОК

Между нами — клинок двуострый
Присягнувши — и в мыслях класть...
Но бывают — страстные сестры!
Но бывает — братская страсть!

Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении... Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!

Меч, терзай нас и, меч, пронзай нас,
Меч, казни нас, но, меч, знай,
Что бывает такая крайность
Правды, крыши такой край...

Двусторонний клинок — рознит?
Он же сводит! Прорвав плащ,
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хрящ в хрящ!

(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ладьи
В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)

Двусторонний клинок, синим
Ливший, красным пойдет... Меч
Двусторонний — в себя вдвинем.
Это будет — лучшее лечь!

Это будет — братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Неповинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!

18 августа 1923

НАУКА ФОМЫ

Без рук не обнять!
Сгинь, выспренных душ
Небыль!
Не вижу — и гладь,
Не слышу — и глушь:
Не был.

Круги на воде.
Ушам и очам —
Камень.
Не здесь — так нигде.
В пространство, как в чан
Канул.

Руками держи!
Всей крепостью мышц
Ширься!
Что́ сны и псалмы!
Бог ради Фомы
В мир сей

Пришел: укрепись
В неверье — как негр
В трюме.
Всю в рану — по кисть!
Бог ради таких
Умер.

24 августа 1923

МАГДАЛИНА

1

Меж нами — десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает,
Ты мне — чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь — желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась — светла
Масть! — очесами демонскими
Таясь, лила б масла́

И нá ноги бы, и пóд ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть по купцам распроданная,
Расплеванная — теки!

Пеною уст и накипями
Очес и пóтом всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

26 августа 1923

2

Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы, — сплошное
Исструение, а тот

В красную сухую глину
Благостный вперяя зрак:
— Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!

31 августа 1923

3

О путях твоих пытать не буду,
Милая! — ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос —
И — слез.

Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены масла́.
Я был наг, а ты меня волною
Тела — как стеною
Обнесла.

Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.

В волосах своих мне яму вырой,
Спеленай меня без льна.
— Мироносица! К чему мне миро?
Ты меня омыла
Как волна.

31 августа 1923

□ □ □

С этой горы, как с крыши
Мира, где в небо спуск.
Друг, я люблю тебя свыше
Мер — и чувств.

От очевидцев скрою
В тучу! С золою съем.
...С этой горы, как с Трои
Красных — стен.

Страсти: хвала убитым,
Сущим — срам.
Так же смотрел на битву
Царь — Приам.

Рухнули у — стои:
Зарево? Кровь? Нимб?
Так же смотрел на Трою
Весь О — лимп.

Нет, из прохладной ниши
Дева, воздевши длань...
Друг, я люблю тебя свыше.
Слышь – и – встань.

30 августа 1923

□ □ □

Как бы дым твоих ни горек
Труб, глотать его – всё нега!
Оттого что ночью – город –
Опрокинутое небо.

Как бы дел твоих презренных
День ни гол, – в ночи ты – шах!
Звезды страсть свела – на землю!
Картою созвездий – прах.

Гектором иль Бонапартом
Звать тебя? Москва иль Троя?
Звездной и военной картой
Город лег...
Любовь? – Пустое!

Минет! Нищеты надземной
Ставленник, в ночи я – шах!
Небо сведено на землю:
Картою созвездий – прах

Рассыпается...

30 августа 1923

ОВРАГ

1

Дно — оврага.
Ночь — корягой
Шарящая. Встряски хвой.

Клятв — не надо.
Ляг — и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить — закашляешься. Всласть

Пей! Без пятен —
Мрак! Бесплатен —
Бог: как к пропасти припасть.

(Час — который?)
Ночь — сквозь штору
Знать — немного знать. Узнай

Ночь — как воры,
Ночь — как горы.
(Каждая из нас — Синай

Ночью...)

10 сентября 1923

2

Никогда не узнаешь, чтó жгу, чтó трачу
— Сердец перебой —
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой.

Никогда не узнаешь, каких не-наших
Бурь — следы сцеловал!
Не гора, не овраг, не стена, не насыпь:
Души перевал.

О, не вслушивайся! Болевого бреда
Ртуть... Ручьёвая речь...
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут — от плеч!

О, не вглядывайся! Под листвой падучей
Сами — листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.

Ляг — и лягу. И благо. О, всё на благо!
Как тела на войне —
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может — неба на дне!)

В этом бешеном беге дерев бессонных
Кто-то нá смерть разбит.
Что победа твоя — пораженье *сонмов,*
Знаешь, юный Давид?

11 сентября 1923

АХИЛЛ НА ВАЛУ

Отлило — обдало — накатило —
— Навзничь! — Умру.
Так Поликсена, узрев Ахилла
Там, на валу —

В красном — кровавая башня в плёсе
Тел, что простер.
Так Поликсена, всплеснувши: «Кто сей?»
(Знала — костер!)

Соединенное чародейство
Страха, любви.
Так Поликсена, узрев ахейца
Ахнула — и —

Знаете этот отлив атлантский
Крови от щек?
Неодолимый — прострись, пространство! —
Крови толчок.

13 сентября 1923

ПОСЛЕДНИЙ МОРЯК

О ты — из всех залинейных нот
Нижайшая! — Кончим распрю!
Как та чахоточная, что в ночь
Стонала: еще понравься!

Ломала руки, а рядом драк
Удары и клятв канаты.
(Спал разонравившийся моряк
И капала кровь на мя-
тую наволоку...)

А потом, вверх дном
Стакан, хрусталем и кровью
Смеясь... — и путала кровь с вином,
И путала смерть с любовью.

«Вам сон, мне — спех! Не присев, не спев —
И занавес! Завтра в лёжку!»
Как та чахоточная, что всех
Просила: еще немножко

Понравься!... (Руки уже свежи,
Взор смутен, персты не гнутся...)
Как та с матросом — с тобой, о жизнь,
Торгуюсь: еще минутку

Понравься!..

15 сентября 1923

КРИК СТАНЦИЙ

Крик станций: останься!
Вокзалов: о жалость!
И крик полустанков:
Не Дантов ли
Возглас:
«Надежду оставь!»
И крик паровозов.

Железом потряс
И громом волны океанской.
В окошечках касс,
Ты думал — торгуют пространством?
Морями и сушей?
Живейшим из мяс:
Мы мясо — не души!
Мы губы — не розы!
От нас? Нет — *по* нас
Колеса любимых увозят!

С такой и такою-то скоростью в час.

Окошечки касс.
Костяшечки страсти игорной.
Прав кто-то из нас,
Сказавши: любовь — живодерня!

«Жизнь — рельсы! Не плачь!»
Полотна — полотна — полотна...
(В глаза этих кляч
Владельцы глядят неохотно).

«Без рва и без шва
Нет счастья. Ведь с *тем* покупала?»
Та швейка права,
На это смолчавши: «Есть шпалы».

24 сентября 1923

ПРАЖСКИЙ РЫЦАРЬ

Бледно — лицый
Страж над плеском века —
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.

(О найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка — ра — ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку
Нас-то — сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный. Розам — цвесть!
Бросил — брошусь!
Вот тебе и месть!

Не устанем
Мы — доколе страсть есть!
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,

Крылья! В тину,
В пену — как в парчу!
Мосто — вины
Нынче не плачу!

— «С рокового мосту
Вниз — отважься!»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку — дней.

27 сентября 1923

□ □ □

По набережным, где седые деревья
По следу Офелий... (Она ожерелья
Сняла, — не наряженной же умирать!)
Но все же
(Раз смертного ложа — неможней
Нам быть нежеланной!
Раз это несносно
И в смерти, в которой
Предвечные горы мы сносим
На сердце!..) — она все немногие вёсны
Сплела — проплывать
Невестою — и венценосной.

Так — не́бескорыстною
Жертвою миру:
Офелия — листья,
Орфей — свою лиру...
— А я? —

28 сентября 1923

НОЧНЫЕ МЕСТА

Темнейшее из ночных
Мест: мост. — Устами в уста!
Неужели ж нам свой крест
Тащить в дурные места,

Туда: в веселящий газ
Глаз, газа... В платный Содом?
На койку, где всё до нас!
На койку, где не́ вдвоем

Никто... Никнет ночник.
Авось — совесть уснет!
(Вернейшее из ночных
Мест — смерть!) Платных теснот

Ночных — блаже вода!
Вода — глаже простынь!
Любить — блажь и беда!
Туда — в хладную синь!

Когда б в веры века
Нам встать! Руки смежив!
(Река — телу легка,
И спать — лучше, чем жить!)

Любовь: зноб до кости!
Любовь: зной до белá!
Вода — любит концы.
Река — любит тела.

4 октября 1923

ПОДРУГА

«Не расстанусь! — Конца нет!» И льнет, и льнет...
А в груди — нарастание
Грозных вод,
Нот... Надёжное: как таинство
Непреложное: рас — станемся!

5 октября 1923

ПОЕЗД ЖИЗНИ

Не штык — так клык, так сугроб, так шквал, —
В Бессмертье что час — то поезд!
Пришла и знала одно: вокзал.
Раскладываться не стоит.

На всех, на всё — равнодушьем глаз,
Которым конец — исконность.
О как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших... — Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток
От этой фатальной фальши:

Папильоток, пеленок,
Щипцов каленых,
Волос паленых,
Чепцов, клеенок,
О — де — ко — лонов
Семейных, швейных
Счастий (klein wenig!)[1]
Взят ли кофейник?
Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть — тоже вне класса!

В удаль, в одурь, в гармошку, в надсад, в тщету!
— Эти нехристи *и* льнут же! —
Чтоб какой-нибудь странник: «На *тем свету»*...
Не дождавшись скажу: лучше!

Площадка. — И шпалы. — И крайний куст
В руке. — Отпускаю. — Поздно
Держаться. — Шпалы. — От стольких уст
Устала. — Гляжу на звезды.

Так через радугу всех планет
Пропавших — считал-то кто их? —
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 октября 1923

---

[1] Немножко, чуточку *(нем.)*.

□ □ □

Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!

К Нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу – иль еще куда-нибудь

Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела

Вон – хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем – из одежд?)

...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

7 октября 1923

ПОБЕГ

Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроясь,
– О завтра мое! – тебя
Выглядываю – как поезд

Выглядывает бомбист
С еще-сотрясеньем взрыва
В руке... (Не одних убийств
Бежим, зарываясь в гриву

Дождя!) Не расправы страх,
Не... – Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона

Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! И в дымовую опушь —
Как о́б стену... (Под ногой
Подножка — или ни ног уж,

Ни рук?) Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду

В Бессмертье...

14 октября 1923

□ □ □

Брожу — не дом же плотничать,
Расположась на росстани!
Так, вопреки полотнищам
Пространств, треклятым простыням

Разлук, с минутным баловнем
Крадясь ночными тайнами,
Тебя под всеми ржавыми
Фонарными кронштейнами —

Краем плаща... За стойками —
Краем стекла... (Хоть краешком
Стекла!) Мертвец настойчивый,
В очах — зачем качаешься?

По набережным — клятв озноб,
По загородам — рифм обвал.
Сжимают ли — «я б жарче сгреб»,
Внимают ли — «я б чище внял».

Все ты один, во всех местах,
Во всех мастях, на всех мостах.
Моими вздохами — снастят!
Моими клятвами — мостят!

Такая власть над сбивчивым
Числом у лиры любящей,
Что на тебя, небывший мой,
Оглядываюсь — в будущее!

16 октября 1923

ОКО

Фонари, горящие газом,
Леденеющим день от дня.
Фонари, глядящие глазом,
Не пойму еще — в чем? — виня,
Фонари, глядящие на́земь:
На младенцев и на меня.

23 октября 1923

□ □ □

Люблю — но мука еще жива.
Найди баюкающие слова:

Дождливые, — расточившие всё
Сам выдумай, чтобы в их листве

Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,

На гроб стекал, чтобы лоб — светал,
Озноб — стихал, чтобы кто-то спал

И спал...
                    Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня — сожгут).

Баюкай же — но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:

Уютами...

24 октября 1923

□ □ □

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

□ □ □

Оставленного зала тронного
Столбы. (Оставленного — в срок!)
Крутые улицы наклонные
Стремительные как поток.

Чувств обезумевшая жимолость,
Уст обеспамятевший зов.
— Так я с груди твоей низринулась
В бушующее море строф.

Декабрь 1923

ДВОЕ

1

Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь — и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь — на буграх надбровных.

Ночь — твой рапсодов плащ,
Ночь — на очах — завесой.
Разъединил ли б зрящ
Елену с Ахиллесом?

Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.
Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях

Мир, и, разъединен,
Мстит (на согласьях строен!)
Неверностями жен
Мстит — и горящей Троей!

Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы — в мире *том*
Подобранные. Рухнет

Сей — разведешь. Что́ нужд
В рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!

Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
«Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара».

30 июня 1924

2

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной
— Буйволами! — на скалу — скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною — спала.

Порознь! — даже на ложе брачном —
Порознь! — даже сцепясь в кулак —
Порознь! — на языке двузначном —
Поздно и порознь — вот наш брак!

Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв как лев —
Так разминулися: сын Фетиды
С дщерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.
                О вспомни — снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже, — из жижи
Взгляд ее — все ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный — с равным...
. . . .

Так разминовываемся — мы.

3 июля 1924

3

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю — один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Многого хощем,
Знаю — один
Мне равномощен.

В мире, где всё —
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты — равносущ

Мне.

3 июля 1924

ОСТРОВ

Остров есть. Толчком подземным
Выхвачен у Нереид.
Девственник. Еще никем не
Выслежен и не открыт.

Папоротником бьет и в пене
Прячется. — Маршрут? Тариф?
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме твоих

Глаз Колумбовых. Две пальмы:
Явственно! — Пропали. — Взмах
Кондора...
(В вагоне спальном
— Полноте! — об островах!)

Час, а может быть — неделя
Плаванья (упрусь — так год!)
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме широт

Будущего...

5 июля 1924

ПОД ШАЛЬЮ

1

Над колыбелью твоею — где ты? —
Много, ох много же, будет пето.

Где за работой швея и мать —
Басен и песен не занимать!

Над колыбелью твоею нищей
Многое, многое с Бога взыщем:

Сроков и соков и лет и зим —
Много! а больше еще — простим.

Над колыбелью твоей бесправной
Многое, многое станет явным,

Гласным: прошедшая сквозь тела
.... — чем стала и чем была!

Над колыбелью твоею скромной
Многое, многое Богу вспомним!

— Повести, спящие под замком, —
Много! а больше еще — сглотнем.

Лишь бы дождаться тебя, да лишь бы...
Многое, многое станет лишним,

Выветрившимся — чумацкий дым!
. . . .
Всё недававшееся — моим!

5 августа 1924

2

Запечатленный, как рот оракула —
Рот твой, гадавший многим.
Женщина, что́ от дозору спрятала
Меж языком и нёбом?

Уж не глазами, а в вечность дырами
Очи, котлом ведёрным!
Женщина, яму какую вырыла
И заложила дёрном?

Располагающий ста кумирнями
Идол — не столь заносчив.
Женщина, что́ у пожара вырвала
Нег и страстей двунощных?

Женщина, в тайнах, как в шалях, ширишься,
В шалях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная — как счастливица-
Ель на вершине мглистой.

Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригубившую...
Женщина, что́ у тебя под шалью?
— Будущее!

8 ноября 1924

3

Та́к — только Елена глядит над кровлями
Троянскими! В столбняке зрачков
Четыре провинции обескровлено
И обезнадежено сто веков.

Та́к — только Елена над брачной бойнею,
В сознании: наготой моей
Четыре Аравии обеззноено
И обезжемчужено пять морей.

Та́к только Елена — не жди заломленных
Рук! — диву дается на этот рой
Престолонаследников обездомленных
И родоначальников, мчащих в бой.

Та́к только Елена — не жди взывания
Уст! — диву дается на этот ров
Престолонаследниками заваленный:
На обессыновленность ста родов.

Но нет, не Елена! Не та двубрачная
Грабительница, моровой сквозняк.
Какая сокровищница растрачена
Тобою, что в очи нам смотришь — та́к,

Как даже Елене за красным ужином
В глаза не дерзалось своим рабам:
Богам. — «Чужеземкою обезмуженный
Край! Всё еще гусеницей — к ногам!»

11 ноября 1924

□ □ □

Пела как стрелы и как морены,
Мчащие из-под ног
С звуком рвущегося атла́са.
— Пела! — и целой стеной матрасной
Остановить не мог
Мир меня.
Ибо единый вырвала
Дар у богов: бег!

Пела как стрелы.
Тело?
Мне нету дела!

8 ноября 1924

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(Пó небу — не по водам!)
Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),

Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любою —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром — люба?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и нáчисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, бéз шестых

Чувств?
　　　　Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли —
Так же ли — как мне с другим?

19 ноября 1924

□ □ □

Вьюга наметает в полы.
Всё разрывы да расколы! —

И на шарф цветной веселый —
Слезы острого рассола,
Жемчуг крупного размола.

19 ноября 1924

СОН

1

Врылась, забылась — и вот как с тысяче-
футовой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Всé мои тайны — сон перерыл.

Сопки — казалось бы прочно замерли —
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко — как следователь по камере
Сердца — расхаживает Морфей.

Вы! собирательное убожество!
Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как на перинах лёжачи
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей —
Жизнь с ее грузом мужей и жен.
Зорко как летчик над вражьей местностью
Спящею — над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло —
Тщетно! — уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Всé мои раны — сон перерыл!

Вскрыта! ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещих глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Всé мои тайны — сон перетряс!

24 ноября 1924

2

В мозгу ухаб пролёжан, —
Три века до весны!
В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны:

Сновидеть: рай Давидов
Зреть и Ахиллов шлем
Священный, — стен не видеть!
В постель иду — затем.

Разведены с Мартыном
Задекою — не всё!
Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве!

Занежат, — лести женской
Пух, рук и ног захват.
Как женщина младенца
Трехдневного заспят.

Спать! Потолок как короб
Снять! Синевой запить!
В постель иду как в прорубь:
Вас, — не себя топить!

Заокеанских тропик
Прель, Индостана — ил...
В постель иду как в пропасть:
Перины — *без* перил!

26 ноября 1924

ПРИМЕТЫ

Точно гору несла в подоле —
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.

Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.

Точно нóру во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль

Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеваясь гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн

Горловых, — горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! — по трели
Всего тела вдоль!

29 ноября 1924

□ □ □

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, — куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

1 декабря 1924

□ □ □

Живу — не трогаю.
Горы не срыть.
Спроси безногого,
Ответит: жить.

Не наша — Богова
Гора — Еговова!
Котел да логово, —
Живем без многого.

1 декабря 1924

ПОЛОТЕРСКАЯ

Колотёры-молотёры,
Полотёры-полодёры,
Кумашный стан,
Бахромчатый штан.

Что Степан у вас, что Осип —
Ни приметы, ни следа.
— Нас нелегкая приносит,
Полотеров, завсегда.

Без вины навязчивые,
Мы полы наващиваем.
По паркетам вз’ахивая,
Мы молей вымахиваем.

Кулик краснопер,
Пляши, полотер!

Колотилы-громыхалы,
Нам всé комнаты тесны.
Кольцо бабкино пропало —
Полотеры унесли.

Нажариваем.
Накаливаем.
...Пошариваем!
...Пошаливаем!

С полотеров взятки гладки:
Катай вдоль да поперек!
Как подкатимся вприсядку:
«Пожалуйте на чаёк!»

Не мастикой ясеневы
Вам полы намасливаем.
По́том-кровью ясеневы
Вам полы наласниваем:

Вощи до-бела́!
Трещи, мебеля!

Тише сажи, мягче замши...
Полотеров взявши в дом —
Плачь! Того гляди, плясамши,
Нос богине отобьем.

Та богиня — мраморная,
Нарядить — от Ламановой,
Не гляди, что мраморная —
Всем бока наламываем!

Гол, бос.
Чтоб жглось!

Полотерско дело вредно:
Пляши, в пот себя вогнав!
Оттого и ликом бледны,
Что вся кровь у нас в ногах.

Ногой пишем,
Ногой пашем.
Кто повыше —
Тому пляшем.

О пяти корявых пальцах —
Как и барская нога!
Из прихожей — через зальце —
Вот и вся вам недолга!

Знай, откалывай
До ко́ла в груди!
...Шестипалого
Полотера жди.

Нам балы давать не внове!
Двери — все́ ли на ключе?
А кумач затем — что крови
Не видать на кумаче!

Нашей ли, вашей ли —
Ляжь да не спрашивай.

Как господско дело грязью
Следить, лоску не жалеть —
Полотерско дело — мазью
Те следочки затереть.

А уж мазь хороша!
— Занялась пороша! —

Полодёры-полодралы,
Полотёры-пролеталы,
Разлет-штаны,
Паны-шаркуны,

Из перинки прасоловой
Не клопов вытрясываем,
По паркетам взгаркивая —
Мы господ вышаркиваем!

Страсть-дела,
Жар-дела,
Красная гвардия!

Поспешайте, сержанты резвые!
Полотеры купца зарезали.

Получайте, чего не грезили:
Полотеры купца заездили.

18 декабря 1924

Емче органа и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не дается — эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью —
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес — вдруг — разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок — как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах — да ведь это ж цыганский табор
— Весь! — и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржет, предвкушая бег.
Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —

Пушкину. И — раскалясь в полете —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! — эх! — ах!

23 декабря 1924

ЖИЗНИ

1

Не возьмешь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!
Та́к, на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу
Перекусывающий конь

Аравийский.

25 декабря 1924

2

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, —
Безошибочен певчий слух!

Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром:
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.

Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.
— Заждалась ножа!

28 декабря 1924

□ □ □

Пела рана в груди у князя.
Или в ране его — стрела

Пела? — к милому не поспеть мол,
Пела, милого не отпеть —
Пела. Та, что летела степью
Сизою. — Или просто степь
Пела, белое омывая
Тело... «Лебедь мой дикий гусь»,
Пела... Та, что с синя́-Дуная
К Дону тянется...
Или Русь
Пела?

30 декабря 1924

КРЕСТИНЫ

Воды не перетеплил
В чану, зазнобил — как надобно —
Тот поп, что меня крестил.
В ковше плоскодонном свадебном

Вина не пересластил —
Душа да не шутит брашнами!
Тот поп, что меня крестил
На трудное дело брачное:

Тот поп, что меня венчал.
(Ожжясь, поняла танцовщица,
Что сок твоего, Анчар,
Плода в плоскодонном ковшике

Вкусила...)
— На вечный пыл
В пещи смоляной поэтовой
Крестил — кто меня крестил
Водою неподогретою

Речною, — на свыше сил
Дела, не вершимы женами —
Крестил — кто меня крестил
Бедою неподслащенною:

Беспримесным тем вином.
Когда поперхнусь — напомните!
Каким опалюсь огнем?
Вcé страсти водою комнатной

Мнé кажутся. Трижды прав
Тот поп, что меня обкарнывал.
Каких убоюсь отрав?
Все яды — водой отварною

Мне чудятся. Чтó мне рок
С его родовыми страхами —
Раз собственные, вдоль щек,
Мне слезы — водою сахарной!

А ты, что меня крестил
Водой исступленной Савловой
(Так Савл, занеся костыль,
Забывчивых останавливал) —

Молись, чтоб тебя простил —
Бог.

1 января 1925

□ □ □

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле как в трюме,
В себе как в тюрьме.

Мир — это стены.
Выход — топор.
(«Мир — это сцена»,
Лепечет актер).

И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле — как в славе.
В теле — как в тоге.

Многие лета!
Жив — дорожи!
(Только поэты
В кости́ — как во лжи!)

Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле как в ватном
Отчем халате.

Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле — как в стойле.
В себе — как в котле.

Бренных не копим
Великолепий.
В теле — как в топи,
В теле — как в склепе,

В теле — как в крайней
Ссылке. — Зачах!
В теле — как в тайне,
В висках — как в тисках

Маски железной.

5 января 1925

□ □ □

Существования котловиною
Сдавленная, в столбняке глушизн,
Погребенная заживо под лавиною
Дней — как каторгу избываю жизнь.

Гробовое, глухое мое зимовье.
Смерти: инея на уста-красны —
Никакого иного себе здоровья
Не желаю от Бога и от весны.

11 января 1925

□ □ □

Что, Муза моя! Жива ли еще?
Так узник стучит к товарищу
В слух, в ямку, перстом продолбленную
— Что Муза моя? Надолго ли ей?

Соседки, сердцами спутанные.
Тюремное перестукиванье.

Что Муза моя? Жива ли еще?
Глазами не знать желающими,
Усмешкою правду кроющими,
Соседскими, справа-коечными

— Что, братец? Часочек выиграли?
Больничное перемигиванье.

Эх, дело мое! Эх, марлевое!
Так небо боев над Армиями,
Зарницами вкось исчёрканное,
Ресничное пересвёркиванье.

В воронке дымка рассеянного —
Солдатское пересмеиванье.

Ну, Муза моя! Хоть рифму еще!
Щекой — Илионом вспыхнувшею
К щеке: «Не крушись! Расковывает
Смерть — узы мои! До скорого ведь?»

Предсмертного ложа свадебного —
Последнее перетрагиванье.

15 января 1925

□ □ □

Не колесо громовое —
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен —
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом —
Стрелами перекинулись скифы.

16 января 1925

□ □ □

Дней сползающие слизни,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

И до бед мне мало дела
Собственных... — Еда? Спанье?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.

Январь 1925

□ □ □

В седину — висок,
В колею — солдат,
— Небо! — морем в тебя окрашиваюсь.
Как на каждый слог —
Что на тайный взгляд
Оборачиваюсь,
Охорашиваюсь.

В перестрелку — скиф,
В христопляску — хлыст,
— Море! — небом в тебя отваживаюсь.
Как на каждый стих —
Что на тайный свист
Останавливаюсь,
Настораживаюсь.

В каждой строчке: стой!
В каждой точке — клад.
— Око! — светом в тебя расслаиваюсь,
Расхожусь. Тоской
На гитарный лад
Перестраиваюсь,
Перекраиваюсь.

Не в пуху — в пере
Лебедином — брак!
Браки розные есть, разные есть!
Как на знак тире —
Что на тайный знак
Брови вздрагивают —
Заподазриваешь?

Не в чаю спитом
Славы — дух мой креп.
И казна моя — немалая есть!
Под твоим перстом
Что Господень хлеб
Перемалываюсь,
Переламываюсь.

22 января 1925

9 Зак. 95

□ □ □

Променявши на стремя —
Поминайте коня ворона!
Невозвратна как время,
Но возвратна как вы, времена

Года, с первым из встречных
Предающая дело родни,
Равнодушна как вечность,
Но пристрастна как первые дни

Весен... собственным пеньем
Опьяняясь как ночь — соловьем,
Невозвратна как племя
Вымирающее (о нем

Гейне пел, — брак мой тайный:
Слаще гостя и ближе, чем брат...)
Невозвратна как Рейна
Сновиденный убиственный клад.

Чиста-злата — нержавый,
Чиста-се́ребра — Вагнер? — нырни!
Невозвратна как слава
Наша русская...

19 февраля 1925

□ □ □

Рас — стояние: версты, мили...
Нас рас — ставили, рас — садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас—стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это—сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассóрили—рассори́ли,
Расслоили...
                    Стена да ров.
Расселили нас как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили—растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас как сирот.

Который уж, ну который—март?!
Разбили нас—как колоду карт!

24 марта 1925

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи нá сердце...

Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер—в гекзаметре,
Дай мне руку—на весь тот свет!
Здесь—мои обе заняты.

Прага, 7 мая 1925

□ □ □

Высокомерье — каста.
Чем недохват — отказ.
Что говорить: не часто!
В тысячелетье — раз.

Всё, что сказала — крайний
Крик морякам знаком!
А остальное — тайна:
Вырежут с языком.

16 мая 1925

□ □ □

Слава падает так, как слива:
На́ голову, в подол.
Быть красивой и быть счастливой!
(А не плохой глагол —

Быть? Без всякого приставного —
Быть и точка. За ней простор.)
Слава падает так, как слово
Милости на топор

Плахи, или же как на плиты
Храма — полдень сухим дождем.
Быть счастливой и знаменитой?
Меньшего обождем

Часа. Или же так, как целый
Рим — на розовые кусты.
— Слава! — Я тебя не хотела:
Я б тебя не сумела нести.

17 мая 1925

□ □ □

От родимых сёл, сёл!
— Наваждений! Новоявленностей!
Чтобы поезд шел, шел,
Чтоб нигде не останавливался,

Никуда не приходил.
В вековое! Незастроенное!
Чтобы ветер бил, бил,
Выбивалкою соломенною

Просвежил бы мозг, мозг
— Всё осевшее и плесенное! —
Чтобы поезд нёс, нёс,
Быстрей лебедя, как в песенке...

Сухопутный шквал, шквал!
Низвержений! Невоздержанностей!
Чтобы поезд мчал, мчал,
Чтобы только не задерживался.

Чтобы только не срастись!
Не поклясться! не насытиться бы!
Чтобы только — свист, свист
Над проклятою действительностью.

Феодальных нив! Глыб
Первозданных! незахватанностей!
Чтобы поезд шиб, шиб,
Чтобы только не засматривался

На родимых мест, мест
Августейшие засушенности!
Всё едино: Пешт, — Брест —
Чтобы только не заслушивался.

Никогда не спать! Спать?!
Грех последний, неоправданнейший...
Птиц, летящих вспять, вспять
По пятам деревьев падающих!

Чтоб не ночь, не две! — две?! —
Еще дальше царства некоего —
Этим поездом к тебе
Всё бы ехала и ехала бы.

Конец мая 1925

Брат по песенной беде —
Я завидую тебе.
Пусть хоть так она исполнится
— Помереть в отдельной комнате! —
Скольких лет моих? лет ста?
Каждодневная мечта.

И не жалость: мало жил,
И не горечь: мало дал.
Много жил — кто в *наши* жил
Дни: *всё* дал, — кто песню дал.

Жить (конечно не новей
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть —
Потолочные крюки.

Начало января 1926

□ □ □

Тише, хвала!
Дверью не хлопать,
Слава!
            Стола
Угол — и локоть.

Сутолочь, стоп!
Сердце, уймись!
Локоть — и лоб.
Локоть — и мысль.

Юность — любить,
Старость — погреться:
Некогда — *быть,*
Некуда деться.

Хоть бы закут —
Только без прочих!
Краны — текут,
Стулья — грохочут,

Рты говорят:
Кашей во рту
Благодарят
«За красоту».

Знали бы вы,
Ближний и дальний,
Как головы
Собственной жаль мне —

Бога в орде!
Степь — каземат —
Рай — это где
Не говорят!

Юбочник — скот —
Лавочник — частность!
Богом мне — тот
Будет, кто даст мне

— Не времени́!
Дни сочтены! —
Для тишины —
Четыре стены.

Париж, 26 января 1926

□ □ □

Кто — *мы?* Потонул в медведях
Тот край, потонул в полозьях.
Кто — *мы?* Не из тех, что ездят —
Вот — *мы!* А из тех, что возят:

Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые — за везучесть.

Везло! Через Дон — так голым
Льдом. Хвать — так всегда патроном
Последним. Привар — несолон.
Хлеб — вышел. Уж так везло нам!

Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.

Не вывезли! Пешим дралом —
В ночь, выхаркнуты народом!
Кто *мы?* да по всем вокзалам!
Кто *мы?* да по всем заводам!

По всем гнойникам гаремным[1] —
Мы, вставшие за деревню,
За — дерево...

С шестерней, как с бабой, сладившие —
Это мы — белоподкладочники?
С Моховой князья да с Бронной-то —
Мы-то — золотопогонники?

Гробокопы, клополовы —
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
Хорошо! хорошо!

[1] Дансёры в дансингах *(примеч. М. Цветаевой)*.

Судомои, крысотравы,
Дом — верша, гром — глуша,
Это мы пустили славу:
— Хороша! хороша —
Русь!

Маляры-то в поднебесьице —
Это мы-то с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили —
Мы, ребятами.
— История.

Баррикады, а нынче — троны.
Но всё тот же мозольный лоск.
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.

Мрем от них. Под шинелью драной —
Мрем, наган наставляя в бред...
Перестраивайте Бедламы:
Все — малы́ для российских бед!

Бредит шпорой костыль — острите! —
Пулеметом — пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья —
Ледяного похода знак.

Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно — *там:*
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам.

St. Gilles-sur-Vie (Vendée)
Апрель 1926

ЮНОШЕ В УСТА

Юноше в уста
— Богу на алтарь —
Моря и песка
Пену и янтарь

Влагаю.
Солгали,
Что мать и сын!
Младая
Седая
Морская
Синь.

Крив их словоряд.
День их словарю!
Пенка говорят.
Пена говорю —

Знак — пó синю бел!
Вопль — пó белу бей!
Что перекипел
Сливочник морей.

Бой или «баю»,
Сон или... а всё ж —
Мать, коли пою,
Сын, коли сосешь —

Соси же!
Не хижин
Российских — царь:
Рожок плаксивый.
Руси — янтарь.

Старая любовь —
Море не Руси!
Старую любовь
Заново всоси:

Ту ее — давно!
Ту ее — шатра,
Всю ее — от *до*
Кия — до Петра

Пей, не обессудь!
С бездною кутеж!
Больше нежель грудь —
Суть мою сосешь:

Лоно — смену —
Оно — вновь:
Моря пену,
Бора кровь.

Пей, женоупруг!
Пей, моя тоска!
Пенковый мундштук
Женского соска
Сто́ит.

Сто их,
Игр и мод!

Мать — кто по́ит
И поет.

29 мая 1928
Медон

РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Глыбами — лбу
Лавры похвал.
«Петь не могу!»
— «Будешь!» — «Пропал,

(На толокно
Переводи!)
Как молоко —
Звук из груди.

Пусто. Сухá.
В полную веснь —
Чувство сука».
— «Старая песнь!

Брось, не морочь!»
«Лучше мне впредь —
Камень толочь!»
— «Тут-то и петь!»

«Чтó я, снегирь,
Чтоб день-деньской
Петь?»
— «Не *моги,*
Пташка, а пой!

Нá зло врагу!»
«Коли двух строк
Свесть не могу?»
— «Кто когда — *мог?!»* —

«Пытка!» — «Терпи!»
«Скошенный луг —
Глотка!» — «Хрипи:
Тоже ведь — звук!»

«Львов, а не жен
Дело». — *«Детей:*
Распотрошен —
Пел же — Орфей!»

«Так и в гробу?»
— «И под доской».
«Петь не могу!»
— *«Это* воспой!»

Медон, 4 июня 1928

□ □ □

Чем — не боги же — поэты!
Отблагодарю за это
— Длящееся с Рождества —
Лето слуха и ответа,
Сплошь из звука и из света,
Без единственного шва

Ткань, наброшенную свыше:
С высоты — не верь, что вышла
Вся — на надобы реклам! —
Всей души твоей мальчишьей —
На́ плечи — моим грехам
И годам...

Июнь 1928

□ □ □

Всю́ меня — с зеленью —
Тех — дрём —
Тихо и медленно
Съел — дом.

═══

Ту, что с созвездиями
Росла —
Просто заездили
Как осла.

═══

Ту, что дриадою
Лес — знал.

Июнь 1928

□ □ □

Н. П. Г. — в память наших лесов

Лес: сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся, как Ваграм.
Погляди, как в час прибоя
Лес играет сам с собою!

Так и ты со мной играл.

1928

НАЯДА

Проходи стороной,
Тело вольное, рыбье!
Между мной и волной,
Между грудью и зыбью —

Третье, злостная грань
Дружбе гордой и голой:
Стопудовая дань
Пустяковине: полу.

Узнаю тебя, клин,
Как тебя ни зови:
В море — ткань, в поле — тын,
Вечный третий в любви!

Мало — злобе людской
Права каменных камер?
Мало — деве морской
Моря трепетной ткани?

Океана-Отца
Неизбывных достатков —
Пены — чудо-чепца?
Вала — чудо-палатки?

Узнаю тебя, гад,
Как тебя ни зови:
В море — ткань, в горе — взгляд, —
Вечный третий в любви!

Как приму тебя, бой,
Мне даваемый глубью,
Раз меж мной — и волной,
Между грудью — и грудью...

— Нереида! — Волна!
Ничего нам не надо,
Что не *я,* не она,
Не волна, не наяда!

Узнаю тебя, гроб,
Как тебя ни зови:
В вере — храм, в храме — поп, —
Вечный третий в любви!

Хлебопек, кочегар, —
Брак без третьего ме́жду!
Прячут жир (горе бар!)
Чистым — нету одежды!

Черноморских чубо́в:
— Братцы, голые топай! —
Голым в хлябь и в любовь,
Как бойцы Перекопа —

В бой...
Матросских сосков
Рябь. — «Товарищ, живи!»
...В пулю — шлем, в бурю — кров:
Вечный третий в любви!

Побережья бродяг,
Клятвы *без* аналоев!
Как вступлю в тебя, брак,
Раз меж мною — и мною ж —

Чтó? Да нос на тенú,
Соглядатай извечный —
(Свой же). Всё, что бы *ни* —
Что? Да *всё,* если нечто!

Узнаю тебя, біс,
Как тебя ни зови:
Нынче — нос, завтра — мыс, —
Вечный третий в любви!

Горделивая мать
Над цветущим отростком,
Торопись умирать!
Завтра — третий вотрется!

Узнаю тебя, смерть,
Как тебя ни зови:
В сыне — рост, в сливе — червь:
Вечный третий в любви.

Понтайяк, 1 августа 1928

ПЛАЧ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ

Уж вы, батальоны —
Эскадроны!
Сынок порожённый,
Бе — ре — женый!

Уж ты по младенцу —
Новобранцу —
Слеза деревенска,
Океанска!

В который раз вспóрот
Живот — мало!
Сколько б вас, Егорок,
Ни рожала —

Мало! *Мои* сучья!
Кро́вь чья? Со́ль чья?
Мало! Мала куча:
Больше! Больше!

Хоша б целый город
Склала — живы!
Сколько б вас, Егорок,
Ни ложила —

В землю. Большеротый,
Башка — вербой
Вьется. Людям — сотый,
А мне — первый!

Теки, мои соки,
Брега́ — через!
Сосцы пересохли —
Очам — че́ред!

Реви, долговласа,
По армейцу!
Млецо́м отлилася —
Слезой лейся!

1928

МАЯКОВСКОМУ

1

Чтобы край земной не вымер
Без отчаянных дяде́й,
Будь, младенец, Володимир:
Целым миром володей!

2

Литературная — не в ней
Суть, а вот — кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
Ушедший — раз в столетье

Приходит. Сбит передовой
Боец. Каких, столица,
Еще тебе вестей, какой
Еще — передовицы?

Ведь это, милые, у нас,
Черновец — милюковцу:
«Владимир Маяковский? Да-с.
Бас, говорят, и в кофте

Ходил»...
Эх кровь-твоя-кровца!
Как с новью примириться,
Раз первого ее бойца
Кровь — на второй странице
(Известий.)

3

«В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции».

(«Однодневная газета»,
24 апреля 1920 г.)

В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал —
Никаким обходом ни объездом
Не доставшийся бы перевал —

Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон.
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель — он.

В сапогах — двустопная жилплощадь,
Чтоб не вмешивался жилотдел —
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес — и брал — и клял — и пел —

В сапогах и *до* и *без* отказу
По невспаханностям Октября,
В сапогах — почти что водолаза:
Пехотинца, чище ж говоря:

В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях.
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)

Миллионного... — В котором роде
Своего, когда который год:
«Ничего-де своего в заводе!»
Всех народов горя гору — вот.

Так вот в этих — про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих —
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах — *свидетельствующих*.

4

Любовная лодка разбилась о быт.

И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?

В лодке, да еще в любовной
Запрокинуться — скандал!
Разин — чем тебе не ровня? —
Лучше с *бытом* совладал.

Эко новшество — лекарство
Хлещущее, что твой кран!
Парень, не по-пролетарски
Действуешь — а что твой пан!

Стоило ж в богов и в матку
Нас, чтоб — кровь, а не рассвет! —
Класса белую подкладку
Выворотить напослед.

Вроде юнкера, на То́ске
Выстрелившего — с тоски!
Парень! не по-маяковски
Действуешь: по-шаховски.

Фуражечку б на бровишки
И — прощай, моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил — прадедом своим.

То-то же, как на поверку
Выйдем — стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.

Только раньше — в околодок,
Нынче ж...
                    — Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых — нету под луной.

5

Выстрел — в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Еще раз не осекся,
И, в точку попав — усоп.
Было стало быть сердце,
Коль выстрелу следом — стоп.

(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит — тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»)

Выстрел — в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто — левую мочку
Отбривши — с женой в постель.)

Молодец! Не прошибся!
А женщины ради — что ж!
И Елену паршивкой
— Подумавши — назовешь.

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут — слевил.

Кабы в правую — свёрк бы
Ланцетик — и здрав ваш шеф.
Выстрел в *левую* створку:
Ну в самый-те Центропев!

6

Зерна огненного цвета
Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света
Красный как огонь.

Советским вельможей,
При полном Синоде...
— Здорово, Сережа!
— Здорово, Володя!

Умаялся? — Малость.
— По общим? — По личным.
— Стрелялось? — Привычно.
— Горелось? — Отлично.

— Так стало быть *пожил?*
— Пасс в нек'тором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!

А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище — меня-то
Обкладывал? — Ладно

Уж... — Вот-те и шлюпка
Любовная лодка!
Ужель из-за юбки?
— Хужей из-за водки.

Опухшая рожа.
С тех пор и на взводе?
Негоже, Сережа.
— Негоже, Володя.

А впрочем — не бритва —
Сработано чисто.
Так стало быть бита
Картишка? — Сочится.

— Приложь подорожник.
— Хорош и коллодий.
Приложим, Сережа?
— Приложим, Володя.

А что на Рассее —
На матушке? — То есть
Где? — В Эсэсэсере
Что нового? — Строят.

Родители — ро́дят,
Вредители — точут,
Издатели — водят,
Писатели — строчут.

Мост новый заложен,
Да смыт половодьем.
Все то же, Сережа!
— Все то же, Володя.

А певчая стая?
— Народ, знаешь, тертый!
Нам лавры сплетая,
У нас как у мертвых

Прут. Старую Росту
Да завтрашним лаком.
Да не обойдешься
С одним Пастернаком.

Хошь, руку приложим
На ихнем безводье?
Приложим, Сережа?
— Приложим, Володя!

Еще тебе кланяется...
— А что добрый
Наш Льсан Алексаныч?
— Вон—ангелом!—Федор

Кузьмич?—На канале:
По красные щеки
Пошел.—Гумилев Николай?
— На Востоке.

(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)
— Все то же, Сережа.
— Все то же, Володя.

А коли все то же,
Володя, мил-друг мой—
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук—и—

Нет.
— Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и *это*
Подложим гранату!

И на растворо́женном
Нами Восходе —
Заложим, Сережа!
— Заложим, Володя!

7

Много храмов разрушил,
А этот — ценней всего.
Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего.

Савойя, август 1930

ЛУЧИНА

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется ⟨ваш⟩ Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Июнь 1931

СТИХИ К ПУШКИНУ

1

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен,
Пушкин — в роли монумента?
Гостя каменного? — он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин — в роли Командора?

Критик — нóя, нытик — вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство — моря
Позабыли — о гранит

Бьющегося? Тот, солёный
Пушкин — в роли лексикона?

Две ноги свои — погреться —
Вытянувший, и на стол
Вспрыгнувший при Самодержце
Африканский самовол —

Наших прадедов умора —
Пушкин — в роли гувернера?

Черного не перекрасить
В белого — неисправим!
Недурён российский классик,
Небо Африки — своим

Звавший, невское — проклятым!
— Пушкин — в роли русопята?

Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с дурой рифмовал,

А «Европы Вестник» — с...
Пушкин — в роли гробокопа?

К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и *смуглее*
До сих пор на свете всем,

Всех живучей и живее!
Пушкин — в роли мавзолея?

То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами — хлам!
Как из душа! Как из пушки —
Пушкиным — по соловьям

Сло́ва, соколá́м полета!
— Пушкин — в роли пулемета!

Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фрунт!»
А куда девали пёкло
Губ, куда девали — бунт

Пушкинский? уст окаянство?
Пушкин — в меру пушкиньянца!

Томики поставив в шкафчик —
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!

Белокровье мозга, морга
Синь — с оскалом негра, горло
Кажущим...

Поскакал бы, Всадник Медный,
Он со всех копыт — назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он — *не* трусоват.

Сей, глядевший во все страны —
В роли собственной Татьяны?

Чтó вы делаете, карлы,
Этот — голубей олив —
Самый вольный, самый крайний
Лоб — навеки заклеймив

Низостию двуединой
Золота и середины?

«Пушкин — тога, Пушкин — схима,
Пушкин — мера, Пушкин — грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя
Благородное — как брань

Площадную — попугаи.

— Пушкин? Очень испугали!

25 июня 1931

2

ПЕТР И ПУШКИН

Не флотом, не пóтом, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом — из всякого ряду,
Не сносом — всего, чему срок,

Не лотом, не бóтом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).

И бóльшего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) —
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, — от внука-
то *негрского* — свет на Руси!

Уж он бы вертлявого — в струнку
Не стал бы! — «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер,
Как я — машкерадный король!»

Поняв, что ни пеной, ни пемзой —
Той Африки, — царь-грамотей
Решил бы: «Отныне *я́* — цензор
Твоих африканских страстей».

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!):
«Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Плыви — ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!
Соскучишься — так ворочайся,
А нет — хошь и дверь позабудь!

Приказ: ледяные туманы
Покинув — за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать».

И мимо наставленной свиты,
Отставленной — прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал — по земле или *над?*

Сей не по снегам смуглолицый
Российским — снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей *тоже* — метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою — поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный — Николаем,
Пожалованный бы — Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе — василиска
Взгляд! — не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком —
Подонком — опенком Петра

Был сослан в румынскую область,
Да ею б — пожалован был
Сим — так ненавидевшим робость
Мужскую, — что сына убил

Сробевшего. — «Эта мякина —
Я? — Вот и роди! и расти!»
Был *негр* ему истинным сыном,
Так истинным правнуком — *ты*

Останешься. Заговор равных.
И вот не спросясь повитух
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд, коим поныне светла...
Последний — посмертный — *бес*смертный
Подарок России — Петра.

2 июля 1931

3

(СТАНОК)

Вся его наука —
Мощь. Светло́ — гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой.

Вольному — под стопки?
Мне, в котле чудес
Сём — открытой скобки
Ведающей — вес,

Мнящейся описки —
Смысл, короче — всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось как — поется
И поныне — та́к.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,

Знаем — как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю — как хотелось
В лес — на бал — в возок...

И как — спать хотелось!
Над цветком любви —
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьми!

Перья на востро́ты —
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!

А зато — меж талых
Свеч, картежных сеч —
Знаю — как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов
Битых на полу —
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самого́ — с самим!
— Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас — им!

1931

4

Преодоленье
Косности русской —
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул

На кашалотьей
Туше судьбы —
Мускул полета,
Бега,
Борьбы.

С утренней негой
Бившийся — бодро!
Ровного бега,
Долгого хода —

Мускул. Побегов
Мускул степных,
Шлюпки, что к брегу
Тщится сквозь вихрь.

Не онеду́жен
Русскою кровью —
О, не верблюжья
И не воловья

Жила (усердство
Из-под ремня!) —
Конского сердца
Мышца — моя!

Больше балласту —
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,

Что на канате
Собственных жил
Из каземата —
Соколом взмыл!

Пушкин — с монаршьих
Рук руководством
Бившийся так же
На́смерть — как бьется

(Мощь — прибывала,
Сила — росла)
С мускулом вала
Мускул весла.

Кто-то, на фуру
Несший: «Атлета
Мускулатура,
А не поэта!»

То — серафима
Сила — была:
Несокрушимый
Мускул — крыла.

10 июля 1931

(ПОЭТ И ЦАРЬ)

1(5)

Потусторонним
Залом царей.
— А непреклонный
Мраморный сей?

Столь величавый
В золоте барм.
— Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора — хаял,
Рукопись — стриг.
Польского края —
Зверский мясник.

Зорче вглядися!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

12 июля 1931

2(6)

Нет, бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царёвы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям —
Нет места. В изглавьи, в изножьи,
И справа, и слева — ручищи по швам —
Жандармские груди и рожи.

Не диво ли — и на тишайшем из лож
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей, почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно — почетно — почетно — архи-
Почетно, — почетно — до черту!

Кого ж это так — точно воры вора́
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора —
Умнейшего мужа России.

Медон, 19 июля 1931

3(7)

Народоправству, свалившему трон,
Не упразднившему — тренья:
Не поручать палачам похорон
Жертв, цензорам — погребенья

Пушкиных. В непредуказанный срок,
В предотвращение смуты.
Не увозить под (великий!) шумок
По воровскому маршруту —

Не обрекать на последний мрак,
Полную глухонемость
Тела, обкарнанного и так
Ножницами — в поэмах.

19 июля 1933

СТРАНА

С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны на карте —
Нет, в пространстве — нет.

Выпита как с блюдца, —
Донышко блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который — срыт?

Заново родися —
В новую страну!
Ну-ка, воротися
На́ спину коню

Сбросившему! Кости
Целы-то — хотя?
Эдакому гостю
Булочник — ломтя

Ломаного, плотник —
Гроба не продаст!
То́й ее — *несчетных*
Верст, *небесных* царств,

Той, где на монетах —
Молодость моя,
Той России — нету.

— Как и той меня.

Конец июня 1931

ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ

1

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всéутёсно, всéрощно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы — порог,

Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
— Нет, безногое племя,
Даль—ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам—
Божествам в сапогах!

Если есть в мире—ода
Богу сил, богу гор—
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто—шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд—что лопается!

Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст—

Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.
                    — Случай?
— Дури собственной—столб.

2

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту—как насильник
С ног сшибающий: лечь!

Не ответит и ляжет —
Как могила — как пласт, —
Но лица не покажет
И души не отдаст...

Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль, —
О безглазый, очкастый
Лакированный нуль!

Между Зюдом и Нордом —
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши Рольсы и Ройсы́ —
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего — бресть.

Драгоценные куклы
С Опера́ и Мадлэн,
Вам бы тихие туфли
Мертвецовы — взамен

Лакированных лодок.
О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!

Слава Господу в небе —
Богу сил, Богу царств —
За гранит и за щебень,
И за шпат и за кварц,

Чистоганную сдачу
Под копытом — кремня...
И за то, что — *ходячим*
Чудом — создал меня!

3

Дармоедством пресытясь,
С шины — спешится внук.
Пешеходы! Держитесь —
Ног, как праотцы — рук.

Где предел для резины —
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздоху — хватит в груди!

Как поток жаждет прага,
Так восторг жаждет — трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!

По ручьям, по моррэнам,
Дальше — нет! дальше — стой!
Чтобы Альпы — коленом
Знал, саванны — ступней.

Я костьми, други, лягу —
За *раскрытие* школ!
Чтоб от первого шага
До последнего — шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул,
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков —
На своих-на двоих!

Медон, 26 августа 1931 — Кламар, 30 марта 1933

□ □ □

Тише, тише, тише, век мой громкий!
За меня потоки — и потомки.

1931

ДОМ

Из-под нахмуренных бровей
Дом — будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: — Здравствуй, я!

Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.

Недаром я — грузи! вези! —
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трущоб
Фронтоном чувствовала лоб.
Аполлонический подъем
Музейного фронтона — лбом

Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни —
Как за ветвями бузины.

Глаза — без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий — сто пятьдесят.

Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.

Не сдавшиеся злобе дня
Глаза, оставшиеся — да! —
Зерца́лами самих себя.

Из-под нахмуренных бровей —
О, зелень юности моей!
Та — риз моих, та — бус моих,
Та — глаз моих, та — слез моих...

Меж обступающих громад —
Дом — пережиток, дом — магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип

Души моей...

6 сентября 1931

БУЗИНА

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена,
Зеленее, чем плесень на чане!
Зелена, значит, лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом — через ночь — костром
Ростопчинским! — в очах краснó
От бузинной пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины — до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде слаще яда!
Кумача, сургуча и ада —
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови вкус.

Бузина казнена, казнена!
Бузина — целый сад залила
Кровью юных и кровью чистых,

Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца — твоей, моей...

А потом — водопад зерна,
А потом — бузина черна:
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой,
Возле дома, который пуст,
Одинокий бузинный куст.

Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!
Степь — хунхузу, Кавказ — грузину,
Мне — мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Новосёлы моей страны!
Из-за ягоды — бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день — ночьми...),
Яда — всосанного очьми...

Бузина багрова, багрова!
Бузина — целый край забрала
В лапы. Детство мое у власти.
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь — бузиной

Назвала...

11 сентября 1931, Медон — 21 мая 1935, Ванв

□ □ □

— Не нужен твой стих —
Как бабушкин сон.
— А мы для иных
Сновидим времен.

— Докучен твой стих —
Как дедушкин вздох.
— А мы для иных
Дозóрим эпох.

— В пять лет — целый свет —
Вот сон наш каков!
— Ваш — нá пять лишь лет.
Мой — нá пять веков.

— Иди, куда дни!
— Дни *мимо* идут...
— Иди, куда *мы*.
— Слепые ведут.

А быть или нет
Стихам на Руси —
Потоки спроси,
Потомков спроси.

14 сентября 1931

□ □ □

— Насмарку твой стих!
На стройку твой лес
Столетний!
                    — Не верь, сын!

И вместо земных
Насильных небес —
Небесных земель
Синь.

14 сентября 1931

СТИХИ К СЫНУ

1

Ни к городу и ни к селу —
Езжай, мой сын, в свою страну, —
В край — всем краям наоборот! —
Куда *назад* идти — *вперед*
Идти, — особенно — тебе,
Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое? *Ее* —
Дитя! То самое былье,
Которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль,
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
«Русь — этот прах, чти — этот прах!»

От неиспытанных утрат —
Иди — куда глаза глядят!
Всех стран — глаза, со всей земли —
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь — прадедам, Россия — нам,
Вам — просветители пещер —
Призывное: СССР, —
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой — вперед —
В *свой* край, в *свой* век, в *свой* час, — от нас —
В Россию — вас, в Россию — масс,
В *наш*-час — страну! в *сей*-час — страну!
В на-Марс — страну! в без-нас — страну!

Январь 1932

2

Наша совесть – не ваша совесть!
Полно! – Вольно! – О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота –
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счеты
С выдаваемым за Содом –

Градом. С братом своим не дравшись –
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, *ваш* век, *ваш* день, *ваш* час,
Наш грех, *наш* крест, *наш* спор, *наш* –

Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь –
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам – и видом
Не видали! Поймите: слеп –
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст, – как скоро
Из Медона – да на Кубань.
Наша ссора – не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань

Дней своих.

Январь 1932

3

Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни по́просту – спортсмедным

Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют, –

В *сём* полагая цель.
Ибо в любую щель –
Я – с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.

Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, –

Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым – только смех
Остался, только свист

Достался от отцов!
С *той* стороны весов
Я – с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.

Но также – ни одним
Из нас, досадных внукам!
Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – порукой –

Я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом!
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом

Страны своей.

22 января 1932

РОДИНА

О неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
— Россия, родина моя!

Но и с калужского холма
Мне открывалася *она* —
Даль — тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»
Со всех — до горних звёзд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь, —
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

Дом, с зеленою гущей:
Кущ зеленою кровью...
Где покончила — пуще
Чем с собою: с любовью.

14 июня 1932

□ □ □

Закрыв глаза — раз и́наче нельзя —
(А и́наче — нельзя!) закрыв глаза
На бывшее (чем топтаннее травка —
Тем гуще лишь!), но ждущее — до завтра ж!
Не ждущее уже: смерть, у меня
Не ждущая до завтрашнего дня...

Так, опустив глубокую завесу,
Закрыв глаза, как занавес над пьесой:
Над местом, по которому — метла...
(А голова, как комната — светла!)
На голову свою —
— да по́просту — от света

Закрыв глаза, и не закрыв, а сжав —
Всем существом в ребро, в плечо, в рукав
— Как скрипачу вовек не разучиться! —
В знакомую, глубокую ключицу —
В тот жаркий ключ, изустный и живой —
Что нам воды — *дороже* — ключевой.

Сентябрь 1932

ICI — HAUT[1]

1

Товарищи, как нравится
Вам в проходном дворе
Всеравенства — перст главенства:
— Заройте на горе!

[1] Здесь — в поднебесье *(фр.)*.

В век распевай, как хочется
Нам – либо упраздним,
В век скопищ – одиночества
– Хочу лежать один –
Вздох.

17 октября 1932

2

Ветхозаветная тишина,
Сирой полыни крестик.
Похоронили поэта *на*
Самом высоком месте.

Так и во гробе еще – подъем
Он даровал – несущим.
...Стало быть, именно на своем
Месте, ему присущем.

Выше которого только вздох,
Мой из моей неволи.
Выше которого – только Бог!
Бог – и ни вещи боле.

Всечеловека среди высот
Вечных при каждом строе.
Как подобает поэта – *под*
Небом и *над* землею.

После России, где меньше он
Был, чем последний смазчик –
Равным в ряду – всех из ряда вон
Равенства – выходящих.

В гор ряду, в зорь ряду, в гнезд ряду,
Орльих, по всем утесам.
На пятьдесят, хоть, восьмом году –
Стал рядовым, *был* способ!

Уединенный вошедший в круг —
Горе? — Нет, радость в доме!
На́ сорок верст высоты вокруг —
Солнечного да кроме

Лунного — ни одного лица,
Ибо соседей — нету.
Место откуплено до конца
Памяти и планеты.

3

В стране, которая — одна
Из всех звалась Господней,
Теперь меняют имена
Всяк, как ему сегодня

На ум или не-ум (потом
Решим!) взбредет. «Леонтьем
Крещеный — просит о таком-
то прозвище». — Извольте!

А впрочем, что́ ему с холма,
Как звать такую малость?
Я *гору* знаю, что *сама*
Переименовалась.

Среди казарм, и шахт, и школ:
Чтобы душа не билась! —
Я гору знаю, что в престол
Души преобразилась.

В котлов и общего котла,
Всеобщей котловины
Век — гору знаю, что светла
Тем, что на ней *единый*

Спит — на отвесном пустыре
Над уровнем движенья.
Преображенье на горе?
Горы — преображенье.

Гора, как все была: стара,
Меж прочих не отметишь.
Днесь Вечной Памяти Гора,
Доколе солнце светит —

Вожатому — душ, а не масс!
Не двести лет, не двадцать,
Гора та — как бы ни звалась —
До веку будет зваться

Волошинской.

23 октября 1932

4

— «Переименовать!» Приказ —
Одно, народный глас — другое.
Так, погребенья через час,
Пошла «Волошинскою горою»

Гора, названье Янычар
Носившая — четыре века.
А у почтительных татар:
— Гора Большого Человека.

22 мая 1935

5

Над вороны́м утесом —
Белой зари рукав.
Ногу — уже с заносом
Бега — с трудом вкопав

В землю, смеясь, что первой
Встала, в зари венце —
Макс! мне было — так *верно*
Ждать на твоем крыльце!

Позже, отвесным полднем,
Под колокольцы коз,
С всхолмья да на восхолмье,
С глыбы да на утес —

По трехсаженным креслам:
— Тронам иных эпох! —
Макс! мне было — так *лестно*
Лезть за тобою — Бог

Знает куда! Да, виды
Видящим — путь скалист.
С глыбы на пирамиду,
С рыбы — на обелиск...

Ну, а потом, на плоской
Вышке — орлы вокруг —
Макс! мне было — так просто
Есть у тебя из рук,

Божьих или медвежьих,
Опережавших «дай»,
Рук неизменно-брежных,
За воспаленный край

Раны умевших браться
В веры сплошном луче.
Макс, мне было так *братски*
Спать на твоем плече!

(Горы... Себе на горе
Видится мне одно
Место: с него *два* моря
Были видны по дно

Бездны... два моря сразу!
Дщери иной поры,
Кто вам свои два глаза
Преподнесет с горы?)

...Только теперь, в подполье,
Вижу, когда потух
Свет — до чего мне вольно
Было в охвате двух

Рук твоих... В первых встречных
Царстве — о сам суди,
Макс, до чего мне вечно
Было в твоей груди!

═══

Пусть ни единой травки,
Площе, чем на столе —
Макс! мне будет — так мягко
Спать на твоей скале!

28 октября 1932

□ □ □

Темная сила!
Мра-ремесло!
Скольких сгубило,
Как малых — спасло.

⟨1932⟩

□ □ □

Никуда не уехали — ты да я —
Обернулись прорехами — все моря!
Совладельцам пятерки рваной —
Океаны не по карману!

Нищеты вековечная сухомять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море — мелью:
Наше лето — другие съели!

С жиру лопающиеся: жир — их «лоск»,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш — в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!

Нами — лакомящиеся: франк — за вход.
О, урод, как водой туалетной — рот
Сполоснувший — бессмертной песней!
Будьте прокляты вы — за весь мой

Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, —
Пятью пальцами — да от всех пяти
Чувств — на память о чувствах добрых —
Через все вам лицо — автограф!

1932—1935

СТОЛ

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез —
Спасибо — что нес и нес.

Строжайшее из зерцал!
Спасибо за то, что стал
— Соблазнам мирским порог —
Всем радостям поперек,

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.

Мой за́живо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большал, ширел,

Так ширился, до широт —
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
— Меня заливал, как штранд!

К себе пригвоздив чуть свет —
Спасибо за то, что — вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах —

Беглянку.
                    — Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал — как маг —

Сомнамбулу.
                        Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор —
Ты был мне престол, простор —
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!

Так будь же благословен —
Лбом, ло́ктем, узлом колен
Испытанный, — как пила
В грудь въевшийся — край стола!

Июль 1933

2

Тридцатая годовщина
Союза — верней любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты — мои,

Которых — не ты ли — автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету — завтра,
Что только сегодня — есть.

И деньги, и письма с почты —
Стол — сбрасывавший — в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат —
Дури́щу — да на тебя ж!

3

Тридцатая годовщина
Союза — держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы —

Малейшую из зазубрин!
(*Зубами* — коль стих не шел!)
Да, был человек возлюблен!
И сей человек был — стол

Сосновый. Не мне на всхолмье
Березу берёг карел!
Порой еще с слезкой смольной,
Но вдруг — через ночь — старел,

Разумнел — так школьник дерзость
Сдает под мужской нажим.
Сажусь — еле доску держит,
Побьюсь — точно век дружи́м!

Ты — стоя, в упор, я — спину
Согнувши — пиши! пиши! —
Которую десятину
Вспахали, версту — прошли,

Покрыли: письмом — красивей
Не сыщешь в державе всей!
Не меньше, чем пол-России
Покрыто рукою сей!

Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрях,
Садовый, столовый — всякий,
Лишь бы́ не на трех ногах!

Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тёзка — *тот!*
Бильярдный, базарный — всякий —
Лишь бы́ не сдавал высот

Заветных. Когда ж подастся
Железный — под локтевым
Напором, столов — богатство!
Вот пень: не обнять двоим!

А паперть? А край колодца?
А старой могилы — пласт?
Лишь только б мои два локтя
Всегда утверждали: — *даст*

Бог! *Есть* Бог! Поэт — устройчив:
Всё — стол ему, всё — престол!
Но лучше всего, всех стойче —
Ты, — мой наколенный стол!

Около 15 июля 1933 — 29-30 октября 1935

4

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что — стол
Дал, стойкий, врагам на страх
Стол — на четырех ногах

Упорства. Скорей — скалу
Своротишь! И лоб — к столу
Подстатный, и локоть *под* —
Чтоб лоб свой держать, как свод.

— А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой *вес,*
Просторный, — во весь мой бег,
Стол — вечный — на весь мой век!

Спасибо тебе, Столяр,
За до́ску — во весь мой дар,
За ножки — прочней химер
Парижских, за вещь — в размер.

5

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать — столом,
Остался — живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами *живой* смолы,
С корнями до дна земли!

17 июля 1933

6

Квиты: вами я объедена,
Мною — живописаны.
Вас положат — на обеденный,
А меня — на письменный.

Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.

Всяк на выбранном заранее —
⟨Много до рождения! — ⟩
Месте своего деяния,
Своего радения:

Вы — с отрыжками, я — с книжками,
С трюфелем, я — с грифелем,
Вы — с оливками, я — с рифмами,
С пикулем, я — с дактилем.

В головах — свечами смертными
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам — дорогою!

Табачку пыхнем гаванского
Слева вам — и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам — да саваном!

А чтоб скатертью не тратиться —
В яму, место низкое,
Вытряхнут ⟨вас всех со скатерти:⟩
С крошками, с огрызками.

Каплуном-то вместо голубя
— Порох! душа — при вскрытии.
А меня положат — голую:
Два крыла прикрытием.

Конец июля 1933

□ □ □

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской,
                    Через край — и *мимо* —
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

6 января 1934

□ □ □

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все́ — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Та́к край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

3 мая 1934

□ □ □

А Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без меты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину

Являйте из тел распластанных
Звезду или свасты крюки.

23 июня 1934

□ □ □

Это жизнь моя пропела — провыла —
Прогудела — как осенний прибой —
И проплакала сама над собой.

Июнь 1934

КУСТ

1

Чтó нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, кляня
Которую — голову прячу

В него же (седей — день от дня!).
Сей мощи, и плещи, и гущи —
Что нужно кусту — от меня?
Имущему — от неимущей!

А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б — тогда бы не цвел
Мне прямо в разверстую душу,

Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что, полная чаша куста,
Находишь на сем — месте пусте?

Чего не видал (на ветвях
Твоих — хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?

Чего не слыхал (на ветвях
Молва не рождается в муках!),
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?

Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, —
Да разве я *то́* говорю,
Что знала, пока не раскрыла

Рта, знала еще на черте
Губ, той — за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну.

2

А мне от куста — не шуми
Минуточку, мир человечий! —
А мне от куста — тишины:
Той, — между молчаньем и речью.

Той, — можешь — ничем, можешь — всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных — невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.

Той — *до* всего, *после* всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну — шума ушного того,
Всё соединилось в котором.

Как будто бы все кувшины́
Востока — на лобное всхолмье.
Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь: полной.

Около 20 августа 1934

□ □ □

Уединение: уйди
В себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.

Чтоб ни души, чтоб ни ноги —
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу.

Ктó победил на площадú —
Про то не думай и не ведай.
В уединении груди —
Справляй и погребай победу

Уединения в груди.
Уединение: уйди,

Жизнь!

Сентябрь 1934

□ □ □

О поэте не подумал
Век — и мне не до него.
Бог с ним, с громом. Бог с ним, с шумом
Времени не моего!

Если веку не до предков —
Не до правнуков мне: стад.
Век мой — яд мой, век мой — вред мой,
Век мой — враг мой, век мой — ад.

Сентябрь 1934

САД

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих — лет,
Горбатых — лет...

На старость лет
Собачьих — клад:
Горячих лет —
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица,
Без ни-души!

Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!

Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без *ни-душка!*
Без ни-души!

Скажи: довольно му́ки — на́
Сад — одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
— Сад, одинокий, как ты Сам.

Такой мне сад на старость лет...
— Тот сад? А может быть — тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.

1 октября 1934

ЧЕЛЮСКИНЦЫ

Челюскинцы! Звук —
Как сжатые челюсти.
Мороз их них прет,
Медведь из них щерится.

И впрямь челюстьми
— На славу всемирную —
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!

На льдине (не то
Что — чёрт его — Нобиле!)
Родили — дитё
И псов не угробили —

На льдине!
Эол
Доносит по кабелю:
— На льдов произвол
Ни пса не оставили!

И спасши — мечта
Для младшего возраста! —
И псов и дитя
Умчали по воздуху.

— «Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!»
Щекастый малыш,
Спеленатый — полюсом!

А рядом — сердит
На гро́мы виктории —
Второй уже Шмидт
В российской истории:

Седыми бровьми
Стесненная ласковость...
Сегодня — смеюсь!
Сегодня — да здравствует

Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь — и горжусь:
Челюскинцы — русские!

3 октября 1934

□ □ □

Человека защищать не надо
Перед Богом, Бога — от него.
Человек *заслуживает* ада.
Но и сада
Семиверстного — для одного.

Человек заслуживает — танка!
Но и замка
Феодального — для одного.

Осень 1934

□ □ □

Стройте и пойте стройку!
. . . .
Столпнику ж дайте стойко
Спать на своем столбу!

Стройте и пойте выше
Благополучье толп
Кройте стеклянной крышей
Мой деревянный столп.

Октябрь 1934

(ОТГОЛОСКИ СТОЛА)

Плоска – доска, а всё впитывает,
Слепа – доска, а всё считывает,
(Пустым – доска: и ящика нет!)
Сухим – доска, а всё взращивает!

═══

Нема – доска, а всё сказывает!

═══

Не было друга,
Кроме доски!

═══

...На сём плоту –
Спасусь, спасусь, спасусь!

═══

...На сей доске –
Спасусь! спасусь! спасусь!

1934

□ □ □

Есть счастливцы и счастливицы,
Петь *не* могущие. Им –
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю – ливнем проливным!

Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж – призвание как плеть –
Меж стенания надгробного
Долг повелевает – петь.

Пел же над другом своим Давид,
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос

Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога *лишним*
Встав, — Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз *голос* тебе, поэт,
Дан, остальное — взято.

Ноябрь — декабрь 1934

□ □ □

Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина —
Судьбина
Горькая.
Рябина —
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбина
Русская.

1934

НАДГРОБИЕ

1

— «Иду на несколько минут...»
В работе (хаосом зовут
Бездельники) оставив стол,
Отставив стул — куда ушел?

Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа — куда ушла?

В шкафу — двустворчатом, как храм, —
Гляди: все книги по местам.
В строке — все буквы налицо.
Твое лицо — куда ушло?

Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо —
Куда ушло?

3 января 1935

2

Напрасно глазом — как гвоздем,
Пронизываю чернозем:
В сознании — верней гвоздя:
Здесь нет тебя — и нет тебя.

Напрасно в ока оборот
Обшариваю небосвод:
— Дождь! дождевой воды бадья.
Там нет тебя — и нет тебя.

Нет, никоторое из двух:
Кость слишком — кость, дух слишком — дух.
Где — ты? где — тот? где — сам? где — весь?
Там — слишком там, здесь — слишком здесь.

Не подменю тебя песком
И пáром. Взявшего — родством
За труп и призрак не отдам.
Здесь — слишком здесь, там — слишком там.

Не ты — не ты — не ты — не ты.
Чтó бы ни пели нам попы,
Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть, —
Бог — слишком Бог, червь — слишком червь.

На труп и призрак — неделим!
Не отдадим тебя за дым
Кадил,
Цветы
Могил.

И если где-нибудь ты *есть* —
Так — в нас. И лучшая вам честь,
Ушедшие — презреть раскол:
Совсем ушел. Со *всем* — ушел.

5—7 января 1935

3

За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен —
Не дам тебе — умереть совсем!

За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист —
Вязанками приносил мне в дом! —
Не дам тебе — порасти быльем!

За то, что первых моих седин
Сыновней гордостью встретил — чин,
Ребячьей радостью встретил — страх, —
Не дам тебе — поседеть в сердцах!

7—8 января 1935

4

Удар, заглушенный годами забвенья,
Годами незнанья.
Удар, доходящий — как женское пенье,
Как конское ржанье,

Как страстное пенье сквозь ⟨косное⟩ зданье
Удар — доходящий.
Удар, заглушенный забвенья, незнанья
Беззвучною чащей.

Грех памяти нашей — безгласой, безгубой,
Безмясой, безносой!
Всех дней друг без друга, ночей друг без друга
Землею наносной

Удар — заглушенный, замшенный — как тиной.
Так плющ сердцевину
Съедает и жизнь обращает в руину...
— Как нож сквозь перину!

...Оконною ватой, набившейся в уши,
И той, заоконной:
Снегами — годами — ⟨пудами⟩ бездушья
Удар — заглушенный...

А что если вдруг
. . . .
А что если вдруг
А что если — вспомню?

Начало января 1935

⟨5⟩

Оползающая глыба —
Из последних сил спасибо
— Рвущееся — умолчу —
Дуба юному плечу.

Издыхающая рыба,
Из последних сил спасибо
Близящемуся — прости! —
Силящемуся спасти
Валу первому прилива.

Иссыхающая нива —
Божескому, нелюдску́.
Бури чудному персту.

Как добры — в час без спасенья —
Силы первые — к последним!
Пока рот не пересох —
Спаси — боги! Спаси — Бог!

Лето 1928

Уж если кораллы на шее —
Нагрузка, так что же — *страна?*
Тишаю, дичаю, волчею,
Как мне все — равны, всем — равна.

И если в сердечной пустыне,
Пустынной до краю очей,
Чего-нибудь жалко — так сына, —
Волчонка — еще поволчей!

9 января 1935

Никому не отмстила и не отмщу —
Одному не простила и не прощу
С дня как очи раскрыла — по гроб дубов
Ничего не спустила — и видит Бог
Не спущу до великого спуска век...
— Но достоин ли человек?...
— Нет. Впустую дерусь: ни с кем.
Одному не простила: *всем.*

26 января 1935

□ □ □

Жизни с краю,
Середкою брезгуя,
Провожаю
Дорогу железную.

Века с краю
В запретные зоны
Провожаю
Кверх лбом — авионы.

Почему же,
О люди в полете!
Я — «отстала»,
А вы — отстаете,

Остаетесь.
Крылом — с ног сбивая,
Вы несетесь,
А опережаю —
Я?

Февраль 1935

□ □ □

Черные стены
С подножием пены
Это — Святая Елена.

Май 1935

□ □ □

Небо — синей знамени!
Пальмы — пучки пламени!
Море — полней вымени!
Но своего имени

Не сопрягу с брегом сим.
Лира — завет бедности:
Горы — редей темени.
Море — седей времени.

Июль 1935

□ □ □

Окно раскрыло створки —
Как руки. Но скрестив
Свои — взирает с форта:
На мыс — отвес — залив

Глядит — с такою силой,
Так вглубь, так сверх всего —
Что море сохранило
Навек глаза его.

26—27 июля 1935

ОТЦАМ

1

В мире, ревущем:
— Слава грядущим!
Что́ во мне шепчет:
— Слава прошедшим!

Вам, проходящим,
В счет не идущим,
Чад не родящим,
Мне — предыдущим.

С клавишем, с кистью ль
Спорили, с дестью ль
Писчего — чисто
Прожили, с честью.

Белые — краше
Снега сокровищ! —
Волосы — вашей
Совести — повесть.

14—15 сентября 1935

2

Поколенью с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколенью
По колено в земле,

А сединами — в звездах!
Вам, слышней камыша,
— Чуть зазыблется воздух —
Говорящим: ду — ша!

Только душу и спасшим
Из фамильных богатств,
Современникам старшим —
Вам, без равенств и братств,

Руку веры и дружбы,
Как кавказец — кувшин
С виноградным! — врагу же —
Две — протягивавшим!

Не Сиреной — сиренью
Заключенное в грот,
Поколенье — с пареньем!
С тяготением — *от*

Земли, *над* землей, прочь от
И червя и зерна!
Поколенье — без почвы,
Но с такою — до дна,

Днища — узренной бездной,
Что из впалых орбит
Ликом девы любезной —
Как живая глядит.

Поколенье, где краше
Был — кто жарче страдал!
Поколенье! *Я* — ваша!
Продолженье зеркал.

Ваша — сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к платью
Плоти — временному!

Вы — ребенку, поэтом
Обреченному быть,
Кроме звонкой монеты
Всё — внушившие — чтить:

Кроме бога Ваала!
Всех богов — всех времен — и племен...
Поколенью — с провалом —
Мой бессмертный поклон!

Вам, в одном небывалом
Умудрившимся — *быть,*
Вам, средь шумного бала
Так умевшим — любить!

До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

16 октября 1935

□ □ □

Ударило в виноградник —
Такое сквозь мглу седу́ —
Что каждый кусток, как всадник,
Копьем пригвожден к седлу.

Из туч с золотым обрезом —
Такое — на краснозем,
Что весь световым железом
Пронизан — пробит — пронзен.

Светила и преисподни
Дитя: виноград! смарагд!
Твой каждый листок — Господня
Величия — транспарант.

Хвалы виноградным соком
Исполнясь, как царь Давид —
Пред Солнца Масонским Оком —
Куст служит: боготворит.

20—22 сентября 1935

□ □ □

«Двух станов не боец, а только гость случайный...»

Двух станов не боец, а — если гость случайный —
То гость — как в глотке кость, гость —
как в подметке гвоздь.
Была мне голова дана — по ней стучали
В два молота: одних — корысть и прочих — злость.

Вы с этой головы — к создателеву чуду
Терпение мое, рабочее, прибавь —
Вы с этой головы — что́ требовали? — Блуда!
Дивяся на ответ упорный: обезглавь.

Вы с этой головы, уравненной – как гряды
Гор, вписанной в вершин божественный чертеж,
Вы с этой головы – что́ требовали? – Ряда.
Дивяся на ответ (безмолвный): обезножь!

Вы с этой головы, настроенной – как лира:
На самый высший лад: лирический...
– Нет, стой!
Два строя: Домострой – и Днепрострой – на выбор!
Дивяся на ответ безумный: – Лиры – строй.

И с этой головы, с лба – серого гранита,
Вы требовали: нас – люби! те́х – ненавидь!
Не все ли ей равно – с какого боку битой,
С какого профиля души – глушимой быть?

Бывают времена, когда голов – не надо.
Но *слово* низводить до свеклы кормовой –
Честнее с головой Орфеевой – менады!
Иродиада с Иоанна головой!

– Ты царь: живи один... (Но у царей – наложниц
Минута.) *Бог* – один. Тот – в пустоте небес.
Двух станов не боец: судья – истец – заложник –
Двух – противубоец! Дух – противубоец.

25 октября 1935

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый – со своей
Газетой (со своей
Экземой!) Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто – чтец? Старик? Атлет?
Солдат? – Ни че́рт, ни лиц,

Ни лет. Скелет — раз нет
Лица: газетный лист!
Которым — весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!
                    Родишь —
Читателя газет.

Кача — «живет с сестрой» —
ются — «убил отца!» —
Качаются — тщетой
Накачиваются.

Что́ для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет — читай: клевет,
Газет — читай: растрат.
Что ни столбец — навет,
Что ни абзац — отврат...

О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

— Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов *пресс*
Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост, —
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители крове́й,
Писатели газет!

Вот, други, — и куда
Сильней, чем в сих строках! —
Чтó думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом
— Пустее места — нет! —
Так значит — *нелицом*
Редактора газет-

ной нечисти.

Ванв, 1 — 15 ноября 1935

ДЕРЕВЬЯ

Мятущийся куст над обрывом —
Смятение уст под наплывом
Чувств...

Кварталом хорошего тона —
Деревья с пугливым наклоном
(Клонились — не так — над обрывом!)
Пугливым, а может — брезгливым?

Мечтателя — перед богатым —
Наклоном. А может — отвратом
От улицы: всех и всегó там —
Курчавых голов отворотом?

От девушек — сплошь без стыда,
От юношей — то ж — и без лба:
Чем меньше — тем выше заносят!
Безлобых, а завтра — безносых.

От тресков, зовущихся: речь,
От лака голов, ваты плеч,
От отроков — листьев новых
Не видящих из-за листовок,

Разрываемых на разрыв.
Так и лисы в лесах родных,
В похотливый комок смесяся, —
Так и лисы не рвали мяса!

От гвалта, от мертвых лис —
На *лисах* (о смертный рис
На лицах!), от свалки потной
Деревья бросаются в окна —

Как братья-поэты — в ре́ку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою — о железо
Все руки себе порезав —
Деревья, как взломщики, лезут!

И выше! За крышу! За тучу!
Глядите — как собственных сучьев
Хроматикой — почек и птичек —
Деревья, как смертники, кличут!

(Был дуб. Под его листвой
Король восседал...)
                    — Святой
Людовик — чего глядишь?
Погиб — твой город Париж!

27 ноября 1935

СТИХИ СИРОТЕ

Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Шла дорогой той старушка,
Пожалела сироту...

1

Ледяная тиара гор —
Только бренному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

16—17 августа 1936

2

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором —
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща —
Знаешь — плющ, обнимающий камень —
В сто четыре руки и ручья?

Но не жимолость я — и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплю́щен — а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!

...Кру́гом клумбы и кру́гом колодца,
Куда камень придет — седым!
Круговою порукой сиротства, —
Одиночеством — круглым моим!

(Та́к вплелась в мои русые пряди —
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся на́ две —
Чтобы остров создать — и обнять.

Всей Савойей и всем Пиемонтом,
И — немножко хребет надломя —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя!

21—24 августа 1936

3

(ПЕЩЕРА)

Могла бы — взяла бы
В утробу пещеры:
В пещеру дракона,
В трущобу пантеры.

В пантерины — лапы —
— Могла бы — взяла бы.

Природы — на лоно, природы — на ложе.
Могла бы — свою же пантерину кожу
Сняла бы...
— *Сдала* бы трущобе — в учебу!
В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, —

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки —
Как ветви — и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.
В листве бы, в плюще бы, в плюще — как в плаще бы...

Ни белого света, ни черного хлеба:
В росе бы, в листве бы, в листве — как в родстве бы...

Чтоб в дверь — не стучалось,
В окно — не кричалось,
Чтоб впредь — не *случалось,*
Чтоб — ввек не кончалось!

Но мало — пещеры,
И мало — трущобы!
Могла бы — взяла бы
В пещеру — утробы.

Могла бы —
Взяла бы.

Савойя, 27 августа 1936

4

На льдине —
Любимый,
На мине —
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне — любимый.

В коросте — желанный,
С погоста — желанный:
Будь гостем! — лишь зубы да кости — желанный!

Тоской подколенной
До тьмы прова́ленной
Последнею схваткою чрева — жаленный.

И нет такой ямы, и нет такой бездны —
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

5—6 сентября 1936

5

Скороговоркой — ручья водой
Бьющей: — Любимый! больной! родной!

Речитативом — тоски протяжней:
— Хилый! чуть-жи́вый! сквозной! бумажный!

От зева до чрева — продольным разрезом:
— Любимый! желанный! жаленный! болезный!

9 сентября 1936

6

Наконец-то встретила
Надобного — мне:
У кого-то смертная
Надоба — во мне.

Чтó для ока — радуга,
Злаку — чернозем —
Человеку — надоба
Человека — в нем.

Мне дождя, и радуги,
И руки — нужней
Человека надоба
Рук — в руке моей.

Это — шире Ладоги
И горы верней —
Человека надоба
Ран — в руке моей.

И за то, что с *язвою*
Мне принес ладонь —
Эту руку — сразу бы
За тебя в огонь!

11 сентября 1936

〈7〉

В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком —
Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову — мою.

5—6 сентября 1936

САВОЙСКИЕ ОТРЫВКИ

〈1〉

В синее небо ширя глаза —
Как восклицаешь: — Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь —
Как восклицаешь: — Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи —
Так восклицаю: — Будут стихи!

〈2〉

ОТРЫВКИ ИЗ МАРФЫ

Проще, проще, проще, проще
За Учителем ходить,
Проще, проще, проще, проще
В очеса его глядеть —

В те озера голубые...
Трудно Марфой быть, Марией —
Просто...

И покамест...........................
Услаждается сестра —
Подходит............................
— Равви! полдничать пора!

Чтó плоды ему земные?
Горько Марфой быть, Марией —
Сладко...

Вечен — из-под белой арки
Вздох, ожегший как ремнем:
Марфа! Марфа! Марфа! Марфа!
Не пекися о земном!

Стыдно Марфой быть, Марией –
Славно...

Бренно Марфой быть, Марией –
Вечно...

...Все-то мыла и варила...
Грязно Марфой быть, Марией –
Чисто...

⟨3⟩

ОТРЫВКИ РУЧЬЯ

Подобье сердца моего!
Сопровождаем – кто кого?
Один и тот же жребий нам –
Мчать по бесчувственным камням,
Их омывать, их опевать –
И так же с места не снимать.

Поэт,. . . . .
Сопровождающий поток!
Или поток, плечом пловца
Сопровождающий певца?

. . . . . . где поток –
Там и поэт...

...Из нас обоих – пьют
И в нас обоих слезы льют
И воду мыльную . . . . . .
. . . .в лицо не узнают.

Сентябрь 1936

□ □ □

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые — как художника кистью,
Картину *кончающего* наконец,

Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине — забыт.

20-е числа октября 1936

□ □ □

Были огромные очи:
Очи созвездья Весы,
Разве что Нила короче
Было две черных косы

Ну, а сама меньше можного!
Всё, что имелось длины
В косы ушло — до подножия,
В очи — двойной ширины

Если сама — меньше можного,
Не пожалеть красоты —
Были ей Богом положены
Брови в четыре версты:

Брови — зачесывать за уши
. . . .
. . . . За душу
Хату ресницами месть...

Нет, не годится! . . . .
Страшно от стольких громад!
Нет, воспоем нашу девочку
На уменьшительный лад

За волосочек — по рублику!
Для довершенья всего —
Губки — крушенье Республики
Зубки — крушенье всего...

═══

Жуть, что от всей моей Сонечки
Ну — не осталось ни столечка:
В землю зарыть не смогли —
Сонечку люди — сожгли!

Что же вы с пеплом содеяли?
В урну — такую — ее?
Что же с горы не развеяли
Огненный пепел ее?

30 сентября 1937

□ □ □

Опустивши забрало,
Со всем — в борьбе,
У меня уже — мало
Улыбок — себе...

Здравствуй, зелени новой
Зеленый дым!
У меня еще много
Улыбок другим...

22 марта 1938

□ □ □

...Ох, речи мои моро́чные,
Обро́нные жемчуга!
Ох, реки мои молочные,
Кисельные берега!

⟨Май 1938⟩

□ □ □

...Так, не дано мне ничего,
В ответ на праздник, мной даваем.
Так яблоня — до одного
Цветы раздаривает маем!

СТИХИ К ЧЕХИИ

СЕНТЯБРЬ

1

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море

Слёз: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей —
Божьей, человечьей.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий

Всех — на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы —

Всем. Огня и дома —
Всем. Игры́, науки —
Всем. Труда — любому —
Лишь бы были руки.

На́ поле и в школе —
Глянь — какие всходы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось — всей горстью,
Строилось — всей честью.

Два десятилетья
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:
— Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

На орлиных ска́лах
Как орел рассевшись —
Что́ с тобою сталось,
Край мой, рай мой чешский?

Горы — откололи,
Оттянули — воды...
...Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

В селах — счастье ткалось
Красным, синим, пестрым.
Что́ с тобою сталось,
Чешский лев двухвостый?

Лисы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава — слава.

Лишь на час — не боле —
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи
Белый день свободы!

12 ноября 1938

2

Горы — турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы — в небеса.

Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы — родина
Сына моего.

Долы — ланям пастбище,
Не смутить зверья —
Хата крышей за́стится,
А в лесу — ружья́ —

Сколько бы ни пройдено
Верст — ни одного.
Эти долы — родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли — вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество.
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир — рожденьем в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Славный край!

Все дары природные,
Все — до одного!
Пощедрее родины
Сына — Моего!»

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Добрый труд!»

Всё было — безродного
Лишь ни одного
Не́ было на родине
Сына моего.

Про́кляты — кто заняли
Тот смиренный рай
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Тре́кляты — кто продали,
Ввек не прощены! —
Вековую родину
Всех, — кто без страны!

Край мой, край мой, проданный
Весь живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,

С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
— Родина!
Родина моя!

Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими —
И опять подаст!

В клятве — руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

Между 12 и 19 ноября 1938

3

Есть на карте — место:
Взглянешь — кровь в лицо!
Бьется в му́ке крестной
Каждое сельцо.

Поделил — секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца — до статных
Гор — до орльих гнезд —
В тысячи квадратных
Невозвратных верст —

Язва.
Лег на отдых —
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Рана: *наш* убит!

Только край тот назван
Братский — дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду — чествуй!
Мы ж — в ком сердце — есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.

19—22 ноября 1938

4

ОДИН ОФИЦЕР

В Судетах, на лесной чешской границе, офицер с 20-тью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок —
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? — вершины, эхом:
— День, как немцы входили к чехам!

Лес — красноват,
День — сине-сер.
Двадцать солдат,
Один офицер.

Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.

Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой — этот дом.

Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам,
Пяди не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой — этот край!

Пусть целый край
К вражьим ногам!
Я — под ногой —
Камня не сдам!

Топот сапог.
— Немцы! — листок.
Грохот желéз.
— Немцы! — весь лес.

— Немцы! — раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат
Один — офицер.

Из лесочку — живым манером
На громаду — да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул — весь лес!
Лес: рукоплéск!
Весь — рукоплéск!

Пока пулями в немца хлещет —
Целый лес ему рукоплещет!

Кленом, сосной,
Хвоей, листвой,
Всею сплошной
Чащей лесной —

Понесена
Добрая весть,
Что — спасена
Чешская честь!

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Всё же — *была!*

— Край мой, виват!
— Выкуси, герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

Октябрь 1938 — 17 апреля 1939

〈5〉

РОДИНА РАДИЯ

Можно ль, чтоб ве́ка
Бич слепоок
Родину света
Взял под сапог?

Взгляни на те горы!
В этих горах —
Лучшее найдено:
Родина — радия.

Странник, всем взором
Глаз и души
Взглянь на те горы!
В сердце впиши
Каждую впадину:
Родина – радия...

⟨1938 – 1939⟩

МАРТ

1

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

В о́ны дни певала дрема
По всем селам-деревням:
– Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Ночью черной, ночью лунной –
По Тюрингии холмам:
– Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!

Днесь – по всей стране богемской
Да по всем ее углам:
– Спи, богемец! Не то немцу,
Пану Гитлеру отдам!

28 марта 1939

2

ПЕПЕЛИЩЕ

Налетевший на град Вацла́ва –
Так пожар пожирает тра́ву...

Поигравший с богемской гранью! –
Так зола засыпает зданья,

Так метель заметает вехи...
От Эдема — скажите, чехи! —

Что осталося? — Пепелище.
— Так Чума веселит кладбище!

═════

Налетевший на град Вацла́ва
— Так пожар пожирает тра́ву —

Объявивший — последний срок нам:
Так вода подступает к окнам.

Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями

Плачет, плачет двухвостый львище...
— Так Чума веселит кладбище!

═════

Налетевший на град Вацла́ва
— Так пожар пожирает тра́ву —

Задушивший без содроганья —
Так зола засыпает зданья:

— Отзовитесь, живые души!
Стала Прага — Помпеи глуше:

Шага, звука — напрасно ищем...
— Так Чума веселит кладбище!

29—30 марта 1939

3

БАРАБАН

По богемским городам
Что́ бормочет барабан?
— Сдан—сдан—сдан
Край—без славы, край—без бою.
Лбы—под серою золою
Дум—дум—дум...
— Бум!
Бум!
Бум!

По богемским городам—
Или то не барабан
(Горы ропщут? Камни шепчут?)
А в сердцах смиренных чешских—
Гне—ва
Гром:
— Где
Мой
Дом?

По усопшим городам
Возвещает барабан:
— Вран! Вран! Вран
Завелся в Градчанском замке!
В ледяном окне—как в рамке
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!

30 марта 1939

4

ГЕРМАНИИ

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.

Пред чешскою крестьянкою —
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?

Пред горестью безмерною
Сей *маленькой* страны,
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??

О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!

С объятьями удавьими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, *словачь!*

В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

9—10 апреля 1939

5

МАРТ

Атлас — что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет — каждый март:
— С краем, с паем с новым!

Тяжек мартовский оброк:
Зе́мли — цепи горны —
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!

Полны́ руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных — *валетов*.

— Мне и кости, мне и жир!
Так играют — тигры!
Будет помнить целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри — игра
С картой европейской.
(Чтоб Градчанская гора —
Да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага — что! и Вена — что!
На Москву — отважься!

Отольются — чешский дождь,
Пражская обида.
— Вспомни, вспомни, вспомни, вождь, —
Мартовские Иды!

22 апреля 1939

6

ВЗЯЛИ...

Чехи подходили к немцам и плевали.
(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.

Вары — взяли и Татры — взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но — больнее, чем рай земной! —
Битву взяли — за край родной.

Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна вооружена!

9 мая 1939

7

ЛЕС

Видел, как рубят? Руб —
Рубом! — за дубом — дуб.
Только убит — воскрес!
Не погибает — лес.

Так же, как мертвый лес
Зелен — минуту чрез! —
(Мох — что зеленый мех!)
Не погибает — чех.

9 мая 1939

8

О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939

9

Не бесы — за иноком,
Не горе — за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения, —

Не красный пожар лесной,
Не заяц — по зарослям,
Не ветлы — под бурею, —
За фюрером — фурии!

15 мая 1939

10

НАРОД

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!

Народ — такой, что и поэт —
Глашатай всех широт, —
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит — такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать, —
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт — горит! —
Гранат, *творит* — магнит.)

...Что *радий* из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — *такой,*
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20 мая 1939

11

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.

Процветай, народ, —
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

Париж, 21 мая 1939

〈12〉

Молчи, богемец! Всему конец!
Живите, другие страны!
По лестнице из живых сердец
Германец входит в Градчаны.
〈Этой басне не верит сам:
— По ступеням как по головам.〉
— Конным гунном в Господень храм! —
По ступеням, как по черепам...

〈1939〉

⟨13⟩

Но больнее всего, о, памятней
И граната и хрусталя —
Всего более сердце ранят мне
Эти — маленькие! — поля

Те дороги — с большими сливами
И большими шагами — вдоль
Слив и нив...

⟨1939⟩

DOUCE FRANCE[1]

Adieu, France!
Adieu, France!
Adieu, France!
Marie Stuart[2]

Мне Францией — нету
Нежнее страны —
На долгую память
Два перла даны.

Они на ресницах
Недвижно стоят.
Дано мне отплытье
Марии Стюарт

5 июня 1939

---

[1] Нежная Франция *(фр.)*.
[2] Прощай, Франция! Мария Стюарт *(фр.)*.

□ □ □

Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!
Круг — вкруг головы.
Но и под мехом — неги, под пухом
Гаги — дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой
— В гнезд, в звезд черноте —
Как ни кружи вас, как ни баюкай
— Ах! — бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет
Червь (*бедные* мы!).
Не народился еще, кто вложит
Перст — в рану Фомы.

7 января 1940

□ □ □

Ушел — не ем:
Пуст — хлеба вкус.
Всё — мел.
За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

□ □ □

Всем покадили и потрафили:
. . . . —стране—родне—
Любовь не входит в биографию,—
Бродяга остается—вне...

═══════

Нахлынет, так перо отряхивай
. . . .
Все даты, кроме тех, недо́знанных,
Все сроки, кроме тех, в глазах,
Все встречи, кроме тех, под звездами,
Все лица, кроме тех, в слезах...

═══════

О первые мои! Последние!
. . . .
Вас за руку в Энциклопедию
Ввожу, невидимый мой сонм!

═══════

Многие мои! О, пьющие
Душу прямо у корней.
О, в рассеянии сущие
Спутники души моей!

Мучиться мне—не отмучиться
Вами, ...
О, в рассеянии участи—
Сущие души моей!

Многие мои! Несметные!
Мертвые мои (—живи!)
Дальние мои! Запретные!
Завтрашние не-мои!

Смертные мои! *Бессмертные*

Вы, по кладбищам! Вы, в кучистом
Небе — стаей журавлей...
О, в рассеянии участи
Сущие — души моей!

Вы, по гульбищам — по кладбищам —
По узилищам —

Январь 1940
Голицыно

□ □ □

— Пора! для *этого* огня —
Стара!
— Любовь — старей меня!

— Пятидесяти январей
Гора!
— Любовь — еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! — камней, старей — морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.

23 января 1940

□ □ □

— Годы твои — гора,
Время твое — ⟨царей.⟩
Дура! любить — стара.
— Други! любовь — старей:

Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...

29 января 1940

Не знаю, какая столица:
Любая, где людям — *не* жить.
Девчонка, раскинувшись птицей,
Детеныша учит ходить.

А где-то зеленые Альпы,
Альпийских бубенчиков звон...
Ребенок растет на асфальте
И будет жестоким — как он.

1 июля 1940

Когда-то сверстнику (о медь
Волос моих! Живая жила!)
Я поклялася не стареть,
Увы: не поседеть — забыла.

Не веря родины снегам —
. . . .
Тот попросту махнул к богам:
Где не стареют, не седеют...

. . . .
. . . . старо
Я воспевала — серебро,
Оно меня — посеребрило.

Декабрь 1940

□ □ □

Так ясно сиявшие
До самой зари —
Кого провожаете,
Мои фонари?

Кого охраняете,
Кого одобряете,
Кого озаряете,
Мои фонари?

═════

...Небесные персики
Садов Гесперид...

Декабрь 1940

□ □ □

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Февраль 1941

□ □ □

«Я стол накрыл на шестерых...»

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально — им, печален — сам,
Непозванная — всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я́ на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О — *ни души* не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! — опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, —
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и всё же укоряю:
— Ты, стол накрывший на шесть — *душ,*
Меня не посадивший — с краю.

6 марта 1941

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ АВСТРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

1875–1926

Кто нам сказал, что всё исчезает?
Птицы, которую ты ранил,
Кто знает? — не останется ли ее полет?
И, может быть, стебли объятий
Переживают нас, свою почву.

Длится не жест,
Но жест облекает вас в латы,
Золотые — от груди до колен.
И так чиста была битва,
Что ангел несет ее вслед.

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

1564—1616

ПЕСНЯ СТЕФАНО
из второго акта драмы «Буря»

Капитан, пушкарь и боцман—
Штурман тоже, хоть и сед,—
Мэгги, Мод, Марион и Молли—
Всех любили,—кроме Кэт.

Не почтят сию девицу
Ни улыбкой, ни хулой,—
Ибо дегтем тяготится,
Черной брезгует смолой.

Потерявши равновесье,
Штурман к ней направил ход.
А она в ответ: «Повесься!»
Но давно уж толк идет,

Что хромой портняжка потный—
В чем душа еще сидит!—
Там ей чешет, где щекотно,
Там щекочет, где зудит.

Кэт же за его услуги
Платит лучшей из монет...
— В море, в море, в море, други!
И на виселицу—Кэт!

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

РОБИН ГУД
СПАСАЕТ ТРЕХ СТРЕЛКОВ

Двенадцать месяцев в году,
Не веришь — посчитай.
Но всех двенадцати милей
Веселый месяц май.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, —
Весел люд, весел гусь, весел пес...
Стоит старуха на пути,
Вся сморщилась от слез.

— Что нового, старуха? — Сэр,
Злы новости у нас!
Сегодня трем младым стрелкам
Объявлен смертный час.

— Как видно, резали святых
Отцов и церкви жгли?
Прельщали дев? Иль с пьяных глаз
С чужой женой легли?

— Не резали они отцов
Святых, не жгли церквей,
Не крали девушек, и спать
Шел каждый со своей.

— За что, за что же злой шериф
Их на смерть осудил?
— С оленем встретились в лесу...
Лес королевским был.

— Однажды я в твоем дому
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорогá
Мне старая хлеб-соль.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм, —
Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз...
Глядит: в мешках и в узелках
Паломник седовлас.

— Какие новости, старик?
— О сэр, грустнее нет:
Сегодня трех младых стрелков
Казнят во цвете лет.

— Старик, сымай-ка свой наряд,
А сам пойдешь в моем.
Вот сорок шиллингов в ладонь
Чеканным серебром.

— Ваш — мая месяца новей,
Сему же много зим...
О сэр! Нигде и никогда
Не смейтесь над седым!

— Коли не хочешь серебром,
Я золотом готов.
Вот золота тебе кошель,
Чтоб выпить за стрелков!

Надел он шляпу старика, —
Чуть-чуть пониже крыш.
— Хоть ты и выше головы,
А первая слетишь!

И стариков он плащ надел,
Хвосты да лоскуты.
Видать, его владелец гнал
Советы суеты!

Влез в стариковы он штаны.
— Ну, дед, шутить здоров!
Клянусь душой, что не штаны
На мне, а тень штанов!

Влез в стариковы он чулки.
— Признайся, пилигрим,
Что деды-прадеды твои
В них шли в Иерусалим!

Два башмака надел: один —
Чуть жив, другой — дыряв.
— «Одежда делает господ».
Готов. Неплох я — граф!

Марш, Робин Гуд! Марш в Ноттингэм!
Робин, гип! Робин, гэп! Робин, гоп! —
Вдоль городской стены шериф
Прогуливает зоб.

— О, снизойдите, добрый сэр,
До просьбы уст моих!
Что мне дадите, добрый сэр,
Коль вздерну всех троих?

— Во-первых, три обновки дам
С удалого плеча,
Еще — тринадцать пенсов дам
И званье палача.

Робин, шерифа обежав,
Скок! и на камень — прыг!
— Записывайся в палачи!
Прешустрый ты старик!

— Я век свой не был палачом;
Мечта моих ночей:
Сто виселиц в моем саду —
И все для палачей!

Четыре у меня мешка:
В том солод, в том зерно
Ношу, в том — мясо, в том — муку, —
И все пусты равно.

Но есть еще один мешок:
Гляди – горой раздут!
В нем рог лежит, и этот рог
Вручил мне Робин Гуд.

– Труби, труби, Робинов друг,
Труби в Робинов рог!
Да так, чтоб очи вон из ям,
Чтоб скулы вон из щек!

Был рога первый зов, как гром!
И – молнией к нему –
Сто Робингудовых людей
Предстало на холму.

Был следующий зов – то рать
Сзывает Робин Гуд.
Со всех сторон, во весь опор
Мчит Робингудов люд.

– Но кто же вы? – спросил шериф,
Чуть жив. – Отколь взялись?
– Они – мои, а я Робин,
А ты, шериф, молись!

На виселице злой шериф
Висит. Пенька крепка.
Под виселицей, на лужку,
Танцуют три стрелка.

РОБИН ГУД И МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН

Рассказать вам, друзья, как смельчак Робин Гуд, –
Бич епископов и богачей, –
С неким Маленьким Джоном в дремучем лесу
Поздоровался через ручей?

Хоть и маленьким звался тот Джон у людей,
Был он телом – что добрый медведь!
Не обнять в ширину, не достать в вышину, –
Было в парне на что поглядеть!

Как с малюточкой этим спознался Робин,
Расскажу вам, друзья, безо лжи.
Только уши развесь: вот и труд тебе весь! —
Лучше знаешь — так сам расскажи.

Говорит Робин Гуд своим добрым стрелкам:
— Даром молодость с вами гублю!
Много в чаще древес, по лощинкам — чудес,
А настанет беда — протрублю.

Я четырнадцать дней не спускал тетивы,
Мне лежачее дело не впрок.
Коли тихо в лесу — побеждает Робин,
А услышите рог — будьте в срок.

Всем им руку пожал и пошел себе прочь,
Веселея на каждом шагу.
Видит: бурный поток, через воду — мосток,
Незнакомец — на том берегу.

— Дай дорогу, медведь! — Сам дорогу мне дашь! —
Тесен мост, тесен лес для двоих.
— Коль осталась невеста, медведь, у тебя, —
Знай — пропал у невесты жених!

Из колчана стрелу достает Робин Гуд:
— Что сказать завещаешь родным?
— Только тронь тетиву, — незнакомец ему, —
Вмиг знакомство сведешь с Водяным!

— Говоришь, как болван, — незнакомцу Робин, —
Говоришь, как безмозглый кабан!
Ты еще и руки не успеешь занесть,
Как к чертям отошлю тебя в клан!

— Угрожаешь, как трус, — незнакомец в ответ, —
У которого стрелы и лук.
У меня ж ничего, кроме палки в руках,
Ничего, кроме палки и рук!

— Мне и лука не надо — тебя одолеть,
И дубинкой простой обойдусь.
Но, оружьем сравнявшись с тобой, посмотрю,
Как со мною сравняешься, трус!

Побежал Робин Гуд в чащи самую глушь,
Обтесал себе сабельку в рост
И обратно помчал, издалече крича:
— Ну-ка, твой или мой будет мост?

Так, с моста не сходя, естества не щадя,
Будем драться, хотя б до утра.
Кто упал — проиграл, уцелел — одолел,
Такова в Ноттингэме игра.

— Разобью тебя в прах! — незнакомец в сердцах, —
Посмеются тебе — зайцы рощ!
Посередке моста сшиблись два молодца,
Зачастили дубинки, как дождь.

Словно грома удар был Робина удар:
Так ударил, что дуб задрожал!
Незнакомец, кичась: — Мне не нужен твой дар,
Отродясь никому не должал!

Словно лома удар был чужого удар, —
Так ударил, что дол загудел!
Рассмеялся Робин: — Хочешь два за один?
Я всю жизнь раздавал, что имел!

Разошелся чужой — так и брызнула кровь!
Расщедрился Робин — дал вдвойне!
Стал гордец гордеца, молодец молодца
Молотить — что овес на гумне!

Был Робина удар — с липы лист облетел!
Был чужого удар — звякнул клад!
По густым теменам, по пустым головам
Застучали дубинки, как град.

Ходит мост под игрой, ходит тес под ногой,
Даже рыбки пошли наутек!
Изловчился чужой и ударом одним
Сбил Робина в бегущий поток.

Через мост наклонясь: — Где ты, храбрый боец?
Не стряслась ли с тобою беда?
— Я в холодной воде, — отвечает Робин, —
И плыву — сам не знаю куда!

Но одно-то я знаю: ты сух, как орех,
Я ж, к прискорбью, мокрее бобра.
Кто вверху — одолел, кто внизу — проиграл,
Вот и кончилась наша игра.

Полувброд, полувплавь, полумертв, полужив,
Вылез — мокрый, бедняжка, насквозь!
Рог к губам приложил — так, ей-ей, не трубил
По шотландским лесам даже лось!

Эхо звук понесло вдоль зеленых дубрав,
Разнесло по Шотландии всей,
И явился на зов — лес стрелков-молодцов,
В одеяньи — травы зеленей.

— Что здесь делается? — молвил Статли Вильям. —
Почему на тебе чешуя?
— Потому чешуя, что сей добрый отец
Сочетал меня с Девой Ручья.

— Человек этот мертв! — грозно крикнула рать,
Скопом двинувшись на одного.
— Человек этот — мой! — грозно крикнул Робин, —
И мизинцем не троньте его!

Познакомься, земляк! Эти парни — стрелки
Робингудовой братьи лесной.
Было счетом их семьдесят без одного,
Ровно семьдесят будет с тобой.

У тебя ж будет: плащ цвета вешней травы,
Самострел, попадающий в цель,
Будет гусь в небесах и олень во лесах.
К Робин Гуду согласен в артель?

— Видит Бог, я готов! — удалец, просияв. —
Кто ж дубинку не сменит на лук?
Джоном Маленьким люди прозвали меня,
Но я знаю, где север, где юг.

— Джоном Маленьким — эдакого молодца?!
Перезвать! — молвил Статли Вильям. —
Робингудова рать — вот и крестная мать,
Ну, а крестным отцом — буду сам.

Притащили стрелки двух жирнух-оленух,
Пива выкатили — не испить!
Стали крепким пивцом под зеленым кустом
Джона в новую веру крестить.

Было семь только футов в малютке длины,
А зубов — полный рот только лишь!
Кабы водки не пил да бородки не брил —
Был бы самый обычный малыш!

До сих пор говорок у дубов, у рябин,
Не забыла лесная тропа,
Пень — и тот не забыл, как сам храбрый Робин
Над младенцем читал за попа.

Ту молитву за ним, ноттингэмцы за ним,
Повторили за ним во весь глот.
Восприемный отец, статный Статли Вильям
Окрестил его тут эдак вот:

— Джоном Маленьким был ты до этого дня,
Нынче старому Джону — помин,
Ибо с этого дня вплоть до смертного дня
Стал ты Маленьким Джоном. Аминь.

Громогласным ура – раздалась бы гора! –
Был крестильный обряд завершен.
Стали пить-наливать, крошке росту желать:
– Постарайся, наш Маленький Джон!

Взял усердный Робин малыша-крепыша,
Вмиг раскутал и тут же одел
В изумрудный вельвет – так и лорд не одет! –
И вручил ему лук-самострел:

– Будешь метким стрелком, молодцом, как я сам,
Будешь службу зеленую несть,
Будешь жить, как в раю, пока в нашем краю
Кабаны и епископы есть.

Хоть ни фута у нас – всей шотландской земли,
Ни кирпичика – кроме тюрьмы,
Мы как сквайры едим и как лорды глядим.
Кто владельцы Шотландии? – Мы!

Поплясав напослед, солнцу красному вслед
Побрели вдоль ручьевых ракит
К тем пещерным жильям, за Робином – Вильям...
Спят... И Маленький Джон с ними спит.

Так под именем сим по трущобам лесным
Жил и жил, и состарился он.
И как стал умирать, вся небесная рать
Позвала его: – Маленький Джон!

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

ФРЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

1898—1936

ГИТАРА

Начинается
Плач гитары,
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
О, не жди от нее
Молчанья,
Не проси у нее
Молчанья!
Гитара плачет,
Как вода по наклонам — плачет,
Как ветра над снегами — плачет,
Не моли ее
О молчаньи!
Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскаленный плачет
О прохладной красе камелий,
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О, гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!

ПЕЙЗАЖ

Масличная равнина
Распахивает веер.
Над порослью масличной
Склонилось небо низко,
И льются темным ливнем
Холодные светила.
На берегу канала
Дрожат тростник и сумрак,
А третий – серый ветер.
Полным-полны маслины
Тоскливых птичьих криков.
О, бедных пленниц стая!
Играет тьма ночная
Их длинными хвостами.

СЕЛЕНЬЕ

На темени горном,
На темени голом –
Часовня.
В жемчужные воды
Столетие никнут
Маслины.
Расходятся люди в плащах,
А на башне
Вращается флюгер,
Вращается денно,
Вращается нощно,
Вращается вечно.
О, где-то затерянное селенье
В моей Андалусии
Слезной...

ПУСТЫНЯ

Прорытые временем
Лабиринты –
Исчезли.
Пустыня –
Осталась.

Несмолчное сердце –
Источник желаний –
Иссякло.
Пустыня –
Осталась.

Закатное марево
И поцелуи
Пропали.
Пустыня –
Осталась.

Умолкло, заглохло,
Остыло, иссякло,
Исчезло.
Пустыня –
Осталась.

ПЕЩЕРА

Из пещеры – вздох за вздохом,
Сотни вздохов, сонмы вздохов,
Фиолетовых на красном.

Глот цыгана воскрешает
Страны, канувшие в вечность,
Башни, врезанные в небо,

Чужеземцев, полных тайны...

В прерывающемся стоне
Голоса, и под высокой
Бровью – черное на красном.

Известковую пещеру
Дрожь берет. Дрожит пещера
Золотом. Лежит пещера –
В блеске – белая на красном –
Павою...
 – Струит пещера
Слезы: белое на красном...

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ

1749—1832

□ □ □

Кто с плачем хлеба не вкушал,
Кто, плачем проводив светило,
Его слезами не встречал,
Тот вас не знал, небесные силы!

Вы завлекаете нас в сад,
Где обольщения и чары;
Затем ввергаете нас в ад:
Нет прегрешения без кары!

Увы, содеявшему зло
Аврора кажется геенной!
И остудить повинное чело
Ни капли влаги нет у всех морей вселенной!

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1

Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.

Приди в полночный час,
В полночный бой.
Спит матушка с отцом,
Мне спать — с тобой.

Рукою стукни в дверь!
На этот стук
Спросонья скажет мать:
— Еловый сук!

И в горенку скорей!
Скорей в постель!
Тебя теснее обовью,
Чем плющ и хмель.

Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.

2

— Как распознаю я твой дом,
Скажи, разумница моя!
— Ходи по уличкам кругом,
Так и узнаешь, где мой дом.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как мимо пса я проскользну,
Скажи, разумница моя!
— Псу ласковое слово брось,
И снова примется за кость.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как я по лесенке взберусь,
Скажи, разумница моя!
— Сапожки на́ руки надень —

Не скрипнет ни одна ступень.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как дверочку твою найду,
Скажи, разумница моя!
— Нащупай на двери кольцо...
Подумают, что деревцо
Стучит... Молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как в горенку твою взойду,
Скажи, разумница моя!
— Рукою стеночку обшарь,
И будешь ты с ключом — ключарь.
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— Как попаду к тебе в кровать,
Скажи, разумница моя!
— Там ларь высокий под окном,
Я в том ларе сплю чутким сном...
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

— А что мне делать поутру,
Скажи, разумница моя!
— Надень — что снял, забудь — что знал...
Свет всюду бел, а мир — не мал!
Молчок! молчок!
Попридержи-ка язычок!

3

ОРЕШИНА

Гуляла девушка в лесу,
По кустикам плясала.
Зеленая ей на пути
Орешина предстала.

— Орешина! Сударыня!
С чего так зелена ты?
— Ах, девушка-красавица,
С чего так хороша ты?

— Коли и вправду хороша —
Ответ мой будет краток:
Ем белый хлеб и пью вино —
С того и хороша так.

— Что белый хлеб твоей красе —
С него и хороша так, —
То для моей листвы — роса:
С нее и зелена так.

Ешь белый хлеб и пьешь вино?
И спишь ты, видно, сладко!
Где твой девический венок?
У милого в кроватке!

— Орешина! Сударыня!
Твой сказ тебя загубит!
Три рослых брата у меня,
Они тебя порубят.

— Сруби орешину зимой —
Весной опять ростки даст.
Утратит девушка венок —
До гробовой доски уж!

4

Мне белый день чернее ночи, —
Ушла любимая с другим!
Мне думалось, что я — любим!
Увы, увы, увы, увы!
Не я любим — ушла с другим!

Что толку мне в саду прекрасном,
Что мне жасмин и розмарин,
Раз их срываю не один —
Цветы — которым, цветы — которым
Лишь я — законный господин!

Что толку мне в устах румяных,
— Будь то коралл, будь то рубин, —
Раз их целую не один —
Уста — которым, уста — которым
Лишь я — законный господин!

Придут клобучники-монахи,
Заплачет колокол: динь-динь!
Поволокут меня с перин
С прощальным хором — в тот сад, в котором
Лишь червь — законный господин!

5

ЖЕНИХОВЫ ЧАСТУШКИ

Пляшут зайцы на лужайке,
Пляшут мошки на лозе.
Хочешь разума в хозяйстве —
Не женись на егозе!

Вся-то в лентах, вся-то в блестках,
Всему свету госпожа!
Мне крестьяночку подайте,
Что как булочка свежа!

Мама, во мгновенье ока
Сшей мне с напуском штаны!
Чтобы, как у герра Шмидта,
Были икры в них стройны!

Как на всех зубами лязгал —
Не приласкан был ни разу.
Прекратил собачий лязг —
Нет отбою мне от ласк!

Рвал им косы, рвал им юбки –
Все девчонки дули губки.
Обуздал свой норов-груб –
Нет отбою мне от губ!

Хочешь в старости почета –
Раньше старших не садись!
Хочешь красного потомства –
С красной девицей сходись!

За свекровьиной кроватью
– Точно ближе не могли! –
Преогромный куль с рублями –
Сплю и вижу те рубли.

А за тестевой конторкой –
До чего сердца грубы –
Преогромная дубина.
Для чего в лесах – дубы?!

6

ДОНЫНЕ О БЕДНЫХ ДЕТЯХ

Доныне о бедных детях
Есть толк у подводных трав.
Друг к другу рвались напрасно:
Их рознил морской рукав.

– Мил-друже! Плыви – отважься!
Мил-друже! Седлай волну!
Тебе засвечу три свечки –
Вовек не пойдешь ко дну.

Подслушала их монашка,
Раздула щеку́-бледну́,
Задула монашка свечки,
Мил-друже пошел ко дну.

А день наступал — воскресный,
Всем людям хотелось петь,
Одна только королевна
На свет не могла глядеть.

— О, мати, — молвила, — мати!
Никак не раскрою век.
Пусти меня прогуляться
На взморье, на желтый брег!

— Ах, дочка, — молвила, — дочка!
Неладно гулять одной.
Поди разбуди меньшую
Сестрицу — пойдет с тобой.

— Моя меньшая сестрица —
Резвушка, дитя-мало́:
На каждый цветочек льстится —
А сколько их расцвело!

— О, мати, — молвила, — мати!
В очах — все вещи слились...
Пусти меня прогуляться
На взморье, на желтый мыс!

— Ах, дочка, — молвила, — дочка!
Неладно гулять одной.
Поди, разбуди-ка братца
Меньшого — пойдет с тобой.

— Ах, мати, меньшой мой братец
До спутника не дорос:
Он в каждую чайку целит, —
А сколько их развелось!

— О, мати, — молвила, — мати!
Мне сердце — мука сожгла!
Пусть люди идут к обедне,
Пойду — где пена бела́.

Отправилась мать к обедне,
А дочь — где пена белá.
Гуляла она, гуляла —
На рыбаря набрела.

— Ах, рыбарь, любезный рыбарь!
Глянь — с перстнем моя рука!
Закинь свои сети в море
И вылови мне дружка!

Забросил он сети в море,
Забрасывал их стократ,
Сто раз опускал, в сто первый
Несут его сети — клад.

Сняла королевна с пальца
Кольцо драгоценных руд.
— Возьми его, милый рыбарь!
Спасибо тебе за труд.

Сняла королевна, плача,
С макушки венец зубчат.
— Возьми его, милый рыбарь!
Спасибо тебе за клад.

Как водоросль морская,
Любимого обвила...
— Забудьте, отец и мати,
Что дочка у вас была!

ДЕВИЧЕСКАЯ МОГИЛА[1]

Никому я не открою,
А тебя на свете — нет,
Как сроднился я с тобою
За семь юношеских лет.

[1] Стихи неустановленного поэта.

Ну и годы! — Семь — не мене! —
Илиад и Одиссей.
И мгновенье за мгновеньем
Был я твой — душою всей.

Но пока от дома к дому
Я шагал, тобою полн,
Год седьмой ушел к шестому,
А любимая — под холм.

Почему ты так спешила?
Почему так медлил я?
Почему ты мне светила,
Мнилась, бренная моя?

И осталось мне, под хвои
Шум — нашептывать холму,
Как томился тот, спокойный,
Друг — по сердцу твоему!...

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

ШАРЛЬ БОДЛЕР

1821—1867

ПЛАВАНЬЕ

Максиму дю Кан

1

Для отрока, в ночи́ глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой далью — вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал!

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль — и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.

Что нас толкает в путь? Тех — ненависть к отчизне,
Тех — скука очага, еще иных — в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни, —
Надежда отстоять оставшиеся дни.

В Цирцеиных садах дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепененьи чувств,
Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя
Не вытравят следов волшебницыных уст.

Но истые пловцы — те, что плывут без цели:
Плывущие — чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: вперед!

На облако взгляни: вот облик их желаний!
Как отроку — любовь, как рекруту — картечь,
Так край желанен им, которому названья
Доселе не нашла еще людская речь.

2

О, ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас Лихорадка бьет — как тот Архангел злобный,
Невидимым бичом стегающий миры.

О, странная игра с подвижною мишенью!
Не будучи нигде, цель может быть — везде!
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде...

Душа наша — корабль, идущий в Эльдорадо.
В блаженную страну ведет — какой пролив?
Вдруг, среди гор и бездн и гидр морского ада —
Крик вахтенного: — Рай! Любовь! Блаженство! — Риф.

Малейший островок, завиденный дозорным,
Нам чудится землей с плодами янтаря,
Лазоревой водой и с изумрудным дерном.
Базальтовый утес являет нам заря.

О, жалкий сумасброд, всегда кричащий: берег!
Скормить его зыбям, иль в цепи заковать, —
Безвинного лгуна, выдумщика Америк,
От вымысла чьего еще серее гладь.

Так старый пешеход, ночующий в канаве,
Вперяется в Мечту всей силою зрачка.
Достаточно ему, чтоб Рай увидеть въяве,
Мигающей свечи на вышке чердака.

3

Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз — бездоннее морей!
Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей.

Умчите нас вперед — без паруса и пара!
Явите нам (на льне натянутых холстин
Так некогда рука очам являла чару)
Видения свои, обрамленные в синь.

Что видели вы, что?

4

— Созвездия. И зыби,
И желтые пески, нас жгущие поднесь,
Но, несмотря на бурь удары, рифов глыбы, —
Ах, нечего скрывать! — скучали мы, как здесь.

Лиловые моря в венце вечерней славы,
Морские города в тиаре из лучей
Рождали в нас тоску, надежнее отравы,
Как воин опочить на поле славы — сей.

Стройнейшие мосты, славнейшие строенья,
Увы, хотя бы раз сравнились с градом — тем,
Что из небесных туч возводит Случай-Гений...
И тупились глаза, узревшие Эдем.

От сладостей земных — Мечта еще жесточе!
Мечта, извечный дуб, питаемый землей!
Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь
Достигнуть до небес с их солнцем и луной.

Докуда дорастешь, о древо — кипариса
Живучее?..
Для вас мы привезли с морей
Вот этот фас дворца, вот этот профиль мыса, —
Всем вам, которым вещь чем дальше — тем милей!

Приветствовали мы кумиров с хоботами,
С порфировых столпов взирающих на мир,
Резьбы такой — дворцы, такого взлету — камень,
Что от одной мечты — банкротом бы — банкир...

Надежнее вина пьянящие наряды,
Жен, выкрашенных в хну — до ноготка ноги,
И бронзовых мужей в зеленых кольцах гада...

5

— И что, и что — еще?

6

— О, детские мозги!..

Но чтобы не забыть итога наших странствий:
От пальмовой лозы до ледяного мха,
Везде — везде — везде — на всем земном пространстве
Мы видели всё ту ж комедию греха:

Ее, рабу одра, с ребячливостью самки
Встающую пятой на мыслящие лбы,
Его, раба рабы: что в хижине, что в замке
Наследственном — всегда — везде — раба рабы!

Мучителя в цветах и мученика в ранах,
Обжорство на крови и пляску на костях,
Безропотностью толп разнузданных тиранов, —
Владык, несущих страх, рабов, метущих прах.

С десяток или два — *единственных* религий,
Все сплошь ведущих в рай — и сплошь вводящих в грех!
Подвижничество, та́к носящее вериги,
Как сибаритство — шелк и сладострастье — мех.

Болтливый род людской, двухдневными делами
Кичащийся. Борец, осиленный в борьбе,
Бросающий Творцу сквозь преисподни пламя:
— Мой равный! Мой Господь! Проклятие тебе!

И несколько умов, любовников Безумья,
Решивших сократить докучный жизни день
И в опия морей нырнувших без раздумья, —
Вот Матери-Земли извечный бюллетень!

7

Бесплодна и горька наука дальних странствий:
Сегодня, как вчера, до гробовой доски —
Всё наше же лицо встречает нас в пространстве:
Оазис ужаса в песчаности тоски.

Бежать? Пребыть? Беги! Приковывает бремя —
Сиди. Один, как крот, сидит, другой бежит,
Чтоб только обмануть лихого старца — Время.
Есть племя бегунов. Оно — как Вечный Жид.

И как апостолы, по всем морям и сушам
Проносится. Убить зовущееся днем —
Ни парус им не скор, ни пар. Иные души
И в четырех стенах справляются с врагом.

В тот миг, когда злодей настигнет нас — вся вера
Вернется нам, и вновь воскликнем мы: — вперед!
Как на заре веков мы отплывали в Перу,
Авророю лица приветствуя восход.

Чернильною водой — морями глаже лака —
Мы весело пойдем между подземных скал.
О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака
Взывающие: — К нам! — О, каждый, кто взалкал

Лотосова плода! Сюда! В любую пору
Здесь собирают плод и отжимают сок.
Сюда, где круглый год — день лотосова сбора,
Где лотосову сну вовек не минет срок.

О, вкрадчивая речь! Нездешней лести нектар!
К нам руки тянет друг — чрез черный водоем.
— Чтоб сердце освежить — плыви к своей Электре! —
Нам некая поет — нас жегшая огнем.

8

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!
Нам скучен этот край! О, Смерть, скорее в путь!
Пусть небо и вода — куда черней чернила,
Знай, тысячами солнц сияет наша грудь!

Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обозрев под солнцем все, что есть,
На дно твое нырнуть — Ад или Рай — едино! —
В неведомого глубь — чтоб *новое* обресть!

БРЕТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1

Милую целуя, я сорвал цветок.
Милая — красотка, рот — вишневый сок.
Милую целуя, я сорвал цветок.

Грудь — волне досада, стан — стволу — упрек.
Милую целуя, я сорвал цветок.

С ямкой — подбородок, с ямкой — локоток.
Милую целуя, я сорвал цветок.

Ножка — так с ладошку, а подъем — высок.
Милую целуя, я сорвал цветок.

Млеют городские, думают: дай срок...
Милую целуя, я сорвал цветок.

Но, могу поклясться, — их обман жесток.
Милую целуя, я сорвал цветок.

2

Вскочила утречком с зарей,
Пошла в зеленый садик свой,

Пошла в зеленый садик свой
За розмариновой листвой,

За розмариновой листвой.
Чуть сорвала листок-другой,

Чуть сорвала листок-другой —
Глянь — соловей летит лесной!

Глянь — соловей летит лесной,
Мне говорит на лад на свой,

Мне говорит на лад на свой:
— Девица, береги покой!

Девица, береги покой!
Цена мальчишкам — свищ пустой.

Цена мальчишкам — свищ пустой,
Цена мужчинам — меньше той!

3

ВСЕГО ЛЕСА ВДОЛЬ...

Всего леса вдоль
Я ласкал Жанетту,
Целовал Жанетту
Всего леса вдоль.

Был бы дольше лес,
Я б свою Жанетту,
Я б свою Жанетту —
Дольше целовал.

Вел бы дальше лес,
Я б свою Жанетту,
Я б свою Жанетту —
Дальше целовал.

Всего края б вдоль
Целовал Жанетту,
Целовал Жанетту —
Всего б рая вдоль!

4

ХОРОВОДНАЯ

— Барышня, прекрасней нету,
Цвет сирени с розы цветом,
Вам по нраву ли сосед?
Розы цвет, сирени цвет.

— Барышня, пляшите с нами!
Барышня, решайте сами:
С кем пропляшете весь век?
Цвет сирени, розы цвет.

5

ТОРОПЛИВАЯ НЕВЕСТА

— Мама, долго ль?
Мама, скоро ль?
Мама, время
Замуж — мне!

— Голубка, в доме — ни гроша!
— Зато пшеница хороша:
Ее продавай,
Меня выдавай!

Мама, долго ль?
Мама, скоро ль?
Мама, время
Замуж — мне!

— Голубушка, где ж платье взять?
— Из льна-то — платья не соткать?
Тки, шей, расшивай,
Меня — выдавай!
Мама, душно!
Мама, скушно!
Мама, время
Замуж — мне!

— Где жить-то будешь с муженьком?
— Есть каменщики — будет дом!
Домок воздвигай,
Меня — выдавай!
Мама, тесно,
Мама, тошно,
Мама, время
Замуж — мне!

— Голубка, нет у нас вина!
— Чай, в винограде вся стена!
Скорей отжимай,
Меня выдавай!
Мама, тошно,
Мама, томно,
Мама, время
Замуж — мне!

— Нет, дочка, милого у нас!
— Есть толстый Жак: он в самый раз!
Лови — не зевай,
Скорей выдавай!
Мама, завтра ж!
Мама, нынче ж!
Мама, время
Замуж — мне!

ИЗ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

ЕЛИСАВЕТА БАГРЯНА

(р. 1893)

ПРАВНУЧКА

Нет ни прародительских портретов,
Ни фамильных книг в моем роду.
Я не знаю песен, ими петых,
И не их дорогами иду.

Но стучит в моих висках — лихая,
Темная, повстанческая кровь.
То она меня толкает к краю
Пропасти, которая — любовь.

Юная прабабка жаркой масти,
В шелковом тюрбане ниже глаз,
С чужеземцем, тающим от страсти,
Не бежала ли в полночный час?

Молнию-коня, чернее врана,
Помнят придунайские сады!
И обоих спас от ятагана
Ветер, заметающий следы...

Потому, быть может, и люблю я
Над полями лебединый клич,
Голубую даль береговую,
Конский бег под хлопающий бич...

Пропаду ли, нет, — сама не знаю!
Только знаю, что и мертвой я
Восхвалю тебя, моя родная,
Древняя болгарская земля!

НИКОЛА ЛАНКОВ

1902 — 1965

ИСПОВЕДЬ

На этой земле я невольный жилец,
Зато самовольно ее не оставлю!
Единственный долг мой — прожить как боец
И мир целовать огневыми устами.

Как жизнь ни черна — не страшусь ее туч,
Тоска тяжела — отрясу ее бремя.
Кипит в моем сердце серебряный ключ,
Надежда на лучшее близкое время.

Одно лишь сокровище есть у меня:
То — сердце, которое все возлюбило!
Чтоб вольною стала родная земля,
Его я с размаху бросаю в горнило.

Я жить не просился, я вынужден жить,
Зато самовольно земли не оставлю!
Единственный долг человека — творить
И мир целовать огневыми устами.

ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ

1886–1973

ГУСЛЯРСКАЯ

Едва лишь сел я вином упиться,
Вином упиться – друзьям на здравье,
Друзьям на здравье, врагам на гибель –
Над ровным полем взвилися птицы,
Что было грезой – то стало явью,
От страшной яви – волосья дыбом.

Глашатай кличет по Будим-Граду,
По Будим-Граду, Демир-Капии,
По всем-то стогнам, путям и селам,
Его я слышу, и горше яда
Вино, и думы, что тучи злые,
Застлали мраком мой пир веселый.

Соленой влагой полны колодцы.
Рыдают нивы, рыдают хаты,
Всему народу – лихая туча!
– С торгов Афон-гора продается!
Мчат богатеи в Солунь треклятый,
Не повторится счастливый случай!

Гора, где каждый-то камень – подвиг!
Здоровье хворых, свобода пленных,
Защита сирых, опора слабых!
На райских пастбищах овцы бродят,
В святых обителях белостенных
Монахи черные Бога славят.

Меня в колыске качало Худо,
Качало Худо у мерзлой печки,
За мною Худо ходило тенью.
Как не скучать мне в ночи без свечки,
Коль ничего мне и ниоткуда,
Ни в будний день мне, ни в воскресенье!

Каб богатеем глядел на солнце,
Все откупил бы долины-горы,
Златые нивы, златые руды...
Эх, потекли бы мои червонцы
На радость здравым, на здравье хворым,
На сласть и радость простому люду...

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

ЮЛИАН ПШИБОСЬ

1901 – 1970

БЕГСТВО

Позади горизонты валились пластами, как пашня под плугом,
Ввысь взлетали мосты наподобие огненных птиц,
И наш дом – для последнего разу – мне брызнул звездою.

Я над телом лежащим помедлил.
На широких равнинах – их пули со свистом сшивали
тесней и тесней, –
Как восторгом, охваченный ужасом,
Брат!
Я укрыл тебя ветвью.
Сжала жница тебя не серпом, не серпом тебя сжала, а саблей...
В землю торопится кровь.
В поле останется тело.
И погрузился я в ночь, у которой ни дна нет, ни сна нет.

...И необъятная – вся –
Стала земля мне одним
Местом, запавшим
На объем человека.

МАТЕРИК

Только глянул — пространство со взгляда,
как с якоря, сорвалося!
Эти вспышки зеленого дыма — зеленого пыла —
Как помыслю листвою?
Вместо тени — дичайшая темень.

Ввысь скакнула земля.
Материк — в небосвод провожаю?
Так ударами сердца растрогать гранит этот дикий —
Чтобы взмахом одним стал и плотью, и кровью, и жизнью.
...Будто гром его только что ранил.

Ничего — только волн начинающихся береговая кривая.

ГОРИЗОНТ

Может, туча из недр морских вынесет на горизонт
Эту землю — как бурю, задержанную в полете.

Жду, покамест два вала ее двуединым ударом приблизят.

Здесь еще не ступала нога человека.
Эти лица — людей или глыб?
Ветер дует с начала творенья.
Этот остров возьму под стопы и руками его повторю,
Разрешу мирозданье по-новому,
Сразу.
О, поднять бы, руками поднять ту воздушную линию гор,
Чтобы стали они,
Чтобы стали те горы двумя
Запрокинутыми над головою руками.

ЛЮЦИАН ШЕНВАЛЬД

1909–1944

РАССВЕТ
(Вступление к поэме «Сцена у ручья»)

Глинозема седым бурьяном,
Желтым полем, звенящим вслед,
В глубь дубового океана
Боязливо бредет рассвет.

В темной гуще, где все заглохло,
Просыпается каждый листик.
В свежих листьях – тысячи вздохов,
Грачьих карков, иволжьих свистов.

Утирает лицо листвою
Яблонь дикая в чаще сонной.
Жемчугами плеснул в лицо ей
Говорливый ручей влюбленный

И красавицу камышами
Обнял нежно и многоруко,
Белой пеной одел, как шалью,
Быстрой песнею убаюкал.

От корней до вершин – и выше –
Раздирается тьмы завеса.
Стисни сердце, чтоб билось тише,
И послушай сказанье леса.

Ухнул камень в лесную ночь.
В тишь дремучую вторгся глухо.
Пробужденная камнем ночь
Утра ход уловила ухом.

Пал тот камень из жарких рук,
В глубь дремучих ветвей врезаясь,
Развернулся в гудящий круг,
Затрещал в камышах, как аист.

Шли крестьяне за сухостоем
Сонной чащею, утром мглистым.
Оглашали жилье лесное
Невеселым мужицким свистом.

Шли травою сырою, глиной,
Не гуторя, да не толкуя,
Шли по сучья да по малину,
Шли то кучей, то врассыпную.

Вдруг — вся глушь загудела гудом!
Да никто, кроме белки быстрой,
Увидать не успел — откуда
Камень грянул, откуда — выстрел.

Снегирей и щеглов не спросят,
Кто и кем здесь уложен насмерть.
Долго выстрел стихал вдоль просек,
Долго дыма качалась проседь,
Долго реял над местом ястреб.

Ветер дым разнесет по рощам,
Ели в думу уйдут по-вдовьи.
Лес наместничий новой мощи
Наберется, напившись крови.

Только гончая на закате,
Чутким носом копнувши хвою,
Морду вскинет, белки закатит
И зальется протяжным воем.

Да ребенок, глядящий дико,
Жарким полднем сбежав в канаву
За черникой и земляникой,
Подивится на след кровавый.

Таковы-то бои в лабиринте барсучьем,
В дикой чаще лесной, полной клычьев и сучьев.

Меньше струек в ручье, меньше хворосту в ямах,
Чем рубцов на хребте и на темени шрамов.

Столько в пении ландыша скрытого скрипа,
Сколько белых цветов под отцветшею липой.

И не так многочисленна погань грибная,
Как железные цепи на страждущем крае.

А чем больше мужицких загубленных жизней —
Тем щедрее калина кораллами брызнет.

А чем больше под елями крови мужицкой —
Тем сочнее трава и жирнее землица.

А чем больше камней унесется потоком —
Тем мудрее дубы на откосе высоком.

АДАМ ВАЖИК

РАДОСТЬ СОВЕТСКАЯ

Мало радостных слов нам оставило прошлое наше
Отдадимте ж уста
настоящего радостным гудам
Жаждет радость советская звуков как полная чаша
Да пробьется на свет красота
что в забитых народах веками лежала под спудом

Извлекайте ж народы
ваших пашен слова трудовые
ваших песен слова хоровые
молодые слова
оды

развернувшейся долгим *о!*
Песни юношей в море
Да участвует в хоре
бодрой юности торжество

Есть прекрасные звуки
Сколько зим они втайне
простояли в гортани
жен под черной чадрой

В море сброшены чадры
и не высохли руки!
Лижет львом прирученным
вольным вольные руки
вал впервые зеленый
пеной белой впервой
Но тех звуков прекрасней
звук дыхания: ах!
в час как счастья избыток
проступает в слезах...

ИЗ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ

ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ

МАМЕ

О ты, которой не хватало суток!
Ты в первый раз сегодня заспалась!
Чтоб накормить девятерых малюток,
Одеть раздетых и обуть разутых, —
Ты до рассвета начинала утро,
А ночью шила, не смыкая глаз.

Усердная, ты говорила мало,
Ты только пела, бедный соловей!
Под песни ты растила сыновей.
А Лысая Гора, как страж, стояла, —
И песни те, которых нет грустней,
Как разыгралися в крови моей!

Лежишь в гробу. Я продолжаю петь...
Спи, труженица! Отдохни, певица!
Ты — оттрудилась. Мой черед потеть...
В полях, в горах, на синей Островице.
Ты — оттерпела, мой черед — терпеть,
Устами сына продолжаешь петь.

БАЛЛАДА О КРИВОЙ ХАТЕ

Под ивой хата приткнулась криво.
В той хате бабка варила пиво.

Входили парни в лохматых шапках,
Хвалили пиво, хвалили бабку.

Но деньги сплыли, и парни сплыли.
Одна Калорка среди бутылей.

Согнулась бабка прениже ивы:
Куда как страшен налог на пиво!

Пять долгих дней не пила, не ела —
Все на налоговый лист глядела!

Прошел день пятый, настал день платы:
Осталась бабке пустая хата.

— Пивные втулки — и те прихватим! —
Осталась бабка одна с распятьем.

У бабки дыбом встают волосья!
Глаза — что угли — у переносья!

Срывает бабка из сил последних
С гвоздя распятье, с себя — передник.

Рвет на полоски передник старый,
Из тех лоскутьев — веревка стала!

И на гвозде — какова обновка?
Где раньше крест воззирал, — веревка.

Крестьяне едут с суда, чуть живы.
Залить обиду решили пивом.

— Простите, други, за сказ мой грубый, —
Висит Калорка и скалит зубы.

ПЕСНЯ О РАБОТНИЦЕ

За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Мы в пекле, мы в саже — и так до кончины!
Мы света не видим, мы только — машины.
Спешат наши пальцы. Шуруп за шурупом.
От адского грохота — смолоду глохнем!
За винтиком винтик, шуруп за шурупом...
А в этот же час, на земле этой самой
Небесную музыку слушают дамы
В шелках и напитки небесные тянут
Из рюмок... Ответную музыку даме:
— За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Скрываем за стиснутыми зубами.
А есть же на свете поля золотые!
— За винтиком винтик, шуруп за шурупом, —
Янтарный ячмень, золотая пшеница...
А люди, как псы, подыхают в столицах!
Мы, женщины, слышим родящую землю!
Мы, женщины, помним о собственном лоне!
Сегодня — колесико, винт меж винтами,
А завтра мы песню споем — кулаками!
К нам с Волги приходят великие вести.
Мы видим: смеющееся поколенье,
С детьми на руках и с детьми на коленях...
Работает время. Шуруп за шурупом.

НА СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

О, волны золота живого!
Краса, которой нету слова,
Живого золота равнина, —
Подсолнечники Украины!

О, край, в котором счастье — дома!
О, красные по чернозему
Платки! О, красною малиной
Повязанная Украина!

14 Зак 95

Нигде не зрел я в мире этом,
Чтоб цвет был—плод, а плод был—цветом!
Подсолнечники на равнине:
Красавицы на Украине!

СОН ВАГОНОВ

1

Были вагоны, стали—могилы...
Крытые снегом, битые вьюгой.
Встали—вагоны. Цугом уклоны
В ряд друг за другом, в ряд друг за другом.

Нет о нас вести в братственных странах.
Ржавчина кровью кроет колеса...
Пусты и немы угольных кранов
Пасти и глотки... Зов безголосый.

Белые—трубы, белые—груды
Шлака: одел их саваном иней.
Где-то гудки гудят смерти гудом:
Хлеба спросонья просят равнины.

2

В ряд—по край глаза! В ряд—по край света!
Были вагоны,—стали гробницы...
Вдруг (не забудьте: снится нам это!)
Настежь—просторы! Пали границы!

Наши составы движутся ходко,
Наши составы движутся шибко.
И затевают пасти и глотки
Жаркую топку, черную ссыпку.

Толпы в заводы рвутся с разгону!
— Победоносно!—Многоголосо!—
Уж не гробы мы—снова вагоны!
И торжествуют наши колеса.

3

Нет! не гробы мы! Требуем пара!
Требуем ходу! требуем гуду!
Ждут не дождутся нашего дара
Целые толпы бедного люда!

Уголь, что парень жилистый вырыл,
Станет он жаром, станет он блеском!
Каждому краю, целому миру
Свет поставляет — край наш силезский!

Пало господство! Кончено рабство!
С тысячеруким братским приветом —
Уголь везем мы, чтобы по-братски
Всех обеспечить счастьем и светом!

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ВАЖА ПШАВЕЛА

1861–1915

ГОГОТУР И АПШИНА

(Старинная быль)

1

Говорят, хевсур Апшина,
Воин из селенья Бло,
Из Миндодаури рода,
Чтó добро забыл, чтó – зло.

Грабит верных и неверных,
Рубит мужа и жену,
Дом сокровищами полнит,
Словно царскую казну.

Говорят еще – Апшины
Есть сильнейший: Гоготур.
От мизинца Гоготура
Навзничь грохнется хевсур.

Да и царь про Гоготура
Рек: «Он тысячи сильней!
Стоит тысячи друзей он,
Стоит тысячи мужей!

Сердце у него — железо,
И железная рука.
Сколько раз под нею стлался
Враг, бесчисленней песка!

Он в бою подобен смерти,
Он, как смерть, неуязвим.
С Гоготуром биться — биться
С смерти ангелом самим.

Как волна играет лодкой —
Так играет он врагом.
Нет сомнения: сей воин
Бранным ангелом ведом».

Царь не раз просил: «Останься!
Ты мне друг — как ни один!»
Но ответ был неизменный:
«Царь! Не вынесу долин!

Если на меня не дует
Горным ветром — дел не жди!
Сердце плачет, и не хочет
Плоть ни хлеба, ни воды.

Рта и вовсе не открою!
Буду стыть и цепенеть.
Мне одна дорога — горцем
Жить и горцем умереть.

Есть печаль у Гоготура:
Стали недруги смирны!
Но у истинного пшава
Дело есть и без войны!»

Говорит: «Одной породы
Меч с косой — что брат с сестрой!
Поработаем! Разбоем
Жив не будет род людской».

Ни единого упрека
В целой Грузии ему.
А не то, чтобы безлунной
Ночью — вырывать суму!

Ломит он платан столетний,
На́ плечи кладет, как трость,
И, попыхивая трубкой,
В дом несет — чтоб грелся гость.

Или, возвратясь с оленем,
— Сдался, леса властелин! —
Взяв пандури на колени,
Сумерничает один.

И звенит его пандури,
И дымит его табак,
Щиплет струны смуглый палец,
Сыплет золотом очаг.

Запоет — ей-ей на балках
Потолок не улежит!
А ногой еще притопнет —
Вся-то Пшавия дрожит!

2

Три у женщины приметы:
Говорок быстрей воды,
Пол-ума (и тот с безумьем
Схож) и страсти без узды.

Денно-нощно, нощно-денно
Мелет, мелет языком:
Просит подвигов у мужа —
Ими хвастаться потом.

Кроме «славы», нету слова
В малом доме между скал.
Будь супруг ее хоть вором —
Только бы мечом махал!

Только бы ружья не ржавил!
Жеребца не жарил зря.
Только бы жену забавил
Платьем красным, как заря!

Подступает к Гоготуру:
«Муж, на что тебе твой щит?
Раз к домашнему порогу
Хуже хворого пришит!»

И опять героя точит:
«Муж, на что тебе твой меч?
Погляди: слезами плачет!
Хочет голову отсечь!

Собирай оброк с хевсуров,
Грабь чеченца на горе!
Говорят, что у Апшины,
Конь — что рыба в серебре!» —

«Женщина, — ей муж, — что мелешь?
Худо с разумом твоим!
Ты с воителем венчалась,
Не с грабителем ночным.

Чем язык чесать о зубы —
Шерсть чеши да лен чеши!
Худородная, что можешь
Знать про ружья и мечи!

Чем безумствовать речами —
Хоть чулок вяжи с умом!
Лишь тогда рубиться свято,
Коли рубишься с врагом!

Царь пока не кинул клича:
— Враг напал! Пора в поход!
За плечами Гоготура
Сдвинься, Пшавии народ! —

До тех пор не будет крови
Гоготурову мечу.
Страшной кровью — братней кровью
Славного не омрачу!

Было ли, чтобы татарин
На скамье меня нашел?
Как гиена на джейранов,
На татарина я шел!

Я о вражеские спины
Семь мечей — восьмой визжал! —
Целых восемь иступил я,
А девятый был — кинжал.

Женщина, коль ты не демон,
Устыдись своих словес!» —
«Я о том скорблю, что дому
Пользы мало от чудес!

Слава — слабая одёжка,
Варево пустое — честь.
Сто порубленных татарских
Спин — их с солью будешь есть?

Ну-ка, кроме ран на теле,
Что домой принес с войны?
В добром имени — что проку,
Коли руки не полны?»

Сильно огорчился воин;
Меч берет (возьмет и щит),
Лыком липовым потуже
К поясу его крепит,

Щит налево взял, направо
Ружьецо — как есть бревно
Стопудовое! — и дуре
Молвил слово таково:

«Как сказала — так и будет!
Без добычи не вернусь!»
Может, видели, как ехал,
Чуть посмеиваясь в ус?

3

Мимо гор в зеленых шубах,
Мимо вод, бегущих в ширь,
По фиалковым глазочкам
Едет, едет богатырь.

Едет он землею пшавской,
Первой зеленью лесной,
Едет Пшавией весенней,
Едет Пшавии весной.

У лесного населенья
Точно сговор в этот день:
Древо клонится к оленю,
К древу тянется олень.

Птицы так щебечут сладко,
Что растаял и ледник.
Только у одной Арагвы —
Грозный говор, черный лик.

Мчит, раздутая снегами,
Раздробившая броню,
Полными горстями брызжа
В очи горцу и огню.

Глянь, из-за Копала-камня
Богатырь — скалы облом! —
Словно оползень тяжелый,
Продвигается с конем.

А навстречу, глянь, на лурдже
Стройном: на коне — синéй
Синей тучи! (Всадник — лурджи,
Лурджа — всадника стройней.)

Богатырь другой в черкеске
Красной — что твоя заря!
Хороши на поле красном
Щит и меч богатыря!

Он поет — все горы вторят!
Знать, и впрямь непобедим!
Свищут конские подковы
По камням береговым.

Всадник видит Гоготура,
Устремляется — смотри! —
И уже вплотную стали
Кони и богатыри.

С руганью занесши меч свой,
Им всю местность осияв:
«Пшав, сдавай свое оружье!
Мирному без нужды, пшав!

Я — Апшина! (И вторично
Выругавшись — что твой гром!)
Сказанному — покорися!
Либо повторю — мечом!»

Думает силач: «Прикинусь
Кротким, к братству воззову!
Как откликнется Апшина
На склоненную главу?» —

«Друг, одумайся! Иль впрямь я —
Грязь, ногам твоим — навоз?
Тоже женщиною вскормлен!
Чай, не на навозе взрос!

Брат, одумайся! Коль впрямь ты —
Богатырь, как можешь, брат,
Мирного лишить оружья?
Или Бог тебе не свят?

Без меча — как покараю?
Без меча — как пощажу?
Родичеву ругань: — Тряпка! —
Без щита чем отражу?

Коли свят тебе, Апшина,
Бог — хоть шапку мне оставь!
Не пускай меня без шапки,
Сдавшегося не бесславь!

Человек ты громкой славы,
Муж, прославленный кругом.
Обойдись со мной по-братски —
Станет брат тебе рабом».

Закипел Апшина: «Много
Разговариваешь, пшав!
Меч снимай, снимай и шапку!
Кто сильнее — тот и прав!

Ты за целую неделю
Первый будешь мне барыш.
Щит давай, давай ружье мне, —
Не то землю обагришь!

Либо пнем слетишь в Арагву!
По весне вода черна.
Пусть бревном тебя сосновым
Мчит арагвская волна!»

Отдал Гоготур хевсуру
Щит-свой-звон и меч-свой-вес.
И уздечки на утеху
Не оставил живорез!

Вороного шпорой тронул,
Конь что молния взвился!
Тут у Гоготура лопнул
Гнев: «Глядите, небеса!

Гляньте, скалы, гляньте, горы,
Бурная, замедли течь! —
На грабителя, у брата
Вырвавшего щит и меч!

Гляньте, горы, гляньте, скалы —
Как с седельца сволоку, —
Как об этот самый камень
Этот череп истолку!»

Схвачен вор и опрокинут,
Богатырским боем бит,
Связан и, середь дороги
Кинут, идолом лежит.

Стал лежачему стоячий
Речь держать: «Презренный тать!
Как с купцом хевсурским, думал
С Гоготуром совладать?

На протянутую руку
— Вор — ответивший мечом,
Подавай сюда чеканный
Меч! — мой меч! и мой шелом!

Мой и конь! моя и сбруя!
Мой и щит! моя броня!
Кто мечом махал на брата —
Ниже праха для меня».

«Пощади! — ему Апшина,
От расправы побелев
Дозелéна, а от гнева
Дочернá позеленев. —

Обознался я — помилуй!
Промахнулся я — прости!
Ты мне рухлядью помни́лся,
Глиною в моей горсти.

Мощи нет твоей превыше,
Грудь твоя — скалы ребро.
Побратаемся, могучий!
Выпьем дружбы серебро!

А потом, во имя дружбы,
— Стыдно мне, лежу в пыли! —
Брат, верни мое оружье
Или им же заколи!» —

«Что, легко (ему — каратель)
Проходимцу свой шелом
Отдавать? Кинжал и меч свой
Зреть на поясе чужом?»

«Либо возврати оружье,
Либо им же и убей!»
Поумнел, во прахе лежа?
Образумился, злодей?

Чем от перса и от турка
Грузию оберегать —
Путника разоружаешь?
И тебя — грузином звать?

И чего ты, скверный, рыщешь,
Словно дух бесплотный, дом
Потерявший! Вор несытый
С уворованным кулем!

Голоден — сказал бы прямо,
Досыта бы накормил.
Но — чтоб мирного ограбить!
Или Бога позабыл?

А без Бога — хоть бы горы
Серебра — какой в них прок?
Если же подраться хочешь —
Меч на поясе высок.

Меньше щебня под ногами,
Чем у Грузии врагов!
На единого грузина —
Войско в тысячу голов!

Бей их справа, бей их слева!
Меч сломал — другой достань!
Правая изныла — левой!
Меч не стал — рукой достань!

Бей неверных, как баранов!
Рассыпай врагов, как вихрь!
Первый молвлю, что достоин
Ты доспехов боевых.

Но тому, кто мирных грабит,
Кому кротость не кротка —
Нет убора головного,
Кроме женского платка.

Грабил ты войны не знавших,
Грабил старцев и детей,
Не встречал ты рук железных
И железных челюстей!

Не хочу твоих доспехов —
Опозорился б мой кров!
Мало ли у Гоготура
В доме ружей и щитов?

И коня возьми обратно!
Будешь, муж непобедим,
Мужеством своим хвалиться —
Похвалися и моим.

Но тебя крестом Хахматским
И Копала-камнем — свят! —
Заклинаю: все, как было,
Говори, хевсурский брат!»

Развязал Апшине руки,
На ноги поставил, щит
Подает. Апшина — синий,
Весь заплаканный стоит.

«Горе, горе мне, Апшине,
Вору из селенья Бло!
Я, как зверь, уйду в пещеру!
Но за все твое добро

Дай тебя облобызаю!»
Тут, словца не говоря,
Гоготур Апшину обнял,
Богатырь — богатыря.

Младший из сумы ковровой
Спешно достает бурдюк,
Сели наземь, сели рядом —
С младшим — старший, с другом — друг.

Тут Апшина рог наполнил,
Руку поднял, око взвел:
«Ты дотоль живи и здравствуй,
Пока небо поит дол,

Пока солнце греет землю,
Пока ночь идет за днем,
Пока лес весною зелен,
Пока высь дружит с орлом,

Пока разом пуда соли
Не притащит муравей...
Да умножит крест Лашарский
Подвиги руки твоей!»

«Да спасут тебя святые! —
Гоготур ему, с душой.
А что крепок ты — изведал
Нынче собственной рукой.

Злому демону не следуй,
Злого дела не твори,
И продлит Господь меж нами
Разговоры и пиры».

Настрогал хевсур кинжалом
Серебра в вино — залог
Верной службы, вечной дружбы —
Каждый осушил свой рог.

Славно пили, складно пели,
И, Арагвы на краю,
Разошлися побратимы
Каждый в сторону свою.

4

Тишь и темень. Спит грузинский
Край, Георгием храним.
Снеговые, ледяные
Горы бодрствуют над ним,

Не зеленые — от века,
Не зеленые — вовек.
По отвесам — турьи тропы:
Зверя вековечный бег.

Только шуму, что гневливой
Речки плеск, да треснет сук.
Вдруг вся спящая деревня
Вздрогнула! — в ворота стук.

«Открывай, жена, не медля!
Муж пришел — жена встает!
Спать не время, вражье семя!
Сам Апшина у ворот!

Будет спать тебе, обуза!
Принимай коня и щит!
Не то крест тебя Хахматский
Милости своей лишит!

Уж мечом не опояшусь
И щита не подыму!
Кого первого завидишь –
Щит и меч отдай тому.

И коня отдай в придачу,
Только платы не взимай!
Кого первого завидишь –
И коня тому отдай!

Чем война была мне, хвату,
Стала хворому – постель.
Злая хворь во мне, хевсурам
Не знакомая досель».

Третий месяц на исходе,
Тверже мертвого лежит.
От его сердечных стонов
Дом дрожит, земля дрожит.

Утаить – обет нарушить,
Рассказать – живым зарыть.
Вот и мается, не в силах –
Рассказать, не в силах – скрыть.

Долго думал – скоро сделал:
Лег богатым – нищим встал,
Что содеял—то поведал,
Был неверным – верным стал.

5

Горный праздник у хевсуров:
Жарит вертел, льет бурдюк.
Вон богатые врагами.
Горцы: Минди и Мацук.

Вот и Хинча бесподобный.
Одаль женское родство
Смотрит скромными глазами –
Каждая на своего.

На земле – голов бараньих,
Что людских в войну голов!
Чу! Молельщика Апшины –
Хевисбери – слышен зов:

«Буди милостив, Георгий,
К царству древнему грузин!
Даруй мощь его народам!
Чтоб не счесть его дружин!

Буди милостив, Георгий,
К верной Грузии своей!
Чтобы не было под небом
Края – Грузии славней!»

Говорят, в последнем доме
Горного селенья Бло
Полнолунными ночами
Кто-то стонет тяжело.
Бесконечный, заунывный
Стон, пугающий зарю:
«Горе, горе мне! Увы мне,
Мертвому богатырю».

ЭТЕРИ

(Поэма)

1

Выше глаз уходят горы,
Дальше глаз уходит дол.
Ни жилья бы не увидел
Пешеход, кабы добрел.

Занавешена чинарой,
Тростником окружена,
На всю дальнюю долину —
Только хижина одна.
Тесной изгородью гладыш
С трех сторон ее обнес,
Частым лесом — можжевельник
Обступил и перерос.
Человеку не подвластна
Эта гордая страна;
Мощным голосом природы,
Песней гор оглашена.
Шелест листьев — словно шепот
Затаенной тишины.
Звери, ветры и обвалы —
Вот хозяева страны.
Только речи человечьей
Не услышит пешеход.
Всё здесь, кроме человека,
Говорит и вопиет.
То олень осенним ревом
Потрясет покой дерев.
Громким голосом обвала
Вдруг гора проявит гнев.
Серна вскрикнет, дятел стукнет,
Филин ухнет, каркнет вран,
Серебром на всю долину
Звякнет горлышком фазан...
Только звери эту траву
Мнут да девушка одна.
Как луна одна на небе —
Так она в лесу одна.
Сторожит ее жилище
Куст чилижника в цвету.
Соловей ему все ночи
Жалуется на тоску.
Ах, горька его потеря!
Нету бедному житья!
Бедной девушке Этери
Любо слушать соловья.

«Хорошо поешь ты, — молвит, —
Как бубенчиком звенишь!
В горле жемчугом играешь!
Хоть бы знать — что говоришь!
Только этим и страшна мне
Смерть, глубокая земля,
Что под камнем не слышна мне
Будет песня соловья.
Если б мне судьба судила
Быть пернатым соловьем, —
Знала б, знала б, не гадала б,
Соловьи поют о чем!
Соловьем была бы — ведра
Не таскала бы с трудом,
В серых перышках ходила б,
А не в платьице худом.
Не катились бы, как слезы,
Дни сиротские мои,
Не страшилась бы сиротка
Старой мачехи-змеи».

2

Света первая победа,
Мира первая краса.
Хрусталями, жемчугами
На траве лежит роса.
Только старая старуха —
Что печная головня:
И черна-то, и страшна-то —
Омрачает чудо дня.

МАЧЕХА

Ты вставай, вставай, лентяйка,
Выгоняй, злодейка, скот!
Солнце — час уже как встало:
Проспала ты, глянь, восход!
Берегись теперь расправы!

Наколи скорей дровец!
Накорми мою корову!
Не мори моих овец!
Хоть бы волк меня избавил
От ленивицы-слуги!
Вихрь тебя смети метлою!
Молния тебя сожги!

ЭТЕРИ

Как вода в котле не схожа
С речки светлою водой,
Так и падчерицы доля
С долей дочери родной.
Хоть бы образ свой сиротке
Мать оставила в помин!
Им как солнышком бы грелась
В хладном сумраке долин.
Хоть бы голос свой, голубка,
Завещала сироте!
Не плутала бы сиротка
В мокроте и черноте.
Хоть бы уст своих улыбку
Позабыла уходя!
Не промокла бы подушка
От соленого дождя.
Целый день проклятья, ругань
И во сне и наяву.
Обделенная судьбою,
Богом кинутой живу.
Хоть бы что-нибудь сиротке
Мать оставила в помин!
Хоть бы уст своих улыбку,
Взгляд очей своих один!
От зари до черной ночи
Спину гнуть да слезы лить,
Как ни гнись, раба, под ношей —
Клятой быть да битой быть!
Знать, под красною луною
В час недобрый родилась!

Заглянул к малютке в люльку
Лунный глаз — не в добрый час!
Поднялась Этери с ложа:
Тюфяком ей был тростник,
Плоский камень — изголовьем.
Подняла Этери лик, —
И всю землю озарила
Бедной девушки краса.
Подняла Этери очи —
Отразила небеса.
Погруженная в раздумье,
Поглядит Этери ниц —
Сонмы ангелов нисходят
По лучам ее ресниц.
Шеи горного джейрана
Шея девушки стройней.
Под дубленою овчиной
Стан — что лилия полей!
Только нет у ней нарядов.
В черном рубище, бедна...
Хоть бы бусинка цветная,
Иль застежка хоть одна!
Взяв корзинку через руку,
Вывела на волю скот.
За овечками — корова,
Следом — девушка идет.
Поясок на ней — богатый,
Ибо косами двумя,
Цвета черного агата,
Опоясана она.
Вдоль спины пустить вожжами —
Не управиться самой!
То в кустарнике застрянут,
То почудятся змеей.
Грех на эдакие косы
Призывать Господень гром!
Вот и странствует Этери
В поясе волосяном,
От рассвета до заката
Не встречая ни души.
Незавбенное виденье
Девушки в лесной глуши!

3

Бродят овцы и корова,
Щиплют свежие ростки.
Под чинарою Этери
Внемлет голосу реки.
Но другой ему на смену
Звук: охота! своры плач!
Мчит олень, круша орешник,
За оленем — конный вскачь.
Словно дождь лежачий — стрелы
С напряженной тетивы.
Не сносить тому оленю
Венценосной головы!
На голову пав, с откоса
Покатила кувырком.
Не отдышится Этери,
Спрятавшись за тростником.
Но тростник, неверный, выдал!
На две стороны тростник
Разошелся и увидел
Юноша Этери лик.
Точно дерево сухое,
Вспыхнул. И горящих глаз,
Как стрелой в того оленя,
Взглядом в девушку вперясь,
Пуще дерева сухого
Пышет: ест его огонь!
Как взглянули — не сморгнули,
Не дохнули он и конь.
Ястреба на куропатку
Взгляд — железо бы прожег!
Тростника бы не зажгла бы
Девушка пожаром щек!
Лук и стрелы бросил наземь,
Следом спрыгивает сам;
К девушке подходит робко,
Телом статен, станом прям.
Лишь тростник вокруг высокий
Да зеленые леса.

К лбу прикладывает руку:
«Здравствуй, девушка-краса!
Кто ты, милая, откуда?
Кто твои отец и мать?
Почему ты в рваном платье?
Как тебя дозволишь звать?»
Как скала, молчит Этери —
Впрямь ли потеряла речь?
Немотой ее разгневан,
Юноша заносит меч:
«Говори сейчас же: кто ты?
Я не зря тебя нашел.
Говори — не то не медля
Расщеплю тебя, как ствол!»

ЭТЕРИ

Только с птицами лесными
Я беседую в лесу.
А пугать меня железом —
Чести мало удальцу!

ГОДЕРДЗИ

Хоть одно, голубка, слово!
Кто твои отец и мать?
Почему в таких лохмотьях
Странствуешь, хотел бы знать?

ЭТЕРИ

Всех война взяла, одну лишь
Матушку взяла земля.
Ест и пьет меня, сиротку,
Злая мачеха-змея.
Побредешь овечьим следом —
Будет хижина в лесу.
С мачехой живу, старухой,
Скот ее теперь пасу.

ГОДЕРДЗИ

Почему глаза отводишь?
Мимо глаз моих глядишь?
Ведь и взглядом не обидел!
Допроси речной камыш.
Пусть луны небесной краше,
Чище снега на горах, —
Человек тебе я равный!
Что я — падаль или прах?
Нету умысла дурного
У плененного тобой.
Назови, голубка, имя!
Напои меня водой!

ЭТЕРИ

И ребенок незнакомцу
Не откроется — как звать!

ГОДЕРДЗИ

Памятью твоих усопших —
Успокой их благодать
Господа! Могил их ради
И живой моей любви,
Утоли, голубка, жажду!
Имя, имя назови!

ЭТЕРИ

«День, Этери!» «Дров, Этери!»
«Выгоняй, Этери, скот!» —
Имя горькое — Этери —
Сладкого не принесет.

ГОДЕРДЗИ

Видно, в Господа не верит,
С окаянными знаком,
Кто красавицу такую
Водит в рубище таком.

Накажи Господь злодея!
Тот на свете не жилец,
Кто красавицу такую
Шлет пасти стада овец.
Выслушай меня, Этери:
Хочешь быть моей женой?
Я Гургена сын — Годердзи,
Будешь царствовать со мной.
Осчастливь меня хоть взглядом,
Отними от глаз ладонь.
Молнию опережая,
Понесет нас черный конь...
Как прекрасна ты, Этери!
Ослеплен твоей красой!
Знай, что царства мне дороже
След ноги твоей босой.

ЭТЕРИ

Если девушка в лохмотьях —
Не спасет ее краса!
Смилуются ли колючки,
Коль красавица боса?

ГОДЕРДЗИ

Милая! Одно лишь слово!
Оживи увядший куст!
Или слова недостойна
Искренняя просьба уст?

ЭТЕРИ

Царь! Сама я не достойна
Руки мыть тебе и в зной
Заслонять тебя от солнца.
Мне ли быть твоей женой?
Сирота в простой овчине, —
Что и нищему плоха, —
Я ли подданным — царица?

Повелителю — сноха?
Но еще одно, царевич,
И навеки — рознит нас:
Никогда не выйти замуж
Господу я поклялась.
От восхода до заката
Опекать своих ягнят,
Днем довольствоваться всяким,
Не ропща на жар и хлад.
Не гляди, что я сиротка —
Немала моя родня:
Лес, ветвями, как руками,
Обнимающий меня;
Месяц, мне растящий косы;
Чаща, прячущая в зной;
Ветер, мне свежащий щеки;
Дождик, плачущий со мной...
От овец своих — пастушка,
Верь, не разнится ничем.
С овцами одну и ту же
Воду пью и пищу ем!
Знаю я лишь то, что знает
Всякая лесная тварь.
Не томи меня! Будь братом!
Отпусти меня, о царь!
Жарко мне! Совсем сгораю!
Одолел меня озноб!

Тихо косами Этери
Вытирает влажный лоб
И глаза, с которых слезы —
Жемчугом в речной песок...
Если б их песок не выпил —
Был бы жемчугом поток!
Что слезинка — то росинка
Упадает на цветок,
Имя нежное Этери
Взял бы каждый стебелек.

ГОДЕРДЗИ

Не рыдай, моя Этери!
Возвращусь в свою страну!
Поверну коня обратно —
Головы не оберну.
Но куда пойду, несчастный?
Некуда — раз не к тебе!
От тебя идет Годердзи,
Значит — к собственной беде!
Сам себя сражу кинжалом
Иль иссохну, как камыш.
Знай: царевича отвергнув,
Тысячи осиротишь!
Вся земля с ее дарами
Притекает к нам в лари.
Бог не трогает алмазов;
Звезд не трогают цари.
Но такая же — и пуще —
Власть над жизнями у нас.
Тысячи и сотни тысяч
Ринутся по взгляду глаз.
Грозные царевы брови:
Только бровью он повел —
Тысячи, как я, безусых
Спустятся в могильный дол.
Мы, цари, всему владыки,
Кто так властен и высок?
А царевича пастушка
Презирает, как песок.
Полно, девушка! Доколе
Воду лить на мой огонь?
Я возьму тебя с собою,
Понесет нас черный конь!
Ах, к груди тебя прижавши,
Молнию опережу!
Раньше тронного подножья
Я коня не осажу.
Все еще молчишь, гордячка?
Не проронишь ни словца?

Счастья мало? Сердца мало?
Мало брачного венца?
Или же другой милее?
Чем тебе не угодил?
Платьем – беден? Родом – скуден?
Ликом – бледен? Телом – хил?

ЭТЕРИ

Брат мой, нет тебя прекрасней!
Ты – что сокол на скале!
Нет двух солнц златых на небе,
Двух Годердзи на земле.
Но цветов в долине много,
Каждый свежестью хорош.
С этого цветка на встречный
Скоро взгляд переведешь.
И останусь я, печалью
Скошенная ниже трав,
Богу не сдержавши клятвы,
Милого не удержав.
Боязно судьбу пытать мне,
Огорчать твою родню,
Не царица я – народу,
Не наездница – коню...

ГОДЕРДЗИ

Не зови супруга братом,
Даром неба не гневи!
Годен ли, Этери, в братья,
Кто сгорает от любви?
Да лишит меня всевидец
Света солнца своего,
Коль хоть взгляд один похищу
Я у лика твоего.
Пусть вовеки не услышу
Крика серны молодой,
Коль хоть раз прельстится ухо
Смехом девушки другой.

Пусть костей моих не сыщут
По бездонным пропастям,
Коль хоть в помыслах приникну
Не к твоим, краса, устам.
Для того ль могучим родом
Щит мне дан и меч мне дан,
Чтобы льстивыми речами
Девушек вводить в обман?
Злое б на тебя замыслил —
Не сулил тебе венца б, —
Гнал тебя бы рукоятью
Вплоть до самого дворца,
Но, любя тебя, желаю,
Чтобы шла со мной — любя.
Милая! Любви, не страха
Жду и жажду от тебя!

И опять Этери плачет,
Голову склонивши ниц,
И опять Этери жемчуг
Нижет стрелами ресниц.
Ах, не в первый раз на свете
Над бегущею водой
С хладным разумом не сладит
Сердце девы молодой!

4

Где-то в трубы затрубили,
Свора лаем залилась.
То царевичева свита
Господина заждалась.
Откликается Годердзи.
Видит: с луками в руках
Мчат охотники в звериных
Островерхих башлыках.
Чуть завидели Этери,
Так и ахнули они:
«Не земная это дева, —
Божьим ангелам сродни!» —

«Радуйтесь! — сказал Годердзи, —
Восхваляйте дар небес!
Видите, какую серну
Подарил мне нынче лес!
Солнцем Господа клянусь
И Господнею луной —
Будет вам она царицей,
Мне — любимою женой!»
Обнял девушку царевич —
Что орел ширококрыл,
И с невестою в объятьях
Бога возблагодарил.
Но невеста и в объятьях
Молчалива и строга
И, посаженная на конь,
Плачет, катит жемчуга.
Разноцветными цветами
Забросали их рабы.
Молодым желают счастья,
Ладу, веку и судьбы.

Но царевичеву счастью
Есть завистник, есть шакал.
Чуть завидел визирь Шерэ
Девушку — затрепетал,
Как подстреленный, не может
Глаз на дивную поднять
А подымет, а посмотрит —
Глаз не может оторвать.
Мать родная не узнала б:
Ликом — темен, взором — дик.
Как гроза меняет местность —
Так любовь меняет лик.
Две змеи его снедают,
Две — высасывают кровь:
Злая ненависть к счастливцу,
К дивной девушке любовь.
Возблагодарила Бога
За счастливейший из дней.
Все настрелянное за день
Погрузили на коней.

Поредели, пострадали
Леса вольные стада!
Будет вертелу работа!
Будет женщинам страда!
Оперение фазанов
Так и светится во мгле.
Леса ж лучшая добыча —
У царевича в седле.
Весело поет царевич,
Весело поют рабы.
Вторят горы, вторят дали
Горные на все лады.
Лишь одна молчит — Этери.
Косы уронив на грудь,
Слез солеными ручьями
Орошает брачный путь.
Плачет, бедная, по стаду:
По ягнятам-сосунам,
По сестрицам и по братцам,
По телятам-скакунам.
Молится, чтобы спасла их
Вседержителя рука
От стервятничьего клюва
И от волчьего клыка.
Нá небе мерцают звезды,
Распростертая под ним
Спит земля, еще покоем
Не насытилась ночным...
Скоро ль небо приоткроет,
В жажде утренней земной,
Грудь, застегнутую солнца
Пуговицей огневой?

5

Встало солнце, озарило
Кругозор и небосвод.
Птицы хищные в долины
Устремляются с высот.

Запах падали почуяв,
Коршун коршуну кричит,
Ворон ворона торопит,
Старший стаю горячит.
Ах, недаром сокрушалась
Девушка по сосункам!
От Этериных любимцев —
Только шерстка по кустам.
Потревоженный зарею
Разбежался волчий сброд.
Волчья стая не доела —
Воронова доклюет.
Радуется рой проклятый,
Мчится, клювы навострив.
Сотрапезников незваных
Клекотом встречает гриф.
Вслед за барсом притащились
Два медведя-силача.
Гонит мачеха косматых,
Как медведица рыча.
Смотрит старая (ручьями
Слезы из-под красных вежд)
На растерзанное стадо:
Кладбище своих надежд.
По ветру пустивши космы,
Разъяренная, как рысь,
Хриплым зовом, черным словом
Оглашает даль и близь.
Все-то горы, все-то долы
Исходила, обошла,
Но пастушки нерадивой
Тени-следу не нашла.
Может, дух ее нечистый
В царство мрака заманил?
Знать, обвал ее сыпучий
Заживо похоронил!

15 Зак 95

6

Над лазурною пучиной,
На скалистом берегу
Встал дворец царя Гургена, —
Крепость, страшная врагу.
Но, от недруга сокрытый,
Есть у крепости тайник!
Между стен ее зубчатых
Укрывается цветник.
От фиалок синеглазых
Небом кажется земля,
С утра до ночи над розой
Рвется сердце соловья.
Всё подруге соловьиной
Поклоняется в саду.
А нарцисс к своей любимой
Клонит белую звезду.
Но невесел в это утро
Царь, — морщина меж бровей, —

Точно розы и не пышут
И не свищет соловей.
Неожиданною вестью
В утра неурочный час
Спасалар, склонив колено,
Душу царскую потряс:

«Царь! Не гневайся, могучий,
Что без зову предстаю.
Ибо радостью наполню
Грудь отцовскую твою:
Царский сын домой с добычей
Прибыл. Пир на всю страну!
Взял твой первенец Годердзи
В жены светлую луну.
Краше черт ее невинных
Я не видел ничего.
Свод покинула небесный
Ради сына твоего.
Сам Господь ее для отчей
Гордости твоей сберег.

Сладким именем Этери
Он дитя свое нарек.
Перед ней другие девы —
Перед жемчугом песок.
От одной ее улыбки
Озаряется восток.
Как луна она и солнце —
Недоступна похвале.
Девы не было подобной
И не будет на земле.
Если ж сердишься, что сами
Свадьбу сладили они, —
Бог сердца соединяет,
Значит, Господа вини!»
Потемнел Гурген, как туча,
Почернел Гурген, как ночь:

«Кто она? Откуда родом?
Княжья, царская ли дочь?»

СПАСАЛАР

Царь! Наследника престола
Кто б расспрашивать дерзнул?
Знаем только, что соломой
Загорелся — чуть взглянул!
Что нашел ее в приречных
Камышах на склоне дня,
Мигом суженою на́звал,
Мигом поднял на коня.
Не гневись, отец, на сына,
Да и нас не осуди.
Ведь идти не могут люди
Против Бога и судьбы!

ЦАРЬ

Лев, что молвишь ты? Ни слова!
К сыну моему ступай,
Отчий гнев и возмущенье
Неслуху ты передай.
Без отцовского согласья

Как же он посмел жениться?
С дочерью царя Левана
С колыбели обручен.
Я ли равному нарушу
Клятву радужной поры?
Слово, данное за чашей,
Тверже каменной горы.
Дочерью признав бродяжку,
Как на солнце и луну,
Как любезному Левану
В очи грозные взгляну?
Передай тому безумцу,
Что, поправ отцову власть,
Сам родителя заставил
Детище свое проклясть.
Древний род отцов и дедов
Он желает осквернить.
Сосунок он, жеребенок.
Я уйму шальную прыть!
Чтобы к отчему порогу
Не осмелилась нога!
Иль стрелой его привечу,
Как последнего врага!
Пусть узнает, своенравный,
Как наказан будет тот,
Кто неравною женою
Опозорил царский род.
Передай и сам запомни:
Больше не приму гонца.
Нету сына у Гургена,
У Годердзи — нет отца.

Твердым шагом удалился
Царь к советникам своим.
Спасалар, скорбя за сына,
Не последовал за ним.

7

Огорчил царевич добрых,
Насмешил царевич злых.
Одинокая вершина
Приютила молодых.
Все отверженца отвергли,
Всем — венец его померк.
Но, виновницы изгнанья,
Он Этери не отверг.
Хором прокляли вельможи
Бедной девушки красу.
Но когда любовь страшилась
Одиночества в лесу?
Все от сына отступились,
Трепеща перед отцом,
Кроме матери-царицы,
Сжалившейся над птенцом.
Посетила, обласкала,
Поднесла, прося беречь,
Шитый золотом нагрудник —
Дочери, а сыну — меч.

МАТЬ

Не корю тебя, любимый!
Гнева нет у матерей!
Чем труднее, чем больнее —
Тем милее, тем родней.
Одинокой, бессыновней
Старости не убоюсь,
Да благословит создатель
Твой очаг и твой союз.
Но одно запомни: слово
Есть святыня из святынь;
Сердцем избранной подруги
До могилы не отринь.
Горькое отцу содеял,
Огорчил седую мать,
Лет на старости заставив

Слово данное попрать.
Над родительскою славой,
Над сединами глумясь,
Утопил нас в грязной луже,
Кровь свою вмешал ты в грязь.

ГОДЕРДЗИ

Не топил я славы в луже,
Не срамил седой главы.
За нарушенную клятву
Я в ответе, а не вы.
В чем проступок мой? Что
Мне дарованное — взял?
Тем преступник я, что деву
Сердца сам себе избрал?
Ежечасно, безвозвратно
Вырастаем из пелен!
Вы Годердзи сотворили,
Но живет и дышит — он!
Не сыновнею любовью
Вечен человечий род!
Вы Годердзи сотворили,
Не пеняйте, что живет!
И прислужницы не стерпишь,
Если лик ее не мил!
Дочери царя Левана
Дня невестою не мнил!
В башенном окне один лишь
Миг узрел ее и к ней
Навсегда остался камня
Башенного холодней.
Если ж царь Леван, разгневан,
На отца пойдет войной —
Против мощного вторженца
Нам сражаться не впервой!
Вслед бесстрашному Гургену
Все примчимся на войну
И в который раз прославим
Нашу древнюю страну!

8

Царь Гурген скорбит о сыне.
Третий месяц царь, как крот,
Света белого не видит,
Третий месяц слезы льет
Над ослушником, что царство
На пастушку променял.
Но однажды в час полночный,
Визирей созвав, сказал:
«Визири мои, довольно
Знаете меня, чтоб знать, —
Не боязнь царя Левана
Мощному мешает спать.
Об ослушнике Годердзи
Естество мое скорбит.
Браком первенца с безродной
Повелитель ваш убит.
Браком первого — с последней,
Венценосного — с простой,
Отпрыска царей древнейших
Браком — с нищенкой босой.
Как земля не сотряслася,
Скал не рухнули столбы
От неслыханного брака
Господина и рабы?
Как светила не погасли,
Зря такую черноту?
Как обвалом не засыпал
Бог неравную чету?
Визири мои, молю вас,
Укажите мне пути,
Как наследника престола
С недостойной развести?
Как уста его и очи
От красы ее отвлечь?
Как любовь из сердца выжечь?
В сердце ненависть зажечь?»
Помолчавши, отвечали
Визири: «О царь и вождь!

Это дело — колдовское,
Превышает нашу мощь».
Тут коварный визирь Шерэ
Голос подал: «Царь, верна
Преданность моя, — хоть в пекле
Раздобуду колдуна!
Но одно мое желанье,
Царь, исполни. Не злодей
Я. И девушку жалею,
Выросшую без людей.
Разлучив ее с Годердзи,
Бедную не убивай!
Чем стервятникам на ужин —
Лучше мне ее отдай!» —
«Быть по-твоему, — промолвил
Царь. — Как только чародей
Разведет ее с Годердзи,
Будет девушка твоей».

Вышли визири. Последним
В летней ночи черноту
Шерэ вышел, в черном сердце
Нежа черную мечту.

9

За высокими горами,
За просторами морей
Угнездился злой волшебник,
Видом — старец, сердцем — змей.
Каджам запродавши душу,
Приказует он воде,
Ветру, солнцу, стуже, зною,
Граду, ливню и грозе.
Чернотою превосходит
Уголь, деготь и смолу.
Словно тучи по утесу —
Злые мысли по челу.
В клеветах своих гнездится —

Что паук среди тенёт.
Низостью Искариота
Смело зá пояс заткнет.
Вместо глаз у старца угли,
Зубы — битое стекло,
Кости голые железо
Листовое облегло.
Уши — рыси, когти — грифа,
Чинной старости венца
Не ищи — седин почтенных!
Ибо — грива жеребца.
К этому-то старцу Шерэ
День и ночь спешил, пока
С горной выси не увидел
Тайной кельи ведьмака.

ШЕРЭ

(с горы)

Здравствуй, старец досточтимый!
Здравствуй, мудрости родник!
Через горы, через долы —
Наконец, к тебе проник.
Трудным делом озабочен,
Попрошу я мудреца:
Попытайся образумить
Ты царевича-глупца.

КОЛДУН

Что ты волком воешь сверху?
Знаю про твою беду.
В логово мое спускайся, —
Две недели Шерэ жду.

ШЕРЭ

(спустившись)

Помоги, всесильный старец!
День мне стал черней, чем ночь!
Ты один во всей подлунной
Можешь скорбному помочь.

Страстною любовью болен,
Сна и разума лишен,
Как под камнем — под любовью
Заживо похоронен.

КОЛДУН

Знаю, знаю, царский визирь,
Что пронзила, как стрела,
Завалила, как лавина,
И, как молния, сожгла
Красота лесной пастушки.
Но, словца не утая,
Все поведай мне — как если б
Ничего не ведал я.

ШЕРЭ

Обессилевши от страсти,
Что скажу тебе, старик?
От любовного недуга
Еле движется язык.
Коченею и сгораю,
Притупились нюх и вкус,
Как поганою змеею,
Хлебом праведным давлюсь.
На постели, как на копьях,
До зари не знаю сна,
И, как узнику темница,
Грудь дыханию тесна.

КОЛДУН

Не печалься, визирь Шерэ,
Знахарь — опытный паук!
Горделивая пастушка
Не уйдет из наших рук.
Снадобье тебе составлю:
Сеянное по ночам
Просо, политое кровью,

С женским млеком пополам.
Посолю его щепоткой
Праха ведьминского. Грязь
С рук Иудиных добавлю —
Будет каша, будет мазь!
Этой мазью, Шерэ, смажешь
Дома брачного порог, —
И такою дева станет —
Не отмоет и поток!
Шея, мрамора белее,
Станет пищею червей,
Тысячами присосутся
Гады к яблокам грудей.
Гроздьями пойдут клубиться
Из ноздрей, ушей и губ.
Зачервивеет Этери,
Как в сырой могиле — труп.
Что на утро новый лекарь,
Над болящею согбен,
Оторвет червя, и целый
Клубень — снятому взамен!
И отступится Годердзи
От игралища червей.
Не кручинься, визирь Шерэ,
Будет женщина твоей!

ШЕРЭ

В голом остове червивом
Сласти мало жениху!

КОЛДУН

Раскрасавицу получишь, —
Не червивую труху!
Пресмыкающимся — гибель
Ведьмы жженые власы.
Чуть присыпешь — и ослепнешь
От Этериной красы!

Дал обещанное знахарь.
Положив его на грудь,
Мига не теряя, Шерэ
Поскакал в обратный путь.
Сеют звонкие подковы
Мириады жарких искр.
Провожают в путь-дорогу
Горных бесов вой и визг.
Зубы красные ощеря,
Лает дьявольская рать:
«Скоро ль, скоро ль, братец Шерэ,
К нам пожалуешь опять?»

10

Едет Шерэ по ущелью,
Едет шагом, тупит взгляд.
Разливается по жилам
Совести змеиный яд.
Видит Шерэ: под ногами,
Где река бежит, быстра,
Адским зраком, красным маком
Блеск бесовского костра.
И спустился визирь Шерэ
В бездну, красную, как медь,
У бесовского веселья
Душу черную погреть.
Уж и дэвы! Уж и хари!
Очи — бешеных котов,
Пасти пенистые — шире
Пивоваренных котлов.
Это скулы или скалы?
Это нос или утес?
Устрашился визирь Шерэ,
С камнем сросся, в землю врос.
Что-то лижут, что-то гложут.
Отвалившись от жратвы,
Человеческую хлещут
Кровь из мертвой головы.

Заприметивши пришельца,
Писком, лаем залились:
«Здравствуй, Шерэ тонкомозглый,
С нами ужинать садись!
Наш ты духом, наш и телом
Будь, и жилочками – наш!
Кровь – отменнейший напиток,
Череп – лучшая из чаш!»

ШЕРЭ

Душу взявшие злодеи,
Что вам в падали моей?
Подарите, душегубы,
Несколько счастливых дней!
А потом бросайте в пекло,
В ада черную смолу!
Лишь о нескольких счастливых
Днях с любимою молю!

«Получай, влюбленный визирь,
Ровно пять счастливых лет,
После пятого – расплата!»
Дэвы каркнули в ответ.

11

После длительных скитаний
— Вся исхожена страна –
Входит Шерэ в край родимый,
Видит: движется война.
Войско грозное рекою
Катится за рядом ряд.
Бьются яркие знамена,
Трубы звонкие трубят.
Пыль от конницы несется,
Долетает до небес,
С небом вздумали сразиться

Копья частые, как лес.
Льдом отбрасывают латы
Солнца яркого лучи.
Руки в грубых рукавицах
Держат плети и мечи.
Переполнены колчаны.
Стрелы сами рвутся в бой.
Небо бранное виденье
Заливает синевой.
На коне чернее ночи
Впереди полков – Гурген.
Сосчитай листву у леса:
Полчища ведомых в плен!
Вслед за пленными – верблюды
Зыблются, отягчены.
Нагруженные добычей
Горы шествуют – слоны!
За обозом – вереница
Красноглазых палачей.
Изукрашены зубами
Рукояти их мечей.
Не разбил Леван Гургена,
Не склонил его знамен.
Сам, разбитый и кровавый,
С поля битвы унесен.
Смотрит Шерэ издалека
На Гургеновы войска,
Слезы льет на полы чохи, –
Горяча его тоска!
Ранит визирево ухо
Конский топот, трубный звон,
Ранит плачущее око
Полыхание знамен.
Тот, кто душу продал бесам,
В правой битве не боец,
И пошел душепродавец
Разрушать союз сердец.

12

Чары восторжестововали.
Просочился тайный яд.
Новобрачную Этери
Черви поедом едят.
Облака белее — щеки,
Губы — извести серей.
Все, что прелестью пленяло,
Стало пищею червей.
Заживо пришлось изведать
Сладостной — могильный плен!
Оторвешь червя, и целый
Клубень — снятому взамен!
И злосчастного Годердзи
Подточил бесовский яд!
Слезы катятся по скулам —
Что с утеса водопад.
Но хоть пищи не вкушает,
Солнцу Божьему не рад,
Веткой сохнет, свечкой тает —
Все ж Этери ищет взгляд.
Не отверг орел подруги,
Не порадовал врагов,
Держит в башне, под охраной
Верноподданных рабов.
Знать дает ему Этери:
«Отпусти меня домой!
Счастья нету и не будет
С зачумленною женой.
Чем пластом лежать — хоть воду
Я б возила на осле!
Отпусти меня, Годердзи!
Не вернуся и во сне.
Я одна тебе, любимый,
Жизни отравила сласть!
Свет очей моих, Годердзи!
Прогони свою напасть!
Лучше б вовсе не родиться
Мне, чем быть тебе бедой!

О, зачем в лесу пастушку
Встретил всадник молодой!
Не меня одну сгубили
Черные жильцы могил!
О, зачем взамен оленя
В грудь меня не поразил?
И останется меж нами
В струях слезного дождя
Слово первое — последним:
«Недостойна я тебя!»

13

По Гургеновым владеньям
Весть лихая разнеслась!
Сыну царскому Годердзи
Наступил последний час.
Согревает, освежает
Мать, руками оплетя.
Но не этого объятья
Жаждет бедное дитя.
«Мать любимая! Не тщися
С верной смертью воевать.
Отчего я умираю,
Знаешь, плачущая мать.
С солнцем нынешним спущуся
В царство вечной темноты.
Ничего уж не увижу
Из-под каменной плиты.
Но пока еще отверсты
Очи солнцу и луне,
Приведи сюда, родная,
Жизни стоившую мне.
Чтобы ей, моей любимой,
Мой последний взгляд и вздох!
Хоть и дорого мне стоит
Эта встреча, видит Бог!
Если скажешь мне, что к Богу
Отошли ее часы,

Принесите мне хоть волос,
Волос из ее косы!
Волосок один! Частицу
Тела, бывшего живым,
Чтобы было чем согреться
Мне под камнем гробовым.
Хоть бы косточку сухую!
Полумесяц ноготка!
Хоть бы ниточку цветную
Из носильного платка!»
Побрела к царю царица,
Слезы катятся с лица,
Стала, в землю преклонившись,
Мать упрашивать отца.
Посылает царь за Шерэ,
Вот он, весь как бы в золе,
С видом мертвого, неделю
Пролежавшего в земле.
Говорит Гурген: «Любимый
Визирь мой, орел вершин,
Помощь срочная нужна мне,
Ибо при смерти мой сын,
В вере выросший Христовой,
Богом посланный царить,—
Мне ль единственному сыну
Милому — могилу рыть?
Оттого Годердзи к гробу
Клонится, что черви жрут
Милую. Верни здоровье
Ей, и оба оживут!
Снадобью противоядье
Раздобыв, верни стране
Сына царского, больному —
Жизнь, успокоенье — мне».
В землю тулится несчастный,
Бьется сердце о ребро.
Тот, кто каджу продал душу,
Может ли творить добро?
Медлит Шерэ, не находит
Слов, в раздумье погружен.

За него царю ответил
Тяжкий, похоронный звон.
Колоколу — двери вторят,
Толпы вторят у ворот,
Вместе с колоколом стонет
И рыдает весь народ.

ЦАРЬ

Шерэ, что это за звуки?
Мрачное идет за ум...

ШЕРЭ

Плач, быть может... Смех, быть может...
Может, пиршественный шум...

Отбыл Шерэ за вестями,
Но уж весть идет сама:
С головой, покрытой пеплом,
В потрясенности ума,
Окровавленностью лика
Изъявляя скорбь и страх,
Визирь внутренних покоев
Пред царем стоит в слезах.
«Да иссохнет царский недруг,
Иссуши его Господь,
Как от участи Годердзи
Сохнут кость моя и плоть.
К страшной вести приготовься,
Царь! В расцвете естества
Мертв твой первенец Годердзи,
И Этери с ним мертва.
Воевал я, царь, немало,
Очи — сытые мои,
Но ужаснее кончины
Не видал за все бои.
Привели к нему Этери,
Посадили на кровать,
Умирающий к болящей

Руки вытянул — обнять...
Обнял, и душа из тела
Вылетела, точно дым,
А несчастная кинжалом
Закололася над ним».
Побелел Гурген, как саван:
«О, злосчастная чета!
Всем ветрам теперь раскрыты
Царства древнего врата!
Сын, зачем оставил землю
Прежде сроку своего?
Бог, зачем у старца вырвал
Посох старости его?»

14

Солнце миру улыбнулось
Из-под золота волос,
Но земля его улыбку
Встретила ручьями слез.
Толпы в траурных одеждах
Топчутся по площадям.
Отереть тоски потоки
Руки тянутся к глазам.
Реют черные знамена.
Скорбь до неба донести —
Задымили по столице
Поминальные костры.
Перед скорбными войсками —
Спасалар, вожатый сеч,
Встал, глаза потупив долу,
Руки положил на меч.
Смолкли трубы. Барабанов
Смолк победоносный гром.
На уста нейдет поэту
Стих о доблестном былом,
Чтобы не было под небом
Звуков неги и любви,
Соловьев снесли в подвалы,

И замолкли соловьи.
Пусто каждое жилище:
Провожают стар и млад,
Провожают прост и знатен,
Обездолен и богат.
Вслед за пастырями в ризах
Визири шагают в ряд.
Не явился только Шерэ,
Совести познавший ад.
По волнам людского моря,
Точно морем голубым,
Высоко плывут два гроба:
Медный — с нею, белый — с ним.
За ворота городские.
Вышли. В поле, над горой,
Место выбрали пустое,
Как наказывал больной,
И зарыли, друг от друга
Не вблизи и не вдали, —
Так, чтоб темными ночами
Взяться за руки могли.
И пошла кружить по царству
Изумительная весть:
Что цветам на их могилах
Круглый год угодно цвесть.
Презирая расстоянье,
Призывает как рукой,
Роза с царственной могилы
Скромную фиалку — той.
Но еще одну примету
Чудную скажу тебе:
От могильного подножья
Вдоль по золотой трубе
Ключ бессмертия струится,
Всё питая и поя.
Наклонись к нему — и канет
Всякая печаль твоя.
К небожителям причислен,
Кто нагнется над водой,
Кто бы ни был он — хоть зверем
Иль букашкою немой.

15

— Что же с визирем-злодеем?
Все ли царь к нему хорош?
— День и ночь он, ночь и день он
На дороге точит нож.
— Что затеял? Что задумал?
Нож зачем ему востер?
— Тени собственной боится
Лиходей с тех самых пор.
Больше визирем не хочет
Быть, до власти не охоч.
Плачем плачет, ножик точит
Ночь и день он, день и ночь.
Тело — в лыке, с видом диким
Ножик прячет в рукаве.
Бьют несчастного крестьяне
Палками по голове.
По оврагам, по ущельям,
Тощ, как собственная тень,
Волком рыщет, смерти ищет
День и ночь он, ночь и день.
Разучившись по-людскому,
Голосит в лесную дичь,
То как пес он, то как лис он,
То как бес он, то как сыч.
То с пастушеской свирелью
Лесом бродит, как во сне,
То побед былых оружье
Следом возит на осле.
Всех жилье его пугает,
Годное для воронья,
И лицо — еще темнее
Темного его жилья.
Понадеялся спастися,
Мертвой душу откупить:
Стал с монахами поститься,
Воду пить, поклоны бить.
Но ни бденье, ни раденье
Не смогли ему помочь.

— Для чего же ножик точит
Ночь и день он, день и ночь?
— Очи выколоть он хочет,
Ночи хочет! Об кремень
Оттого и ножик точит
День и ночь он, ночь и день.

РАНЕНЫЙ БАРС

(Поэма)

Таял снег в горах суровых,
В долы оползни ползли.
Снежным оползням навстречу
Звери-туры в горы шли.

Шел за турами вожак их
С тихим криком: берегись!
Вволю нализавшись соли,
Стадо возвращалось ввысь.

Вот и крепости достигли.
Здесь, за каменным щитом,
Круторогому не страшен
Тот с ружьем и волк с клыком.

Но стрелку и горя мало —
Новою надеждой полн:
На утесе, глянь, оленье
Стадо взобралось на холм.

И сокрылось. Сном сокрылось!
Как бы не сокрыла даль
И последнего оленя
С самкою! Рази, пищаль!

Выстрелил! Но мимо пуля!
Не достала, быстрая!
Только шибче поскакали
Быстрые от выстрела!

Звери вскачь, охотник следом,
Крупный пот кропит песок.
Трижды обходил в обход их
И обскакивал в обскок,

Но как стаду вслед ни прядал,
Сотрясая холм и дол,
Ближе чем на трижды выстрел
К мчащимся не подошел.

Эх, кабы не на просторе,
А в ущелье их застиг!
Был бы праздник в горной келье
И на вертеле — шашлык!

Пир бы длился, дым бы стлался...
Созерцая гордый рог,
Здорово бы посмеялся
В бороду свою стрелок!

С горы нá гору, и снова
Пóд гору, и снова ввысь.
Целый день гонялся тщетно —
Руки, ноги отнялись.

Голоден. Качает усталь.
Кости поскрипом скрипят.
Когтевидные цриапи
Ногу до крови когтят.

Пуще зверя изнемогши,
Точно сам он был олень,
Злу дивится, дню дивится,
Ну и зол, дивится, день!

А уж дню-то мало сроку.
Глянь на солнце: ввысь глядит,
Вниз идет. Уж скоро в долах
С волком волк заговорит.

Холм с холмом, тьма с тьмой смесится:
С горной мглой — долины мгла.
Скроет тура и оленя,
Скроет шкуру и рога.

«Матерь мощная! Царица
Векового рубежа,
Горной живности хозяйка,
Всей охоты госпожа,

Все охотники — сновидцы!
Род наш, испокон села,
Жив охотой был, охота ж
Вещим сном жива была:

Барс ли, страшен, орл ли, хищен,
Тур ли, спешен, хорь ли, мал, —
Что приснилось в сонной грезе —
То стрелок в руках держал.

Матерь вещая! Оленя
Мне явившая в крови,
Оживи того оленя,
Въяве, вживе мне яви!

Чтобы вырос мне воочью
Исполин с ветвистым лбом!
Чтобы снившееся ночью
Стало сбывшееся днем».

Помоляся, стал Мтварели
Хлеб жевать — зубам гранит!
Вдоль по берегу ущелья
Вверх глядит, вперед глядит.

Островерхие там видит
Скалы статной вышины.
Можжевельником покрыты,
Папортом опущены.

С можжевеловой вершины
Мчит ручей хриплоголос,
Пеной моет — все ж не может
Дочиста отмыть утес.

Встал охотник, встал, как вкопан:
Вот оттуда-то, с высот,
Раздирающий, сердечный
Стон идет — то зверь зовет.

Погляди! На самой круче,
В яркой росписи пчелы,
На площадке барс могучий
Вытянулся вдоль скалы.

Лапу вытянул по гребню,
С лапы кровь течет в ручей,
И, с водой слиясь, несется,
В вечный сумрак пропастей.

Стонет он, как муж могучий
Под подошвою врага!
Стонет, как гора, что тучу
Сбрасывала — не смогла!

Стонет так, что скалы вторят,
Жилы стынут...
— Гей, не жди,
Бей, охотник! — «Нет! (охотник)
Бить не буду — не враги!

Он, как я, живет охотой,
Побратиму не злодей.
Пострадавшего собрата
Бить не буду — хоть убей!»

Но и зверь узнал Мтварели.
На трех лапах, кое-как,
Где вприхромку, где вприпрыжку,
Вот и снизился, земляк:

Смотрит в око человеку
Оком желтым, как смола,
И уж лапа на колено
Пострадавшая легла.

Осмотрел охотник рану,
Вытащил из-под когтей
Камень заостренным клювом
Беркута, царя ночей.

Снес обвал его сыпучий
На кремнистый перевал.
С той поры осколок злостный
Барса ждал да поджидал.

Пестрый несся, — злостный въелся.
Берегися, быстрогон!
Где пята земли не чует, —
Там и камень положён!

Выскоблил охотник рану,
(Лекарь резал, барс держал),
Пестротканным полосатым
Лоскутом перевязал.

Выздоравливай, приятель!
Не хворай теперь вовек!
Прянул барс, как сокол летом,
Горы-долы пересек.

Проводил стрелок глазами...
Подивились бы отцы!
Скоро лани станут львами,
Коли барс смирней овцы.

Тут — что было в жилах крови —
Вся прихлынула к лицу:
Легкий — робкий — быстрый — близкий
Зверя топот сквозь листву.

Глянул: широковетвистый,
Лоб подъемля, как венец...
Грянул выстрел — и в ущелье
Скатывается самец.

Еще эхо не успело
Прозвонить олений час —
Где олень скакал, спасаясь,
Мощный барс стоит, кичась.

Прорычал разок и скрылся,
Обвалив песчаный пласт.
Там, где барс стоял, красуясь,
Дикий тур бежит, лобаст.

Грянул выстрел — и с утеса
В бездну грохается тур.
Там, где тур свалился, — барс встал,
Пестрохвост и пестрошкур.

Перевязанною лапой
Тычет в грудь себя: «Признал?
Я-де тура и оленя
Под ружье твое пригнал!»

Не успел охотник молвить:
«Бог тебя благослови!» —
Нету барса. Только глыбы
Позади да впереди.

Тьма ложится, мрак крадется,
Путь далек, а враг незрим.
Не луне — вдове — бороться
С черным мороком ночным.

Где-то плачется лисица, —
Худо ей, — недобр ей час!
Други милые, примите
Времени седого сказ.

ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЦХОК ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ

1851–1915

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Крадется к городу впотьмах
Коварный враг.
Но страж на башенных зубцах
Заслышал шаг.

Берет трубу,
Трубит во всю мочь.
Проснулась ночь.
Все граждане — прочь
С постели! Не встал лишь мертвец в гробу.

И меч
Говорит
Всю ночь.

Бой в каждом дому,
У каждых ворот.

— За мать, за жену!
— За край, за народ!

За право и вольность — кровавый бой,
Бог весть — умрем или победим,
Но долг свой выполнил часовой,
И край склоняется перед ним.

Не спавшему — честь!
Подавшему весть,
Что воры в дому, —
Честь стражу тому!

Но вечный укор,
Но вечный позор,
Проклятье тому —
Кто час свой проспал
И край свой застал
В огне и в дыму!

СЕРДЦЕ

С сердцем чистым и горячим
Этот мальчик взрос.
У людей на это сердце
Непрерывный спрос.

За живой кусочек сердца,
Теплый, развесной,
Платят женщины — улыбкой,
Девушки — слезой,

Люд читательский — полушкой,
Богатей — грошом.
И растет поэту слава —
Сердце хорошо!

Так и шло, пока не вышло
Сердце, — ни крохи́!
И пришлось поэту спешно
Прекратить стихи.

САНКИ

— О чем, ну, о чем, мой цветочек?
Не жаль тебе розовых щечек?
Не жаль — голубого глазка?
— Тоска!

— Прогоним! Пусть тетушку точит!
А мы — позабавимся! Хочешь,
На санках тебя прокачу?
— Хочу!

— Теплее закутайся, птичка!
На ручки надень рукавички
И носика не заморозь!
— Небось!

— Назад не гляди — сделай милость!
Уже не одна закружилась
Головка от быстрой езды!
— Следи!

— Конь голубя бьет в полете!
А ну как на повороте
Нас вывалит из саней?
— Скорей!

— Уже городские башни
Пропали. Тебе не страшно,
Что сгинул родимый дом?
— Вдвоем?

Конь шалый, ямщик неловкий.
Легко потерять головку
От эдакой быстроты!
— Есть — ты!

— Конь — сокол ширококрылый!
Все веки запорошило —
Где Запад и где Восток?
— Восторг!

— Откуда в степи пригорок?
А ну́, как с горы да в прорубь —
Что скажешь в последний миг?
— Шутник!

— А вдруг на Москву — дорога?
В тот город, где счастья — много,
Где каждый растет большим?
— Спешим!

— Все стихло. Мороз не колет...
Умаялся колоколец.
Нас двое не спит в ночи́...
— Молчи!

ГЕРШ ВЕБЕР

ДАНТЕ

Ты говоришь о Данта роке злобном
И о Мицкевича любившей мгле.
Как можешь говорить ты о подобном
Мне — горестнейшему на всей земле!

Ужели правды не подозреваешь
И так беды моей не видишь ты,
Что розы там с улыбкой собираешь,
Где кровь моя обрызгала шипы.

ТРОПЫ БЫТИЯ

На трудных тропах бытия
Мой спутник — молодость моя.

Бегут как дети по бокам
Ум с глупостью, в середке — сам.

А впереди — крылатый взмах:
Любовь на золотых крылах.

А этот шелест за спиной —
То поступь Вечности за мной.

Ф. КОРН

О, кто бы нас направил,
О, кто бы нам ответил?
Где край, который примет
Нас с нерожденным третьим?

Бредем и не находим
Для будущего яслей.
Где хлев, который впустит
Тебя со мной, меня с ним...

Уже девятый месяц
Груз у меня под сердцем,
Он скоро обернется
Ртом – ужасом разверстым.

Идем – который месяц –
Куда – не знаем сами.
Деревья по дорогам
Нам чудятся крестами.

Увы, одни деревья
Протягивают руки
Младенческому крику
И материнской муке.

Хоть листьями оденьте!
Хоть веточкой укройте!
Хоть щепочку на люльку!
Хоть досточку на койку!

Кто молится младенцу?
Кто матерь величает?
Мир моего младенца
Предательством встречает.

Любой ему Иуда
И крест ему сосновый
На каждом перекрестке
Заране уготован.

Все, все ему готово:
Путь, крест, венец, гробница
Под стражею — да негде
Ему на свет родиться.

О, счастлива Мария,
В сенном благоуханье
Подставившая Сына
Воловьему дыханью!

Бреду тяжелым шагом,
Раздавленная ношей,
Которую надежду
Стирая под подошвой?

Кто мающихся примет,
Двух, с третьим нежеланным?
На всей земле им нету
Земли обетованной.

Бдят воины с мечами
На всех путях и тропах —
— Кто вы? Куда — откуда?
Ложь! Подавайте пропуск!

Жгут очи, роют руки.
Рты ненавистью дышат.
— Вот истина! — Не видят.
— О, смилуйтесь! — Не слышат.

Все: обувь, косы, уши, мысли
С находчивостью злой
Обыскано. Но мало
Им, подавай утробу.

А ну, как это чрево,
По тропам каменистым
Влачимое, мессией
Взорвете — коммунистом?

Где край, который примет,
Очаг, который встретит,
Вертеп, который впустит
Нас — с нерожденным третьим?

СТИХИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ПОЭТОВ

ВОЛК И КОЗА

Отощав в густых лесах,
Вышел волк на снежный шлях,
И зубами волк —
Щелк!

Ишь, сугробы намело!
За сугробами — село.
С голоду и волк — лев.
Хлев.

По всем правилам подкоп.
Вмиг лазеечку прогреб,
К белым козам старый бес
Влез.

Так и светятся сквозь темь!
Было восемь — станет семь.
Волчий голод — козий гроб:
Сгреб.

Мчится, мчится через шлях
Серый с белою в зубах,
Предвкушает, седоус,
Вкус.

— Молода еще, Герр Вольф!
(Из-под морды—козья молвь.)
Одни косточки, небось!
Брось!

— Я до всяческой охоч!
— Я одна у мамы—дочь!
Почему из всех—меня?
Мя-я-я...

— Было время разбирать,
Кто там дочь, а кто там мать!
Завтра матушку сожру.
Р-р-р-у!

— Злоумышленник! Бандит!
Где же совесть? Где же стыд?
Опозорю! В суд подам!
— Ам!

МОЯ ПЕСНЯ И Я

Еще я молод! Молод! Но меня:
Моей щеки румяной, крови алой—
Моложе—песня красная моя!
И эта песня от меня сбежала

На жизни зов, на времени призыв.
О как я мог—от мысли холодею!—
Без песни—мог? Ведь только ею жив!
И как я мог не побежать за нею!

О как я мог среди кровавых сеч
За справедливость и людское право,
Как инвалид, свои шаги беречь
И на подмостках красоваться павой?

О песнь моя, зовущая на бой!
Багряная, как зарево пожарищ!
На каждой демонстрации с тобой
Шагаю — как с товарищем товарищ.

Да, ты нужна, как воздух и как злак.
Еще нужней — моя живая сила.
Я рядовым пришел под красный флаг
За песней, что меня опередила.

ПЛОТОГОН

В моей отчизне каждый
Багром и топором
Теперь работать волен,
Как я — своим пером.

Взгляни на плотогона!
Как бронзовый колосс
Стоит — расставив ноги!
Такой — доставит тес!

Работает шестом
Он — что скрипач смычком!

Когда в своем затворе
Сижу над словарем,
И бьюсь — и еле-еле
Уже вожу пером —

Я знаю: на реке
Есть те: с шестом в руке!

И если над строкою
Я слеп, и сох, и чах —
То лишь затем, чтоб пели
Меня — на всех плотах!

(ДИТЯ И СОБАКА)

Ребенок — великое счастье в доме,
Сокровище! Праздник! Звезда во мгле!
Ведь выжил твой сын, не зачах, не помер, —
Чего ж ты толкуешь о горе и зле?

— Ни денег, ни времени нет, соседка!
Унять его нужно, — а бьешь за плач,
Сказать ему нужно, — не дом, а клетка.
Играть ему нужно, — из тряпки — мяч.

Сокровище, да не по жизни нашей.
С утра до полуночи крик да рев,
Ему опостылела наша каша
С приправой из ругани и пинков.

Всё вместе: столовая, кухня, спальня.
Обои облуплены, шкаф опух,
Скамейка расслаблена, печь печальна.
В окно никогда не поет петух.

Восход ли, закат ли — все та же темень
Прорехи, и крохи, и смрад и пот —
Вот счастье, сужденное бедным семьям.
Все прочие радости — для господ!

Вот был бы ты песиком, на собачку
Охотников много меж праздных бар.
Забыл бы трущобу и маму-прачку...
Но нету купца на такой товар.

ИЗ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ

ПЕСНЯ ПРО СОБАКУ И РЕБЕНКА

Тихо-смирно лежи в своей торбочке, пес,
Не скребись, не возись, мой щенок.
От кондукторских глаз спрячь и ушки и нос, —
Безбилетного дело — молчок.

Я продам тебя в городе господам
На хорошую жизнь, — сыть да гладь, —
Хоть и жалость, и горечь, и просто срам
Мне за деньги тебя продавать.

Блохи выведутся. Будешь чесан и мыт
— Позабудешь село и поля.
Поболит, поболит — а потом отболит,
Позабудешь ты скоро меня.

Облаченный в суконное пальтецо,
Отречешься от брата-пса.
Каковы богачи — таковы их псы:
Будешь нищего гнать с крыльца.

Позабудешь кличку свою — Буян,
Будешь зваться как барский сын.
Будет песик мой зваться как мальчуган,
А питаться — как господин.

Попрощаться — мне лапу подашь. Любя —
С расставанием поспешу.
А на деньги за проданного тебя
Башмаки куплю малышу.

Февраль 1941

МЕЛЬНИЦА

И снова над струей тяжелой
В зеленой ивовой тени
Та мельница, что в оны дни
Баллады для меня молола.

Молола демонов сердитых,
Гнездившихся в моей груди,
А ныне только шум воды
Промалывает запах жита.

Весна на Сороти. Отпетых
Буянов шайка топит пса.
О чем, скажи, твоя слеза
Над глубиною сельской Леты?

Но псу не хочется в могилу.
Смотри—как зелено кругом!
Пыль, сыплемая колесом,
Совсем глаза запорошила.

Стою на искрящейся травке,
Под небом, пахнущем землей.
У ветхой мельницы гнилой...
Зачем ребята топят шавку?

Бросается в речную заводь
Зеленая лесная мгла.
Но с дна дремучего—всплыла,
И долго ей придется плавать.

Ночами, назло человеку,
Здесь водят рыбы хоровод.
Мечтаю, юный сумасброд,
Что мельница смолола—реку...

Тот хлеб, который пекарь выпек,
Рожден из пыли водяной...
И, многое поняв,—домой
По раковинам от улиток.

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ИВАН ФРАНКО

1856—1916

□ □ □

Сыплет, сыплет, сыплет снег.
Над равниною бесплодной
Мириадами летят
Мотыльки зимы холодной.

Одноцветны, как тоска,
Холодны, как злая доля,
Засыпают все пути,
Всю красу лугов и поля.

Белый саван забытья,
Равнодушья, безучастья
Совладал с любым ростком
И с любой живою страстью.

Сыплет, сыплет, сыплет снег,
Все тяжéле нависает...
Молодой огонь в душе
Меркнет, глохнет, угасает.

ХРИСТОС И КРЕСТ

Среди поля у дороги
Стародавний крест стоит,
А на нем Христос распятый
Тоже с давних лет висит.

Время расшатало гвозди,
Долго ветер крест качал,
И Христос, вверху распятый,
С древа на землю упал.

Тотчас же трава степная,
Что росла вокруг креста,
В свежие свои объятья
Нежно приняла Христа.

Незабудка и фиалка,
Что синели меж травы,
Обвились венцом любовно
Вкруг Христовой головы.

На живом природы лоне,
Отдохнуть от ран и слез,
Меж цветочных благовоний
Мирно опочил Христос.

Но недолго почивал он,
Пустовал сосновый шест,—
Чьи-то руки Иисуса
Снова подняли на крест.

Но, как видно, не сыскали
Для Распятого гвоздей:
Ко кресту жгутом соломы
Был привязан Назарей.

Так ханжи и суеверы,
Видя с ужасом в глазах,
Как с гнилого древа смерти—
С алтарей, несущих страх,

Из церковных песнопений,
Из обмана, крови, слез, —
Словом, как с креста былого
Сходит нá землю Христос.

И как, ставши человеком,
Человечностью своей
В царство света и свободы
Увлекает нас, людей, —

Все стараются над миром
Вознести опять Христа,
И хоть лжи соломой — снова
Пригвождают у креста.

ПИСЬМО ЛЮБВИ

Настанет день, давно-давно желанный:
Я вырвусь, чтобы встретиться с тобой,
Порву оковы фальши и обмана,
Наложенные низостью людской,
Порву все путы — будь они канаты!
Постыдного смиренья сброшу крест!
И докажу, что наше чувство — злато,
Которого и ржавчина не съест.

Настанет день, когда, смеясь и плача,
В твои объятья снова кинусь я,
И подтвердит мне поцелуй горячий,
Что ты — моя! что ты навек моя!
Моя — навек! Все исхищренья ада
Церковного нас не разделят вновь!
Где ваши узы, люди, где преграды?
Земных преград не ведает любовь!

Все путы, все тенёта, все оковы, —
Настанет миг, — любимая, порвем!
Отраву злого взгляда, злого слова
Из сердца выльем, и навек сотрем
Малейший след убийственных обид,
Которые, как черви, нас точили.
Пусть даже мысль о них не омрачит
Счастливцев — тенью вороновых крылий!

Настанет день, когда, подобно нам,
Сквозь вековечный мрак пробившись, люди
Пробудятся и, ветхий сбросив хлам,
Теснивший их, освобожденной грудью
Прижмутся к другу—друг и к брату—брат,
И расцелуются с любовью братской,
И станет страшной сказкой для ребят
Наш ветхий мир насилия и рабства.

□ □ □

Отступились сердца от меня!
Отвернулись друзья и родня!
Опустела живому земля...
Иль боятся те люди меня?

Лучше в дебрях бродить без тропы,
Чем отверженцем в сонме людей.
Почему среди этой толпы
Я один заклеймен, как злодей?

Одиноко брожу по земле,
Никому не желанен, не мил...
В целом мире не встретился мне,
Кто бы горе мое разделил.

Если б в слезы кровавые вновь
Мог я все свое горе излить,
Я бы выплакал всю свою кровь,
Чтоб с людьми ничего не делить.

□ □ □

Не разлучай меня с горючей болью,
Не покидай меня, о дума-мука
Над братским горем, над людским бездольем!

Рви сердце мне, о призрак бледнорукий!
Не дай заснуть в убийственном бесстрастьи—
Не отпускай меня, змея-гадюка!

Еще туман моих очей не застит —
Не дай забыться хоть на миг единый
Мечтой о собственном, презренном счастьи,

Пока вокруг рабы сгибают спины
И валятся, как стебли под косою,
И с колыбели вплоть до домовины

Живут с бедою, точно брат с сестрою.
Покамест жизнь победной колесницей
Проносится, смеясь над нищетою,

Покамест золотая небылица
Для миллионов — топленая хата,
Покамест слезы бороздят нам лица,

Покамест тружеников казематы
Глотают, и отчаявшимся стадом
Мрут с голоду бездомные ребята,

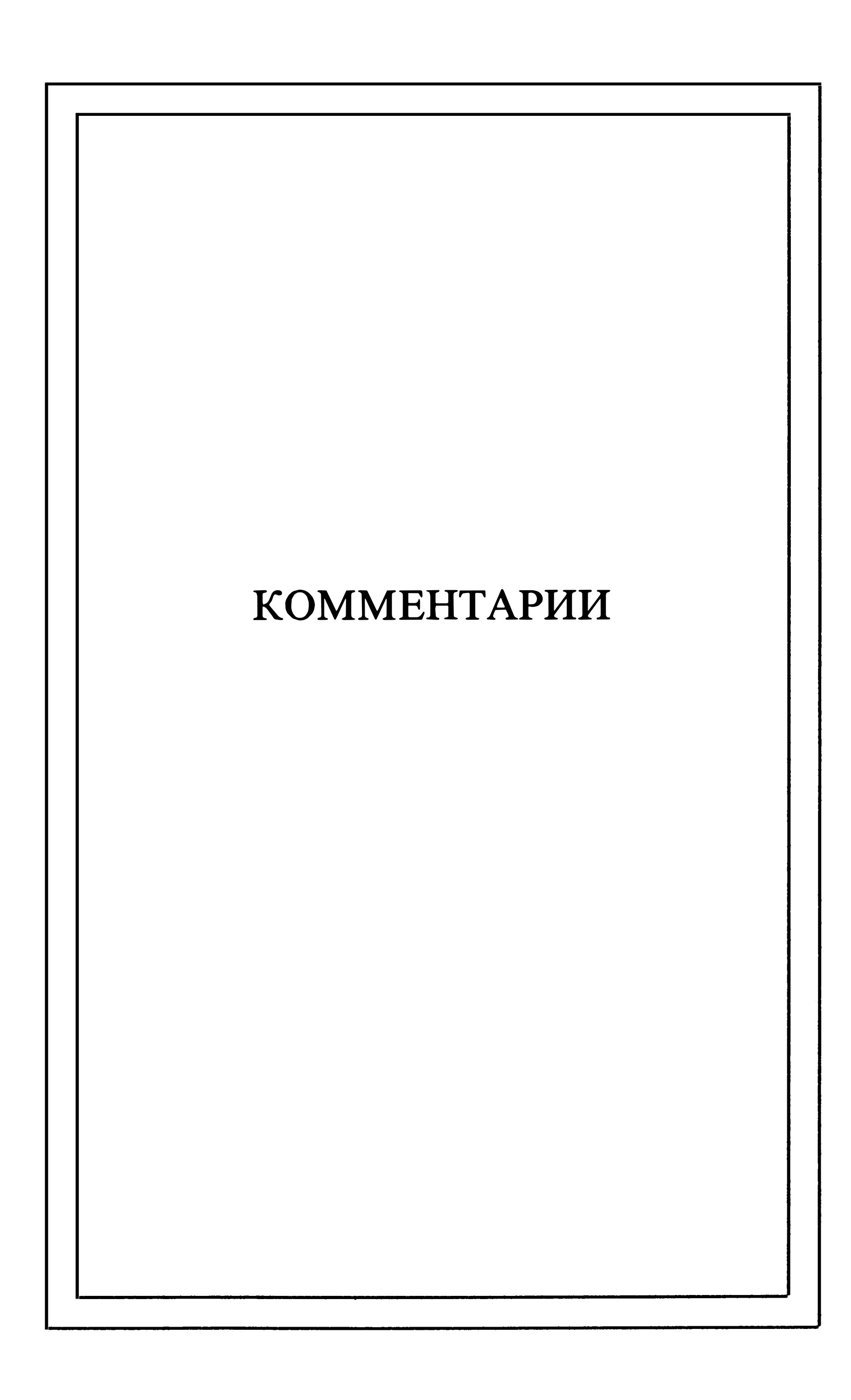
Покамест небо оскорбляет смрадом
Вместилища разврата и обмана,
Покамест идолы с бесстрастным взглядом

Тлетворным ядом отравляют раны
Народные, и на костях народных
Победу торжествуют Тамерланы, —

Не отпускай меня, о ртах голодных
Глухая дума! Лютыми клещами
Сжимай мне сердце, коли лечь на отдых

Задумаю! И днями и ночами
Тверди над ухом: «Ты им брат! Люби их!
Трудись для них словами и руками

Без сладких грез, без дум себялюбивых!»



КОММЕНТАРИИ

Плач Ярославны. — *Баян* — поэт-певец.

Большевик. — Обращено к Борису Александровичу Бессарабову (1897—1970), красноармейцу, герою поэмы Цветаевой «Егорушка» (см. т. 3).

Роландов рог. — *Роланд* (ум. в 778 г.) — рыцарь Карла Великого, герой французского эпоса. По преданию, погибая в неравной борьбе с сарацинами, затрубил в рог. Карл его услышал и отомстил врагам.

«Как закон голубиный вымарывая...» — *Тамерлан* (Тимур) (1336—1405) — государственный деятель, полководец. Создатель государства со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду. Совершал грабительские походы в Иран, Индию и другие страны.

Ученик (1—7). — Цикл, как и следующее за ним стихотворение, обращен к Сергею Михайловичу Волконскому (1860—1937), внуку декабриста, театральному деятелю и писателю, с которым Цветаева познакомилась в Москве в 1919 г., а в 1921 г. «переписывала ему начисто — из чистейшего восторга и благодарности — его рукописи... и ни строки своей не писала — не было времени — и вдруг прорвалась Учеником». В 1936 г. в одном из экземпляров сборника «Ремесло» Цветаева сопроводила опубликованный в нем цикл посвящением «Кн. С. М. В.» и записью: «Я тогда не проставила посвящения — чтобы *его* не смущать. *Люблю* его — до сих пор. 1921 г. — 1936 г. МЦ.» (Wiener slawistischer Almanach. Band 18. Wien, 1986, С. 270). В 1924 г. она опубликовала большой отзыв на книгу Волконского «Родина»: «Кедр. Апология» (см. т. 5). Дружеские отношения Цветаевой с Волконским продолжались за границей долгие годы.

1. *«Быть мальчиком твоим светлоголовым...»* — *Давид* (библ.) — легендарный царь Иудеи, добившийся могущества и процветания своего государства.

2. *«Есть некий час — как сброшенная кладжа...»* — Эпиграф — из стихотворения Ф. И. Тютчева «Видение».

3. *«Солнце Вечера — добрее...»* — *Песнопевцу* — Аполлону, богу искусств. *Феб* — одно из имен Аполлона.

4. *«Пало прениже волн...»* — *Змия мудрей...//Голубя кротче.* — Согласно евангельской легенде, Христос обратился к апостолам со словами: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».

Марина (1—4). — Посвящено Марине Мнишек (ок. 1588—ок. 1614), польской авантюристке, жене трех самозванцев, претендентов на русский престол в Смутное время.

1. *«Быть голубкой его орлиной!..»* — *Гул кремлевских гостей незваных.* — 1 мая 1606 г. войска боярина Шуйского, посланные на борьбу с Самозванцем (Лжедмитрием I), овладели Кремлем и ворвались во дворец. *Не в басмановской встал крови.* — Воевода Басманов вначале возглавлял войска, отправленные против Лжедмитрия I, но затем перешел на его сторону и погиб, защищая Самозванца и Марину.

2. *«Трем Самозванцам жена...».* — Марина Мнишек была женой Лжедмитрия I (казнен в 1606 г.), Лжедмитрия II («Тушинского вора») (казнен в 1610 г.) и атамана Заруцкого, примкнувшего к Лжедмитрию II (казнен в 1614 г.). *В гулкий оконный пролет...//Не махнувшая следом...* — Когда войска Шуйского ворвались в Кремлевский дворец, Лжедмитрий I «в смятении ужаса» «выскочил из палат в окно на Житный двор — вывихнул себе ногу, разбил грудь, голову и лежал в крови», — пишет Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского». *В маске дурацкой лежал...* — Убитого Лжедмитрия I положили вместе с Басмановым на площади, возле Лобного места, «на столе, с маскою, дудкою и волынкою, в знак любви его к скоморошеству и музыке».

3. *«Сердце, измена!..».* — *Краткая встряска костей о плиты.* — См. комментарий 2.

4. *«Грудь Ваша благоуханна...».* — *Горсть неподдельных жемчужин.* — Среди даров Самозванца Марине, согласившейся в 1605 г. стать его женой, были, как пишет Н. М. Карамзин, «три пуда жемчуга» и «четки из больших жемчужин».

Кн. С. М. Волконскому. — В рукописи стихотворение заканчивалось строфой, не вошедшей в окончательный текст:

Меж горних и земных вельмож
Чужой — что затаил под маской
Ты, человеческую ложь
Вскрывающий — клинком дамасским!

Разлука (1—10). — Цикл обращен к С. Я. Эфрону. Цветаева в то время не имела известий от мужа, покинувшего Родину с остатками Белой армии. Стихотворения образуют как бы единую поэму о разлуке — с мужем, с ребенком, с жизнью.

5. *«Тихонько...»* — *Топочет и ржет* — крылатый конь Пегас. *Лета* (греч. миф.) — река забвения в царстве мертвых.

⟨9⟩. *«Твои... черты...»* — *Ровесник мой год в год, день в день...* — В действительности же Цветаева родилась 26 сентября 1892 г., Эфрон — 29 сентября годом позже.

«Два зарева! — нет, зеркала́!..» — Обращено к поэту Михаилу Алексеевичу Кузмину (1875—1936), которого Цветаева видела зимой 1915—1916 г. в Петербурге и описала в прозе «Нездешний вечер» (1936): «...с конца залы, далекой — как в обратную сторону бинокля — огромные — как в настоящую его сторону — во весь глаз воображаемого бинокля — глаза... С того конца залы — неподвижно как две планеты — на меня шли глаза. Глаза были — здесь. Передо мной стоял — Кузмин» (см. т. 4).

Вестнику. — Обращено к И. Г. Эренбургу, уехавшему в заграничную командировку с письмом Цветаевой к С. Я. Эфрону и обещавшему разыскать его. 14 июля 1921 г. Цветаева получила от мужа первую весть. См. также цикл «Сугробы» и комментарий к нему.

Георгий (1—9). Легенда о святом Георгии, греческом воине, казненном около 303 г. во время гонения на христиан, вошла в духовную,

а затем и в светскую литературу как предание о витязе, победителе дракона, спасителе царской дочери. В цикле «Георгий» Цветаева переосмысливает характер Георгия Победоносца, который действует не по собственной воле, а как послушный «ставленник небесных сил»; он — не победитель, а побежденный — самим же собой, «победы не вынесший». Облику Георгия (любимое имя Цветаевой, так она назовет в 1925 г. сына) она придала внешние черты своего мужа.

〈8〉. *«Не лавром, а терном...»* — *Мальтийское злато... Мальтийская шпага... Мальтийский орден* — атрибуты средневекового духовно-рыцарского ордена.

Благая весть (1 — 5). — Обращено к С. Я. Эфрону. См. также комментарий к стихотворению «Вестнику».

5. *«Во имя расправы...»* — *Сцилла, Харибда* (греч. миф.) — чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывающих мимо мореходов. *Таврида* — название Крымского полуострова после его присоединения к России в 1783 г.

«Прямо в эфир...» — См. комментарии к циклу «Отрок».

Отрок (1 — 4) — Стихи вдохновлены общением с молодым поэтом Эмилием Львовичем Миндлиным (1900 — 1981), нашедшим в трудное для него лето 1921 г. гостеприимство и приют в доме Цветаевой. К нему и был обращен цикл, который начинался стихотворением «Прямо в эфир...».

Историю возникновения цикла Миндлин описал в своих воспоминаниях: «У „буржуйки“ 〈...〉 не текли — стояли наши тихие вечера. 〈...〉 Я с самого детства пристрастился слушать огонь в печи и чуть ли не в печь окунался лицом. Марина Ивановна подшучивала надо мной, называла „огнепоклонником“. Однажды посвятила огнепоклонству моему стихотворение — оно вошло потом в цикл стихов под общим названием „Отрок“, которым она одарила меня. (На восемь лет старше была, а меня отроком называла — это в двадцать один-то!) Четыре стихотворения (первые!) написаны за четыре дня августа 1921 года.

Но цикл начался не с „Огнепоклонника“, а с восьмистишия, что первым открыло весь этот цикл. 〈...〉 И родилось это восьмистишие из его последней строки, вспыхнувшей в ее устах на Воздвиженке, когда мы возвращались с ней от Волконских. Может быть, так и не вспыхнула бы эта строка, не ушибись я об угол дома. Шел, как слепой, читая стихи, и, как слепой, налетел на дом. И еще потирал ушибленное колено, и руку, и лоб, когда она, дожидаясь меня, сказала:

— Налетаете на дома. Тесно вам в городе. А в сущности, городские дома вас спасают, хоть вы и бьетесь о них. Вам в открытом месте нельзя — в небо ступнете!

Пришли домой — она, только войдя, дочери без улыбки сообщила:

— Аля, Э〈милий〉 Л〈ьвович〉 опять чуть в самое небо не ступил.

А на другой день у печки прочла восьмистишие. Последние две строки:

— Остановись! —
В небо ступнешь...

А еще через день — после того, как ночью (и не впервые) криком своим во сне перепугал и Марину и Алю, — прочла второе стихотворение из цикла:

...Вздох и огромный выдох.... *и т. д.*

И только потом — об огне, огнепоклоннике — третье и четвертое о грустноглазом народе... И на пятый день все четыре переписала и к вечеру, когда загудел, завихрился в моей печурке огонь, вынесла из кельи свой листок: вам о вас, от меня...» (Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель. 1992. С. 116—117).

Эпиграф: *Геликону.* — В 1922 г. Цветаева, однако, посвятила цикл «Отрок» Геликону (Абраму Григорьевичу Вишняку, 1895—1943), владельцу русского издательства «Геликон» в Берлине, где в 1923 г. вышла ее книга «Ремесло». См. «Флорентийские ночи» и комментарии к ним в т. 5.

1. *«Пустоты отроческих глаз! Провалы...». — Вздох — и огромный выдох...* — См. выше. *...тревожа сон Давидов,//Захлебывался царь Саул.* — По Библии, Саул, завидовавший славе и добродетелям Давида, будущего царя Иудеи, стремился его убить и всюду преследовал.

3. *«Простоволосая Агарь — сижу...» — Агарь* — см. стихотворение «По загарам — топор и плуг...» и комментарий к нему.

4. *«Виноградины тщетно в садах ржавели...».* — В стихотворении использованы мотивы из библейской Песни Песней.

«Веками, веками...» — Примыкает к циклу «Отрок». *Сивилла* — см. комментарии к циклу «Сивилла».

«Соревнования короста...» — 12 мая 1926 г. Цветаева сделала пояснение к циклу на экземпляре «Психеи», предназначенном для Рильке: «Наша величайшая поэтесса, с которой меня всегда хотят поссорить (ее читатели и мои), как будто „ее“ и „мои“ здесь что-нибудь значит!» (Небесная арка. Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке. Спб.: Акрополь, 1992. С. 64—65).

Маяковскому («Превыше крестов и труб...»). — По свидетельству А. С. Эфрон, это стихотворение Цветаева читала в Москве Маяковскому и «вспоминала, что понравилось». «Всю жизнь Маяковский оставался для нее истиной неизменной; всю жизнь хранила она ему высокую верность собрата» (Эфрон А. О Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1989. С. 139—140). Маяковский же был мало знаком с творчеством Цветаевой, а к тому, что знал, относился скептически. Так, Цветаева была уязвлена его статьей «Подождем обвинять поэтов», где говорилось о «цыганском лиризме» ее книги «Версты» (М.: Костры, 1921) и где автор иронически предлагал читателю предпочесть в этом отношении Сельвинского. Она с горечью писала об этом Пастернаку 21 июня 1926 г. и просила его передать Маяковскому, что у нее есть и другие книги.

Ханский полон (1—4).

4. *«Не растеклась еще...»—Времячко Бусово.*—В «Слове о полку Игореве» готские девы «поют время Бусово», воспевая расправу гóтского войска в 375 г. над князем *Бусом* (Бозом), предком восточных славян. *Жаль* (в «Слове» *Жля*)—нарицательное имя, обозначающее и обобщающее образы печали и скорби. *Див*—сказочная зловещая птица. *Гзак* (*Гза,* Кза), *Кончак*—имена половецких ханов.

«Семеро, семеро...»—Семь твоих шкур.—По народному поверью, весной змея сбрасывает шесть шкур, оставаясь в седьмой, новой.

Хвала Афродите (1—4).

1. *«Блаженны дочерей твоих, Земля...»—Елисейские поля*—по представлениям древних, местопребывание душ умерших героев, любимцев богов. То же, что элизиум.

2. *«Уже богов—не те уже щедроты...»—Венерины, летите, голубки.*—Голубь—один из атрибутов Афродиты (Венеры).

3. *«Тщетно, в ветвях заповедных кроясь...». —Пояс, мирт*—атрибуты Афродиты. *...стрелой тупою||Освободил меня твой же сын.*—Эрот (Амур), бог любви, сын Афродиты; изображался в виде мальчика со стрелами.

4. *«Сколько их, сколько их ест из рук...—Камень безрукий.*—Подразумевается, вероятно, античная статуя Венеры Милосской.

«От гнева в печени, мечты во лбу...»—...ее закон—замок.—В рукописи после этих слов шли строки, не вошедшие в окончательный текст:

Дабы всех надписей взамен—одна
Была на гробе нам: Была верна.

Ключом серебряным—алмаз-серьгу—
Богиня Верности, замкни рабу!

Чтобы цены ее не выдал луч—
Ключом серебряным—и в воду ключ.

Молодость (1—2). Запись Цветаевой при работе над стихотворением: «Всё раньше всех: Революцией увлекалась 13-ти лет, Бальмонту подражала 14-ти лет,—и теперь, 29-ти лет... окончательно распростилась с молодостью».

1. *«Молодость моя! Моя чужая...»*—В рукописи зачеркнуто:

Выжила школьного постояльца!
〈Молодость моя—сдалась насилу!〉
Голая стою—глаза раскрыла.
Так дитя, на дальние светила
Изумясь, кольцо роняет с пальца.

«Справа, справа—баран круторогий!..»—Баран круторогий—месяц. По старинному русскому поверью, кто увидит новую луну с правой

стороны, получит доход (будет удачлив). *Лета*—см. комментарий к стихотворению «Тихонько...».

«Так плыли: голова и лира...»—По преданию, древнегреческий певец и музыкант Орфей был растерзан вакханками, бросившими его останки и его лиру в реку Гебр.

«Грудь женская! Души застывший вздох...»—В 1940 г. Цветаева озаглавила это стихотворение «Амазонки», по названию легендарного племени женщин-воительниц, обитавших на восточном побережье Черного моря. Амазонки не терпели мужчин и выходили в походы под предводительством своей царицы. *Об одногрудых тех.*—По преданию, девочкам-амазонкам выжигали правую грудь, чтобы она не мешала при натягивании лука.

Подруга (1—5).—Цикл обращен к Надежде Александровне Нолле-Коган (1888—1966), близкому другу А. Блока в последние годы его жизни.

1. *«Спит, муки твоея—веселье...»*—*Над Иверскою колыбелью*—см. комментарий к стиху «Из рук моих—нерукотворный град...». *Дитятко твое*—9 июня 1921 г. у Н. А. Нолле-Коган родился сын, названный в честь Блока Сашей. Цветаева считала ребенка сыном Блока, возможно, со слов самой Нолле-Коган. К циклу «Вифлеем», тематически примыкающему к «Стихам к Блоку», Цветаева поставила посвящение: «Сыну Блока,—Саше». В 1924 г. она писала Роману Гулю о мальчике: «Родился в июне 1921 г., за два месяца до смерти Блока. Видела его годовалым ребенком: прекрасным, суровым, с блоковскими тяжелыми глазами ⟨...⟩ с его изогнутым ртом. Похож—больше нельзя...»

Вифлеем (1—2).—См. комментарии к предыдущему циклу. *Вифлеем* (библ.)—место рождения Иисуса Христа.

«Как по тем донским боям...»—Обращено к С. Я. Эфрону.

Ахматовой («Кем полосынька твоя...»)—В стихотворении намекается на смерть Блока и Гумилева.

Москве (1—2).

⟨1⟩. *«Первородство—на сиротство!..»*—*Драгомилово, Рогожская*—названия московских застав. *Иверская Мати*—см. комментарий к стихотворению «Москва!—Какой огромный...».

Новогодняя—Обращено к С. Я. Эфрону, который в это время находился в Праге.

Новогодняя (вторая)—Обращено к С. Я. Эфрону.

«Каменногрудый...»—*...Шенье—на плаху.*—См. цикл «Андрей Шенье» и комментарии к нему.

«Не ревновать и не клясть...»—*Чабров* А. А. (настоящая фамилия Подгаецкий; ок. 1888—ок. 1935)—актер и музыкант, друг композитора Скрябина; впоследствии уехал за границу, мечтая основать собственный театр, но вместо этого перешел в католичество и стал священником. Чаброву Цветаева посвятила поэму «Переулочки» (см. т. 3).

«По нагориям...» — *Китеж* — по преданию, город, спасаясь от татарского нашествия, погрузился в воды озера Светлояр.

«Не похорошела за годы разлуки!..» — Обращено, как и стихотворение «Верстами — вновь — разлетаются брови...», к С. Я. Эфрону.

«А и простор у нас татарским стрелам!..» — *...Алешеньки-то кровь, Ильи!* — Имеются в виду богатыри Алеша Попович и Илья Муромец, герои русских былин.

«Не приземист — высокоросл...» — *В верхнем городе Леонардо.* — В разработанном Леонардо да Винчи (1452—1519) проекте города будущего предусматривались две части: благоустроенный верхний город для знати и нижний — для простого народа.

Дочь Иаира (1—2). — В стихотворении обыгрывается евангельский рассказ об исцелении Иисусом Христом двенадцатилетней дочери начальника синагоги Иаира, которую он воскресил от сна-смерти.

«На заре — наимедленнейшая кровь...» — *...Над разбитым Игорем плачет Див.* — Реминисценция из «Слова о полку Игореве». *Див* — см. комментарий к стихотворению «Не растеклась еще...».

Сугробы (1—11) — Цикл обращен к Илье Григорьевичу Эренбургу (1891—1967). О взаимоотношениях Цветаевой и Эренбурга см. в кн.: Эфрон А. О Марине Цветаевой (М.: Сов. писатель, 1989. С. 116—120). В 1960 г. Эренбург посвятил воспоминаниям о Цветаевой главу в книге мемуаров «Люди, годы, жизнь». См. также письма к нему в т. 7.

〈1〉. *«Небо катило сугробы...»* — *Брюс* Яков Вилимович (1670—1735) — русский государственный деятель, один из составителей «Брюсова календаря», где были представлены различные предсказания.

〈2〉. *«Не здесь, где связано...»* — *Лазарь* — имя нищего человека (миф.).

〈8〉. *«А сугробы подаются...»* — *Скоро расставаться.* — Цветаева уже собиралась за границу к мужу. См. комментарий к стихотворению «Вестнику».

«Есть час на те слова...» — Первоначально было обращено к А. Г. Вишняку (см. комментарии к циклу «Отрок»). Написано в Берлине, куда Цветаева приехала 15 мая 1922 г. и где прожила два с половиной месяца. См. также стихотворение «Берлину».

«Лютая юдоль...» — Начало, зачеркнутое в рукописи:

1

Не спрашиваю — и не спрашивай!
Ведь праведными — не накрашенными,
Устами ведь, а не стихами ведь:
Не памятниками — беспамятностями.

2

После одежд выспренных –
Здравствуй, покров содранный!
Целую жизнь – рифмами,
А на сей раз – ребрами,

Древним ребром вздыбленным:
Взрывами – первоглыбами...

Земные приметы (1 – 8). – Стихотворения первоначально были обращены к А. Г. Вишняку (см. комментарий к стихотворению «Лютая юдоль...».)

1. *«Так, в скудном труженичестве дней...»* – В рукописи первая строфа имела вариант:

Так, в равноденственности сердец,
Меж стольких женственностей и детств
Блаженствуя, – проживешь и без
Не-женских моих чудес...

2. *«Ищи себе доверчивых подруг...»* – В стихотворении выражена много раз встречающаяся у Цветаевой мысль о двух видах любви: земной, олицетворенной в Венере, в Еве, в гомеровской Елене, – и духовной, олицетворенной в Психее. «...тела́ (вкусовые пристрастья наши!) бесчеловечны. Психею (невидимую!) мы любим вечно, потому что заочное в нас любит – только душа! Психею мы любим Психеей, Елену Спартанскую мы любим... чуть ли не руками – и никогда наши глаза и руки не простят ее глазам и рукам ни малейшего отклонения от идеальной линии красоты. Психея вне суда – ясно? Елена *непрестанно* перед судьями» (письмо А. В. Бахраку от 20 июля 1923 г.).

3. *(Балкон).* – *Иордань* – здесь: прорубь.

4. *«Руки – и в круг...»* – Начало, зачеркнутое в рукописи:

Дело не в том:
Нынче меня, а потом другую!
Легким перстом
Новую рану твою ревную.

Ревность в дугу
Сжав – заклинаю свою же верность
В легком кругу
Недостоверных моих соперниц.

5. *«Удостоверишься – повремени!..»* – *...Не о сокровищнице – Суламифь:||Горсточке красной глины!* – Суламифь – возлюбленная библейского царя Соломона, который посвятил ей Песнь Песней. *Горсточка красной глины* – здесь: плоть человеческая (по библейскому преданию,

первого человека Адама Бог создал из праха земного). Стихотворение имело первоначальный вариант:

...От нищенств и напраслин.
Да, ибо в час, когда придут цари,
Дитя покинет ясли.

Сиротствующее — найдет отца,
И даже век не взбросит,
Когда придут и розы, и сердца,
И лавры на серебряном подносе.

Удостоверишься, — повремени! —
Что, выброшенной на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

И вместо всех — в маревах дней и судеб —
Мне строящихся храмин —
Я бы хотела так: камень на грудь —
И под голову — камень.

Июль 1922 г.

«Помни закон...» — В небе тарпейских круч... — Имеется в виду Тарпейская скала в Древнем Риме, откуда сбрасывали преступников.

«По загарам — топор и плуг...» — ...Сарру-заповедь и Агарь-||Сердце бросив... — По библейскому преданию, бесплодная Сарра отдала своему мужу Аврааму в наложницы служанку Агарь, чтобы та родила ему наследника. Агарь родила сына Измаила и возгордилась, за что была изгнана из дома. *Сарра-заповедь* олицетворяет законную супругу, данную Богом, а *Агарь-сердце* — свободную и недолговечную любовь.

«Здравствуй! Не стрела, не камень...» — ...Я сегодня в новой шкуре:||Вызолоченной, седьмой! — См. комментарий к стихотворению «Семеро, семеро...».

«В пустынной хра́мине...» — Логос (греч.) — Слово.

«Ночного гостя не застанешь...» — Кифара — древнегреческий струнный музыкальный инструмент, разновидность лиры.

«И скажешь ты...» — Златоуст Иоанн (ок. 347 — 407) — византийский церковный деятель. Отличался необыкновенным красноречием и слыл на Руси идеалом проповедника.

«Неподражаемо лжет жизнь...» — Написано под сильным впечатлением от книги Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь» (М., 1922) и послано ему с припиской: «После Сестры моей Жизни. 19 ноября 1922 г.»

«Листья ли с древа рушатся...» — отрывок из поэмы «Мо́лодец». В виде отдельного стихотворения вписан Цветаевой в книгу, подаренную Марии Сергеевне Булгаковой (1898 — 1979).

«Светло-серебряная цвель...» — *Пэри* (пери) (перс. миф.) — добрые феи, имеющие вид крылатых женщин. Призваны охранять людей от злых духов.

Сивилла (1 — 3). — *Сивилла* — прорицательница, которой, по преданию, Аполлон дал вечную жизнь. В трактовке Цветаевой Сивилла превращена в высушенный ствол-пещеру, в которой совершается прорицание.

1. *«Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...».* — *Дивному голосу.* — «Вот эпиграф к одной из моих будущих книг, — писала Цветаева. — (Слова, вложенные Овидием в уста Сивиллы, привожу на память) «Мои жилы иссякнут, мои кости высохнут, но ГОЛОС, ГОЛОС — оставит мне судьба!» (имеются в виду строки 152 — 154 из 14-й книги «Метаморфоз» Овидия).

2. *«Каменной глыбой серой...»* — Первоначальный вариант окончания стихотворения:

Битв... ибо веком сглазив
Вечным — навек взошел
В тело (столбняк и кладезь)
Фебовой флейты ствол.

Помета в рукописи: «NB! — сглазив — как наказав: наказав вечным *веком,* бессмертием.»

«Но тесна вдвоем...» — *В гордый час трубы* — то есть Страшного суда. *...скорбит//Об упавшем ввысь//По сей день Давид!* — Авессалом, сын царя Давида (библ.), восстал против отца, чтобы овладеть престолом. Спасаясь от преследования, он запутался волосами в ветвях дуба, повис «между небом и землей», был настигнут врагами и убит. Давид горько оплакивал сына.

«Леты подводный свет...» — *Лета* — см. комментарий к стихотворению «Тихонько...».

Деревья (1 — 9). — Цикл посвящен Анне Антоновне Тесковой (1872 — 1954), писательнице и переводчице, с которой Цветаева познакомилась в Праге. Дружба с Тесковой (после переезда Цветаевой во Францию) продолжалась вплоть до отъезда Цветаевой на родину. См. письма к ней в т. 6.

1. *«В смертных изверясь...»* — *...рябина//Краше Давида-Царя...* — По Библии, иудейский царь Давид отличался красотой.

2. *«Когда обидой — опилась...»* — *Авессалом* — см. комментарий к стихотворению «Но тесна вдвоем...».

4. *«Други! Братственный сонм!...»* — *Стогны* — площади. *...над сбродом кривизн.* — «Я скоро перестану быть поэтом и стану проповедником: против *кривизн.* «Не: *не хочу* людей, а *не могу* людей» (письмо Цветаевой Р. Б. Гулю от 9 февраля 1923 г.).

5. *«Беглецы? — Вестовые?..»* — *Чернецы* — монахи. *...Саул за Давидом:// Смуглой смертью своей* — см. комментарий к стихотворению «Пустоты отроческих глаз! Провалы...» — Саул погиб в борьбе с филистимлянами. Он был сильно изранен стрелами и, чтобы не сдаваться врагу, закололся мечом.

7. *«Та, что без видéния спала...»* — *Скáла* — здесь: гамма оттенков. Стихотворение имело первоначальный вариант:

Рассеивающий листву, как свет,
Клен! — Жрец светорожденный!
Лишь Богу своему глядящий вслед
Соборною колонной

Ствола, незыблемого, как псалом.
Встав от начала века —
Живее Библии являешь в дом —
День, когда тьма от света

Отделена была. Столь наг и чист
Свет, что три ночи сряду
Стихи забрасываю: каждый лист —
Целою Мессиадой!

9 октября 1922 г.

Мессиада — от мессы (обедни).

«Золото моих волос...» — *Пепел||Фениксов* — см. комментарий к стихотворению «Что другим не нужно — несите мне...»

Заводские (1—2). — Написано после приезда Цветаевой в Прагу; навеяно впечатлениями от фабрично-окраинного района города, где жил Сергей Эфрон.

«Это пеплы сокровищ...» — *...Соломоновы пеплы||Над великой тщетой.* — Библейский царь Соломон, воспевавший земные радости, под старость уверился в «тщете» всего земного. По преданию, на его перстне было написано: «И это пройдет».

«А любовь? Для подпаска...» — *На горах Парадиза* — то есть в местах блаженства и успокоения духа (миф.).

«Спаси Господи, дым!..» — В окончательный текст не вошла строфа (после 3-й):

Круто выпятив грудь
(Свод отличий такого-то года...)
Хорошо б прошмыгнуть
Потихоньку по черному ходу!

Хвала богатым. — *Как верблюды в иглу пролезли.* — Намек на слова Христа: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное».

О том, как родился замысел стихотворения, пишет М. Л. Слоним: «М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩ в 1923—1925 годах часто заходила в редакцию и познакомилась там с Лазаревым. Она ему понравилась, и он сказал ей в своей обычной манере, полушутя, полусерьезно:

«Недаром о белых сочиняете, небось генеральская дочь». — «Да, — ответила Марина, — но генерал до 12 лет без сапог ходил, как и вы в детстве, Егор Егорович». В дальнейшем разговоре кто-то упомянул об одной пражской эмигрантке, сорившей деньгами, чудившей, не знавшей, что с собой делать. Мы молчали. «Люблю богатых, — вдруг сказала М⟨арина⟩ И⟨вановна⟩, беря новую папиросу, — мне их жалко». А через несколько дней прислала мне свою пародийно-саркастическую «Хвалу богатым». (Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 315). *Лазарев* Егор Егорович (1855—1937) — эсер, принимал участие в издании журнала «Воля России».

Бог (1—3).

2. *«Нищих и горлиц...» — Даже осиной.* — К этим словам — примечание в рукописи: «На осине повесился Иуда».

«Так, заживо раздав...» — Семирамида (миф.) — царица, для которой, по преданию, в Вавилоне были сооружены висячие сады — одно из семи чудес света.

Другая редакция стихотворения:

Так, заживо раздав
Жизнь: смехотворный скарб свой:
Памятей — песен — слав...
Шагом Царицы Савской,
Спускающейся в пруд,
(Шагом — без провожатых!)
И знающей, что ждут
Ризы — прекрасней снятых
По выходе из вод...
(А может от щедрот
Устав и от хваленой
Мудрости Соломона...)
Так стихотворный скарб свой
Раздариваю: вот! —
Жестом Царицы Савской...

7 октября 1922

Шагом Царицы Савской,//Спускающейся в пруд... — Согласно преданию, царица Савская, легендарная царица Сабейского царства, пришла в Иерусалим испытать царя Соломона загадками и поразилась его мудрости. В свою очередь, Соломон, желая узнать, верно ли, что у царицы козлиные ноги, заставил ее пройти по зеркальному полу, принятому царицей Савской за озеро (ветхозав.).

Рассвет на рельсах. — *Знак: сорок человек//И восемь лошадей* — дореволюционная норма загрузки товарных вагонов, обозначавшаяся на их стенках.

«Нет, правды не оспаривай...» — *Метастазио* (настоящая фамилия Трапасси) Пьетро (1698—1782) — итальянский поэт, драматург-либреттист.

Душа. — *Нереиды* — см. комментарий к стихотворению «Очаг мудреца». *Хвалынь* — от древнерусского названия Каспийского моря — Хвалынское. *Скиния* — походный храм-шатер у древних евреев.

Скифские (1—3).

3. *«От стрел и от чар...»* — *Иштар* — богиня плодородия у древних вавилонян. *Руда* — кровь.

Лютня. — *Перед Саулом-Царем кичась...* — Царь Саул за непослушание был наказан Богом: царя преследовал злой дух. *Аггел* (греч.) — злой дух. *Бедный Давид.* — Юный Давид призван был, играя на гуслях, отгонять от Саула злых духов.

Азраил. — *Азраил* — ангел смерти у мусульман. *Эрос* (греч. миф.) — бог любви.

«Оперением зим...» — *Херувимы* (библ.) — символические крылатые существа, окружавшие престол Божий. *Гавриил* — архангел, посланный Богом к деве Марии с вестью о грядущем рождении сына, который станет Мессией. *Азраил* — см. предыдущий комментарий.

Офелия — в защиту королевы. — *...Тяжёле виновная — Федра...* — См. следующий комментарий.

Федра (1—2). — *Федра* (греч. миф.) — супруга царя Тезея, влюбившаяся в своего пасынка Ипполита. Цветаева написала на этот сюжет трагедию «Федра» (1927) (см. т. 3). *Геркуланум* — город в древней Италии, погибший в 79 г. н. э. от извержения Везувия. *Пеплум* (лат.) — накидка, плащ. *Гарпия* (миф.) — крылатое чудовище, символ возмездия. *Стилос* — металлический стержень, которым древние писали на восковых дощечках.

Провода (1—10). — Цикл обращен к Борису Пастернаку (1890—1960), горячая дружба с которым у Цветаевой завязалась с 1922 г. Их переписка длилась многие годы (см. т. 6). Цикл «Провода» создан в самом апогее переписки поэтов. Пастернак, начавший переписку первым восторженным отзывом на книгу Цветаевой «Версты» (1921 г.), сохранил на всю жизнь восхищение ее творчеством. Он посвятил Цветаевой несколько стихотворений и вспоминал о ней в автобиографическом очерке «Люди и положения». К Пастернаку обращены цветаевские стихотворения «Сахара», «Строительница струн — приструню...», «Двое», «Рас — стояние: версты, мили...», «В седину — висок...», «Русской ржи от меня поклон...». См. также «Световой ливень», «Эпос и лирика современной России», «Поэты с историей и поэты без истории» (т. 5).

Эпиграф — неточная цитата из романа немецкого писателя Ф. Гёльдерлина (1770—1843) «Гиперион, или Отшельник в Греции».

1. *«Вереницею певчих свай...».* — *Ариаднино: ве — ер — нись....* — *Ариадна* (греч. миф.) — невеста Тезея, покинутая им. На этот сюжет Цветаева написала трагедию «Ариадна» (1924).

2. *«Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...»* — *Федра, Ипполит, Ариадна, Тезей.* — См. комментарии к циклу «Федра» и предыдущему стихотворению. *Наксос* — остров, на котором Тезей покинул спящую Ариадну. *Стикс* (греч. миф.) — река в царстве мертвых.

5. *«Не чернокнижница! В белой книге...»* — *Как прозорливица — Самуила.* — По библейскому преданию, дух умершего пророка Самуила, вызванный волшебницей, предсказал царю Саулу поражение и гибель в бою с филистимлянами.

6. *«Час, когда вверху цари...»* — *Вверху цари* — здесь: зажигающиеся в небе звезды, отождествляемые поэтом с царями-волхвами, пришедшими поклониться новорожденному Иисусу Христу.

9. *«Весна наводит сон. Уснем...»* — *Кому печаль свою повем...* — слова из Псалтыри.

10. *«С другими — в розовые груды...»* — *Всех Рахилей* — то есть всех красавиц (*Рахиль* — любимая жена Иакова; библ.).

«Голубиная купель...» — *Амор* (лат.) — любовь.

Эвридика — Орфею. — Об *Эвридике* и *Орфее* см. комментарий к стихотворению «Как сонный, как пьяный...» *До самых летейских верховий...* — *Лета* — см. комментарий к стихотворению «Тихонько...». *С бессмертья змеиным укусом...* — «(Эвридика погибла от укуса змеи. Змея — бессмертие)», — поясняла Цветаева.

Поэты (1—3).

1. *«Поэт — издалека заводит речь...»* — *Кант* Иммануил (1724—1804) — немецкий философ. *В каменном гробу Бастилий...* — Имеется в виду Андре Шенье, заточенный в Бастилию. См. также цикл «Андрей Шенье» и комментарии к нему.

2. *«Есть в мире лишние, добавочные...»* — *Лепрозариумов* (лепрозориумов) *крап!..* — пятна проказы; *лепрозорий* — место содержания прокаженных. *Иов* (библ.) — патриарх, которого Бог, желая испытать его веру, поразил проказой, лишил семьи и имущества.

Ариадна (1—2). — См. комментарий к стихотворению «Вереницею певчих свай...»

Прага. — *Тянет стан* — намек на готическую (вытянутую вверх) архитектуру города. *Деворадуется* — от слов молитвы «Богородице, дево, радуйся».

Педаль. — *Китеж* — см. комментарий к стихотворению «По нагориям...».

Ладонь. — *Сивилла* — см. комментарии к циклу «Сивилла». *Быть неким Сцеволой* — Гай Муций *Сцевола* — римский юноша, по античному преданию, пробрался в лагерь этрусков, чтобы убить их царя. Был схвачен и, желая показать презрение к смерти, опустил правую руку в огонь.

Облака (1—3).

2. *«Стой! Не Федры ли под небом...»* — О *Федре* см. комментарий к циклу «Федра». *Иродиады с чубом.* — *Иродиада* (библ.) — жена иудей-

ского царя Ирода, научившая свою дочь Саломею потребовать у него в награду за пляску голову Иоанна Крестителя, которую и получила на блюде. *Иерихонским трубом.* — По библейскому преданию, стены города Иерихона разрушились от звука труб осаждавшей его армии.

3. *«Нет! Вставший вал!..». — Пророк оправдан... Шествие морем Чермным.* — При исходе из Египта (библ.) иудеи, преследуемые войсками египетского фараона, возроптали на своего предводителя, пророка Моисея, но тот спас их (чем и возвратил их доверие), посуху переведя через Чермное (Красное) море. *...Юдифь — //Голову Олоферна!* — По библейской легенде, Юдифь, пленив Олоферна, предводителя войск Навуходоносора, отрубила ему, сонному, голову и таким образом помогла иудеям одержать победу над лишившимся предводителя врагом.

Так вслушиваются... (1 — 2).

2. *«Друг! Не кори меня за тот...» — ...Велик//Бог — посему крутúтесь!..* — Намек на библейскую легенду о том, как царь Давид, празднуя перенесение Ковчега Божия, святыни иудеев, в Иерусалим, плясал перед ним.

Ручьи (1 — 2).

1. *«Прорицаниями рокоча...» — Нераскаянный скрипач* — Никколо Паганини (1782 — 1840), великий итальянский скрипач и композитор, враждовавший с церковью и умерший без покаяния. *Piccicato* (пиццикато) — игра на смычковом инструменте при помощи щипков. *Страдивариус* — скрипка (по имени знаменитого мастера Антонио Страдивари; 1643 — 1737).

2. *«Монистом, расколотым...». — Дзингара* — цыганское имя.

Окно. — ...Вдовою индусскою//В жерло златоустое... — По древнеиндийскому обычаю, вдова бросалась в костер, на котором сжигали прах ее мужа.

Хвала Времени. — Вера Александровна *Аренская* (Завадская, сестра актера Ю. А. Завадского; ок. 1895 — 1930) — соученица Цветаевой по гимназии.

Диалог Гамлета с совестью. — На дне она, где ил... — Офелия, героиня трагедии Шекспира «Гамлет», утонула в реке. *Но я ее любил,//Как сорок тысяч братьев...* — Слова Гамлета из V акта этой трагедии.

Расщелина. — ...Елениной красной Трои. — Речь идет о Троянской войне, разыгравшейся из-за прекрасной Елены (сюжет «Илиады» Гомера). *...Сочетавшись с тобой, как Этна с Эмпедоклом. — Эмпедокл* (ок. 490 — 430 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и поэт. По преданию, бросился в кратер вулкана Этны, желая утвердить о себе славу, будто стал богом.

«На назначенное свиданье...» — К горькой руте. — Утратившая рассудок Офелия раздает всем цветы, а себе оставляет руту как символ скорбного воспоминания.

«Рано еще — не быть!..» — Строфа, от которой Цветаева отказалась:

Раны — на целый Рим
Вам не уступит мать.
...Как уступить другим
Так от тебя страдать?

Луна — лунатику. — *Урания* (греч. миф.) — муза астрономии. Здесь, вероятно, как один из эпитетов Афродиты, олицетворения возвышенной любви.

«Строительница струн — приструню...» — Вариант начала стихотворения:

Расплесканную в птичьем свисте, —
Зачем не уберег!
Набросанную щедрой кистью
На полотне дорог...

Там, где с души срываю путы,
Семь проводов слились —
Всё я, твоей бессменной смуты
Единственная мысль!

Последние строфы, не вошедшие в окончательный текст:

А молнии! Какой пожар в них!
Град, говорят, — всесветн!
(Ты продвиженье льдов полярных,
Ты — изверженье Этн!)

Нет, я щедрот таких не стою,
(Дом — тонет, сонмы крыс...)
Хранительница бурь, пристрою
И эту... Оступись

Мне в душу. — Эмпедоклом в Этну!
В ней, говорят, краснó!
〈Так погибать — честнó!〉
Сокровища мои — несметны...
Друг, опусти письмо!

Эмпедоклом в Этну — см. комментарий к стихотворению «Расщелина».

Ночь («Когда друг другу лжем...») — *Мúлоть* (у Цветаевой — милóть) — верхняя одежда из овчины.

Рельсы. — *...Пушкинское: сколько их, куда их...* — Намек на стихотворение А. С. Пушкина «Бесы». *Женою Лота...//застывшие столбы.* — По библейскому преданию, жена праведника Лота была превращена в соляной столб за то, что, покидая родной город, нарушила запрет и оглянулась на его стены. *Сафо* — древнегреческая поэтесса (конец VII — начало VI в. до н. э.). По преданию, покончила собой из-за неразделенной любви к юноше Фаону.

Вариант последних строф:

Все мы школьники и все мы швеи...
Вещь по имени ее назвав —
Наши белошвейкины трофеи:
Даль вдоль насыпи и гарь в ноздрях.

Вот и не было тебя! Впустую
— Птицей — выплеснувшийся рукав...
К белому полотнищу вплотную
Грудью и дыханием припав...

Брат. — *...Что́ по ночам шептал//Цезарь — Лукреции.* — По преданию, итальянский политик *Цезарь* (Чезаре) Борджиа (ок. 1475 — 1507) находился в кровосмесительной связи со своей сестрой и сообщницей *Лукрецией* (1480 — 1519).

Час души (1 — 3). — Обращено к Александру Васильевичу Бахраху (1902 — 1985), молодому критику, написавшему рецензию на книгу Цветаевой «Ремесло». См. также обращенные к нему стихотворения: «Наклон», «Раковина», «Заочность», «Письмо», «Минута» и письма к нему (т. 6).

1. *«В глубокий час души и ночи...»* — «В глубокие часы души... все мои опыты, все мои старые змеиные кожи — падают» (письмо Цветаевой А. В. Бахраху от 25 июля 1923 г.). — *Римская волчица.* — По преданию, Ромул и Рем, легендарные основатели Рима, были вскормлены волчицей. *Дщерь египетская.* — См. стихотворение «И поплыл себе — Моисей в корзине!..» и комментарий к нему.

2. *«В глубокий час души...»* — *Вега* — одна из самых ярких звезд Северного полушария.

3. *«Есть час Души, как час Луны...»* — *...струны//Давидовой сквозь сны//Сауловы...* — См. комментарий к стихотворению «Лютня».

Сок лотоса. — *Лотос* — священное растение, сок которого, по преданию, приносит забвение.

«Всё так же, так же в морскую синь...» — *Ариадна* — см. комментарий к стихотворению «Вереницею певчих свай...». *Федра* — см. комментарии к циклу «Федра».

Заочность. — *Кастальский ток* — источник, священный ключ поэтического вдохновения на горе Парнас, где обитали Апо́ллон и музы (греч. миф.).

Наука Фомы. — *Фома* (библ.) — апостол, прозванный Неверующим за то, что, услышав о воскресении Иисуса, усомнился в этом.

Магдалина (1 — 3). — В цикле Цветаева отождествляет свою лирическую героиню с раскаявшейся грешницей *Марией Магдалиной,* из которой Иисус Христос изгнал «семь бесов».

2. *«Масти, плоченные втрое...»* — *Масти* — здесь: благовонные мази.

3. *«О путях твоих пытать не буду...»* — *Миро* — ароматическое масло, употребляемое в христианских обрядах.

«С этой горы, как с крыши...» — *Троя* — см. комментарий к стихотворению «Расщелина». *Царь Приам* — последний правитель Трои. *Олимп* — священная гора у древних греков; местопребывание богов.

«Как бы дым твоих ни горек...» — Посвящено Праге. *Гектор* — сын троянского царя Приама, погибший в схватке с Ахиллом во время осады Трои.

Овраг (1—2). — Цикл, так же как и последующие стихотворения «Древняя тщета течет по жилам...», «Брожу — не дом же плотничать...», «Люблю — но мука еще жива...», «Ты, меня любивший фальшью...», обращен к Константину Болеславовичу Родзевичу (1895—1988), герою цветаевских «Поэмы Конца» (1924) и «Поэмы Горы» (1924).

1. *«Дно — оврага...»* — *Синай* (библ.) — гора, где бог Яхве вручил пророку Моисею скрижали с десятью заповедями.

2. *«Никогда не узнаешь, что́ жгу, что́ трачу...»* — *...Что победа твоя — пораженья сонмов,//Знаешь, юный Давид?* — См. комментарий к стихотворению «Пустоты отроческих глаз! Провалы...».

Ахилл на валу. — *Ахилл* (греч. миф.) — герой Троянской войны, полюбил троянскую царевну Поликсену и ради брака с нею намеревался уговорить ахейцев прекратить войну, за что был предательски убит Парисом.

Крик станций. — *...Не Дантов ли//Возглас://«Надежду оставь!»* — В «Божественной комедии» Данте надпись над вратами ада гласит: «Оставь надежду всяк, сюда входящий».

Пражский рыцарь. — В стихотворении речь идет о памятнике легендарному герою чешского народа рыцарю Брунсвику, установленном в Праге, под Карловым Мостом, над Влтавой. В средневековых преданиях Брунсвик отождествлен с королем Пршемыслом II, много сделавшим для укрепления чешского государства.

Цветаева считала, что «пражский рыцарь» похож на нее лицом, вспоминала о нем долгие годы, для нее он был «центром», «сердцем» Праги. *Мостовина* — плата за переход моста.

Не вошло в окончательный текст:

От счастливых
Лиц, заспавших все,
Рыцарь, в ивах
Прячущий лицо...

Эту урну
Охраняй от рук,
Караульный
На посту разлук!

В смертной смете
Час — живи века! —
Станет Летой
Каждая река...

Мальчик! Воин!
Щеки — горячей,
Под конвоем
Каменных очей!

«По набережным, где седые деревья...» — Орфей — свою лиру. — См. комментарий к стихотворению «Эвридика — Орфею».

Ночные места. — Содом. — см. комментарий к стихотворению «Белизна — угроза Черноте...».

Поезд жизни. — Строфа, опущенная Цветаевой:

Чем рвать, гнать, распинать, клясть
Поэта — когда же вспомните,
Что ад, чад, третий класс — страсть!
Но *не* — дамская комната!

«Древняя тщета течет по жилам...» — Стикс — см. комментарии к стихотворению «Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...».

Двое (1—3). — В черновой рукописи — посвящение: «Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении — Борису Пастернаку».

1. *«Есть рифмы в мире сём...» — ...Ахеи лучший муж!* — Ахилл, герой «Илиады» Гомера (ахейцами называлось племя, воевавшее с троянцами). *Сладостнейшая Спарты* — прекрасная Елена, родиной которой была Спарта.

2. *«Не суждено, чтобы сильный с сильным...» — ...Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,//Брачное дело решив мечом. — Зигфрид,* герой древнегерманского эпоса «Сказание о Нибелунгах», напоенный злым зельем, забыл обет вечной любви, связывающий его с *Брунгильдой.* Мстя за измену, Брунгильда добилась убийства Зигфрида, а затем лишила жизни и себя, чтобы соединиться с ним после смерти. *...сын Фетиды//С дщерью Аресовой...* — По греческому мифу, Ахилл, сын морской богини *Фетиды,* во время Троянской войны вступил в бой с царицей амазонок, дочерью бога войны Марса (*Ареса*) Пенфесилеей и убил ее; сняв шлем с убитой, пораженный красотой Пенфесилеи, Ахилл почувствовал, что любит ее.

Остров. — Нереиды — см. комментарий к стихотворению «Очаг мудреца».

Под шалью (1—3). — Обращено к будущему сыну. «Мой сын ведет себя в моем чреве исключительно тихо...» — писала Цветаева в одном из ноябрьских писем 1924 г. См. также цикл «Стихи к сыну» и комментарии к нему.

3. *«Та́к — только Елена глядит над кровлями...»* — См. стихотворение «Расщелина» и комментарий к нему. *Брачная бойня... двубрачная грабительница.* — После гибели Париса Елена вышла замуж за его брата Деифоба, а после падения Трои предала Деифоба и с Менелаем вернулась в Спарту.

«Пела как стрелы и как морены...» — *Морены* — скопления обломков горных пород, переносимых ледниками.

Попытка ревности. — Стихотворение, по-видимому, первоначально было обращено к К. Б. Родзевичу (см. комментарии к циклу «Овраг»), однако литератор М. Л. Слоним (1894—1976) в своих воспоминаниях утверждает, что стихотворение обращено к нему. *Синай* — см. комментарий к стихотворению «Дно — оврага...». *Каррара* — город в Италии, где добывается белый мрамор. *Лилит* (д о б и б л.) — первая жена Адама.

Сон (1—2). — «Безнаказанность, безответственность — беззаветность сна», — писала Цветаева. «Мой сон — не отдых, а действие, *действо,* которого я — и зритель, и участник...» (Запись 1924 г. в черновой тетради).

1. *«Врылась, забылась...»* — *Морфей* — бог сновидений (г р е ч. м и ф.). *Сбирр* (и т а л.) — полицейский, сыщик.

2. *«В мозгу ухаб пролёжан...»* — *Рай Давидов.* — См. комментарий к стихотворению «Быть мальчиком твоим светлоголовым...». *Ахиллов шлем//Священный.* — По древнегреческому мифу, Гефест, бог огня, выковал Ахиллу боевые доспехи, в том числе волшебный шлем. *Мартын Задека* — составитель популярного в свое время толкователя снов («сонника»).

«Живу — не трогаю...» — *...Гора — Еговова!* — *Егова* (Иегова) — см. комментарий к стихотворению «Наездницы, развалины, псалмы...».

Полотерская. — *Ламанова* — известная портниха в дореволюционной Москве. *Прасол* — в дореволюционной России оптовый скупщик скота для перепродажи.

«Емче органа и звонче бубна...» — *Эмпиреи* — здесь: небо. *Суламифь* — см. комментарий к стихотворению «Удостоверишься — повремени!..».

Строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Речь наковален и лесопилен,
Палуб и площадей.
Возглас — такой беспощадно-сильный
Скудостию своей.

К стихотворению относится запись в черновой тетради 1924 г.:

ОХ: — когда трудно, томно, или *после* усилия.
АХ: — неожиданность, изумление, новизна, восторг.
ЭХ: — не везет, не дается, птица — из рук, мог бы — да...
NB! — На всякое *о х* есть *ах* — и на всякое *ах — эх!*

Со стихотворением связан интересный диалог, состоявшийся в 1931 г. между Цветаевой и композитором Сергеем Сергеевичем Прокофьевым (1891—1953). Его содержание сохранилось благодаря записям участника встречи М. Л. Слонима: «В конце вечера Прокофьев заявил, что хочет написать не один, а несколько романсов на стихи М⟨арины⟩ И⟨ванов-

ны〉, и спросил, что она хотела бы переложить на музыку. Она прочла свою «Молвь», и Прокофьеву особенно понравились первые две строфы:

Емче орга́на и звонче бубна
Молвь — и одна для всех:
Ох — когда трудно, и ах — когда чудно,
А не дается — эх!

Ах — с Эмпиреев, и ох — вдоль пахот,
И согласись, поэт,
Что ничего, кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

«А воображение? — спросил Прокофьев. — Разве не это самое главное у Музы?» Тут завязался спор. М〈арина〉 И〈вановна〉 утверждала, что не одна поэзия, но вся жизнь человеческая движется воображением. «Колумб воображал, что между ним и Индией — вода, океан, — говорила она, — и открыл Америку. Ученые, не видя, находят звезды и микробы, тот, кто вообразил полет человека, был предтечей авиации. И нет любви без воображения». — «Что ж, по-вашему, — опять спросил Прокофьев, — это озарение?» — «Нет, это способность представлять себе и другим выдуманное, как сущее, и незримое, как видимое». Прокофьев потом признался, что был согласен с Цветаевой, но нарочно вызывал ее на беседу» (Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 343 — 344). *«Молвь»* — под таким названием стихотворение вошло в неизданный сборник 1940 г.

Крестины. — Пещь смоляная — раскаленная печь, куда, по библейскому преданию, иудеи-вероотступники бросали тех, кто отказывался поклоняться золотому идолу. *Савл* (библ.) — имя апостола Павла до его обращения в христианство; яростный гонитель христианства, он стал впоследствии его страстным проповедником.

«Жив, а не умер...» — Мир — это сцена. — Слова Жака-изгнанника из второго акта комедии В. Шекспира «Как вам это понравится».

«Существования котловиною...» — В черновой тетради сохранились другие редакции стихотворения. Одна из них:

Три своих над Платоновой половиной
Промотав...
Погребенная заживо под лавиной
Дней, как зиму — так коротаю — жизнь.

А про жизнь скажу, что пиши пропало,
Коли кланяться — не ходок — в орду.
Что она как кобыла меня трепала:
Ноги за́ версту, голова во рву.

Что по кольям и угольям — ложь: по розам!
Вдохновенья лирические стопы.
И барахтаюсь — что мужик под возом,
Опрокинутым посреди степи.

11 января 1925

Платонова половина. — В диалогах *Платона* (427—347 до н.э.) приводится предание, согласно которому боги рассекли человека на две половины, каждая из которых стремится к другой для обретения целостности и счастья любви.

«Променявши на стремя...» — *Рейна... клад* — легендарный клад, о котором идет речь в оперной тетралогии Рихарда Вагнера (1813—1883) «Кольцо Нибелунгов». *«Золото Рейна»* — название первой части.

«Рас — стояние: версты, мили...»

Запись 1933 г. в рабочей тетради к этому стихотворению см. в т. 4. В рукописи после четвертой строфы шли заключительные строки:

— Ты — не я ли? И я — не ты ли?
Не рассóрили — рассорúли,
Расслоили: магнит, игла —
Расслоившаяся скала.

Сокольники. — Тюилерийский парк.
Разбили нас — как колоду карт.

Сокольники — парк в Москве. *Тюилерийский парк* — см. комментарий к стихотворению «В Шенбрунне».

«Русской ржи от меня поклон...» — Стихотворение, обращенное к Б. Пастернаку, родилось из следующей записи в черновой тетради: «Б. П., когда мы встретимся? Встретимся ли? Дай мне руку на весь тот свет, здесь мои обе — заняты».

«Брат по песенной беде...» — Посвящено памяти Сергея Есенина. Цветаева с Есениным была знакома мало; он не принадлежал к тем поэтам, чья творческая сущность интересовала Цветаеву. Об этом, в частности, свидетельствуют ее слова к Б. Л. Пастернаку в письме от 19 июля 1925 г.: «Не верю в него, не болею им, всегда чувствую: как легко быть Есениным!» Однако смерть Есенина взволновала Цветаеву; она задумала поэму, посвященную его памяти. Замысел осуществлен не был. (См. также запись в тетради 1926 г., т. 4). *Жить (конечно не новей...)...* — цитата из предсмертного стихотворения С. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

«Тише, хвала!..» — Написано во Франции, куда Цветаева переехала 1 ноября 1925 г. В Париже ее с семьей поначалу приютили русские друзья. Стихотворение написано на рю Рувэ, 8, где Цветаева с мужем и двумя детьми помещалась в одной комнате, всегда была «на людях» и не имела своего угла для работы.

«Кто — мы? Потонул в медведях...» — Стихотворение является самостоятельным отрывком из «Несбывшейся поэмы» (см. т. 3). Было переписано Цветаевой в беловую рукопись сборника «Лебединый стан» с предисловием: «Прилагаемый отрывок прошу — если когда-нибудь, кто-нибудь, *в нужный срок,* этим займется — включить хронологически в мои стихи (— всё, что после «После России» —), если уцелеют.

Здесь он только потому, что нигде у меня не вписан, а напечатан был в однодневной газете («День русской культуры» 〈Париж, 1927. — *Сост.*〉) — ненадежной.

— Все-таки жаль. —

М. Ц. Dives-Sur-Mer, 30-го августа 1938 г.»

Бедлам, Шарантон — названия больниц для душевнобольных близ Лондона и Парижа (соответственно). *Ледяной поход* — поход весной 1918 г. армии Корнилова через донские и кубанские степи на Екатеринодар, затем, после ее разгрома, отступление к Новочеркасску. В «Ледяном походе» участвовал С. Я. Эфрон.

Юноше в уста. — Обращено к поэту Н. Гронскому (см. цикл «Надгробие» и комментарий к нему). *Кий* — по преданию, основатель вместе с братьями Щеком и Хоривом города Киева и первый его правитель.

Начало, не вошедшее в окончательный текст:

С младостью пучин —
Справишься, юнец?
Солнечный почин,
Пенковый конец.

Прапамять:
Всех нянек
Сердечный щéм:
Что тянешь —
Тем станешь —
И канешь — тем!

Разговор с Гением. — Гений, в понимании Цветаевой, — мужское воплощение музы, поэтическое вдохновение, гений тот, кто «бдит над поэтом». *Распотрошен — пел же — Орфей!* — См. комментарий к стихотворению «Так плыли: голова и лира...».

«Лес: сплошная маслобойня...» — Н. П. Г. — Николай Павлович Гронский. См. цикл «Надгробие» и комментарий к нему.

Наяда. — Наяда (греч. миф.) — нимфа озер и рек. *Нереида* — см. комментарий к стихотворению «Очаг мудреца». *Клятвы без аналоев* — не освященные церковным браком. *Біс* (укр.) — черт.

Маяковскому (1 — 7). — Цикл написан в связи с кончиной Маяковского, которая глубоко взволновала Цветаеву. См. стихотворение «Мая-

ковскому» и комментарий к нему, а также «Эпос и лирика современной России» (т. 5).

2. *«Литературная — не в ней...» — Черновец — милюковцу.* — Цветаева намекает на эмигрантские группировки: *Чернов В. М.* (1873 — 1952) — организатор и теоретик партии эсеров; *Милюков П. Н.* (1859 — 1943) — один из основателей партии кадетов; редактор русской парижской газеты «Последние новости».

3. *«В сапогах, подкованных железом...» — Стапятидесяти (Госиздат)//Миллионного.* — Намек на поэму Маяковского «150 000 000».

4. *«И полушки не поставишь...»* — Эпиграф — слова из четверостишия (которое, в свою очередь, составлено из строк двух стихотворений Маяковского 1928 и 1930 гг.), включенного Маяковским в его предсмертную записку. Цветаева объясняет смерть Маяковского глубоко личными, лирическими причинами. *«То́ска»* — опера Джакомо Пуччини (1858 — 1924). *По-шаховски* — то есть по-дворянски (от фамилии Шаховской). *Вертер* — герой романа Гёте «Страдания молодого Вертера», покончивший с собой из-за несчастной любви.

5. *«Выстрел — в самую душу...» — Елена* — см. комментарий к стихотворению «Расщелина».

6. *«Советским вельможей...»* — Эпиграф — неточная цитата из романа Андрея Белого «Петербург» (у Белого: «краски» в 1-й строке). — *Сережа* — Сергей Есенин. *Старую Росту.* — Имеются в виду пропагандистские плакаты, выпускавшиеся Российским телеграфным агентством («Окна РОСТА»). Маяковский писал к ним тексты. *Льсан Алексаныч* — Блок. *Федор Кузьмич* — Сологуб (1863 — 1927). *В кровавой рогоже, на полной подводе.* — Обвиненный в контрреволюционном заговоре поэт Н. С. Гумилев (1886 — 1921) был расстрелян и похоронен в общей могиле.

Стихи к Пушкину (1 — 7). — Первое стихотворение Цветаева посвятила Пушкину в 1913 г.; впоследствии часто упоминала его имя в прозе, переписке, в творческих тетрадях. Летом 1936 г. она перевела восемнадцать стихотворений Пушкина на французский язык.

Факты, упоминаемые в «Стихах к Пушкину», взяты Цветаевой из книги: Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Вып. I — IV. М., 1927 — 1928.

1. *«Бич жандармов, бог студентов...». — Две ноги свои — погреться — //Вытянувший...* — Во время аудиенции 8 сентября 1826 г., данной Николаем I Пушкину, вернувшемуся из ссылки в Михайловском, поэт «обратился спиною к камину и говорил с государем, обогревая себе ноги» («Пушкин в жизни», вып. II. С. 55). *На стол//вспрыгнувший при Самодержце...* — Во время той же аудиенции Пушкин, «незаметно для самого себя, приперся к столу, который был позади его, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: „С поэтом нельзя быть милостивым!“» (там же). *Небо Африки своим//Звавший, невское — проклятым!* — В «Евгении Онегине»: «Под небом

Африки моей»; в письме к П. А. Вяземскому из Михайловского от 27 мая 1826 г. Пушкин говорит о «проклятой Руси», где он вынужден сидеть «на привязи», так как царь не разрешает ему заграничных путешествий. *Царскую цензуру//Только с дурой рифмовал* — в сказке «Царь Никита и сорок его дочерей». *А «Европы Вестник» — с...* — в эпиграмме, раньше ошибочно приписывавшейся Пушкину (опубликовано в «Полном собрании сочинений Пушкина», т. 1. М., 1919. С. 384). *Всех румяней и смуглее* — измененная строка из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». *Беженство... белокровье мозга, морга//Синь...* — Речь идет о белоэмигрантских «пушкиноведах». *Трусоват был Ваня бедный...* — из стихотворения Пушкина «Вурдалак». *Голубой олив... лоб* — из стихотворения Б. Пастернака «Вариация 4», обращенного к Пушкину.

2. *Петр и Пушкин.* — *Кнастер* — сорт табака. *Петро-диво, Петро-дело* — Петербург. *Ганнибал* Абрам Петрович (1697—1781) — прадед Пушкина со стороны матери, похищенный турками и присланный посланником Турции в подарок Петру I. *На волю? Изволь!* — Пушкин просил в 1834 г. отставки от царской службы в Иностранной коллегии. Николай I отклонил его просьбу, пригрозив, что лишит его возможности «посещать архивы», и Пушкину пришлось взять просьбу обратно. *Отныне я́ — цензор.* — После возвращения Пушкина в 1826 г. из ссылки Николай I взял на себя цензуру его произведений. *Измаил* (библ.) — сын патриарха Авраама и его рабыни Агари; по более поздним преданиям, считался родоначальником арабов. *Василиск* — сказочный змей, убивавший взглядом; имеется в виду знаменитый «леденящий» взор Николая I. *Полтавских не комкал//Концов.* — Неточность: будучи цензором Пушкина, Николай читал не «Полтаву» (уже вышедшую к тому времени), а «Медного всадника». Пушкин не согласился с замечаниями, и при его жизни поэма не увидела света. *Недостойным потомком... Петра//Был сослан в румынскую область.* — В 1820 г. Пушкин за политическую лирику был сослан Александром I в Екатеринослав, Одессу, затем в Кишинев. *Сына убил//Сробевшего.* — В 1718 г. Петр I подписал смертный приговор своему сыну, царевичу Алексею, вокруг которого сгруппировались реакционные противники петровских реформ.

3. *(Станок).* — *Над цветком любви.* — Цветаева говорит о черновом наброске Пушкина «Цветок любви», опубликованном в 1922 г. в книге «Неизданный Пушкин».

4. *«Преодоленье...»* — *На фуру//Несший: «Атлета//Мускулатура...»* — «О. О. Россет перекладывал тело Пушкина в гроб... Мне припоминалось, какого крепкого, мускулистого был он сложения, как развивал он свои силы ходьбою» («Пушкин в жизни», вып. IV. С. 153).

1 (5). *Поэт и царь.* — *Потусторонним//Залом царей.* — Речь идет о галерее, окружавшей памятник Александру II, на территории Московского Кремля; потолок галереи был украшен мозаичными портретами предков

Александра II. *Польского края//Зверский мясник.* — Николай I жестоко подавил польское восстание в 1831 г.

2 (6). *«Нет, бил барабан перед смутным полком...».* — В первой строке Цветаева перефразирует строку из стихотворения ирландского поэта Ч. Вольфа «На погребение английского генерала сира Джона Мура» в переводе И. И. Козлова (1825). *Жандармские груди и рожи.* — По свидетельству П. А. Вяземского, в день выноса тела Пушкина в его доме, «где собралось человек десять друзей и близких... очутился целый корпус жандармов. Без преувеличения можно сказать, что у гроба собрались в большом количестве не друзья, а жандармы» («Пушкин в жизни», вып. IV. С. 163). *Умнейшего мужа России.* — После аудиенции 8 сентября 1826 г., данной Николаем I возвратившемуся из ссылки Пушкину, царь заявил в придворном кругу, что он разговаривал «с умнейшем человеком России» (там же, вып. II. С. 57).

Ода пешему ходу (1—3).

1. *«В век сплошных скоропадских...»* — *...чванством//Растираемый торс!* — Имеется в виду реклама автомобильных шин на дорогах Франции: человечек без ног, опоясанный шинами.

2. *«Вот он, грузов наспинных...»* — *Лакированный нуль* — автомобиль. *Змея ветхая лесть.* — По библейскому преданию, дьявол в образе змеи льстивыми речами уговорил Еву сорвать запретный плод с «древа познания добра и зла». *Оперá и Мадлэн (Мадлен)* — центральные районы Парижа, где находятся лучшие магазины, ателье мод и т. п.

3. *«Дармоедством пресытясь...»* — *...жаждет прага* — порога.

Дом («Из-под нахмуренных бровей...») — Не вошло в окончательный текст:

Как мой высокомерный нос —
Дом, без сомнения, на снос,
Как мой несовременный чуб —
Дом, без сомнения, на сруб.

И сад, и нос, и лоб, и дом —
Всё, без сомнения, на слом.

Бузина. — *Костром//Ростопчинским!* — Москва, занятая французами в 1812 г., была сожжена, как считалось тогда, по распоряжению московского военного губернатора графа Ф. В. Ростопчина (1763—1826).

Стихи к сыну (1—3). — Сын Марины Цветаевой, Георгий (Мур) Сергеевич Эфрон, родился 1 февраля 1925 г. в Чехословакии. Вместе с матерью в 1939 г. вернулся на родину. После смерти Цветаевой привез в Москву ту часть ее архива, которая была в Елабуге. Окончил школу в Ташкенте, затем посещал лекции в Институте философии, литературы и искусства (ИФЛИ). Отличался литературной одаренностью и художественными способностями, о чем говорят оставшиеся после него днев-

ники, письма и рисунки. В начале 1944 г. был призван в армию. Погиб в июле 1944 г., будучи раненным в бою под деревней Друйка Браславского района Витебской области.

2. *«Наша совесть — не ваша совесть!..» — Соляное семейство Лота.* — См. комментарий к стихотворению «Рельсы». *Медон* — предместье Парижа, где жила Цветаева в 30-е годы.

3. *«Не быть тебе нулем...» — Галльский петух* — одна из национальных эмблем Франции.

Ici — Haut. — Цикл посвящен Максимилиану Волошину. См. также очерк «Живое о живом», в котором Цветаева описала историю их знакомства и дружбы (см. т. 4).

2. *«Ветхозаветная тишина...» — Похоронили поэта на//Самом высоком месте.* — Согласно пожеланию Волошина, он был похоронен на вершине хребта Кучук-Янышар в Коктебеле.

«Темная сила!..» — Мра — в статье «Искусство при свете совести», приводя это стихотворение, Цветаева писала: «Мра, кстати, беру как женское имя, женское окончание, звучание — смерти. Мор. Мра».

Стол (1 — 6).

1. *«Мой письменный верный стол!..» — Штранд* (нем.) — морской берег. *Морю толп//Еврейских — горящий столп!* — По Библии, при исходе евреев из Египта Бог в образе огненного столпа указывал им путь.

Последняя строфа, от которой Цветаева отказалась:

Над мертвыми наклонясь,
На дне отглядевших глаз
В глазах, отпустивших — всё.
— Так женщина зрит лицо
Последнего, в ком жила, —
Лицо моего стола.

2. *«Тридцатая годовщина...» — Тридцатая годовщина.* — Цветаева имеет в виду свой «стаж» поэта: стихи она начала писать с раннего детства, а в одиннадцать-двенадцать лет писала уже вполне серьезно и сознательно.

3. *«Тридцатая годовщина...» — Березу берёг карел.* — Карельская береза — ценный сорт древесины. *Трех Самозванцев в браке//Признавшая тёзка* — Марина Мнишек (см. комментарий к циклу «Марина»).

4. *«Обидел и обошел?..» — Парижские химеры* — скульптурные украшения на соборе Парижской Богоматери в виде чудищ — химер.

5. *«Мой письменный верный стол!..»* — Отклоненные Цветаевой строфы:

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною, как тень, как пес,
Спасибо за то, что рос

По надобности — простор
Творящих — локтей и гор
Бумажных...

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною в любую даль —
Себя превращал в скрижаль.

Куст (1—2).

1. *«Что́ нужно кусту от меня?..»* — В окончательный текст не вошли строфа:

Всё лиственная болтовня
Была... Проспалась — и отвечу:
Что нужно кусту от меня?
— Моей человеческой речи.

и последняя:

...Тогда и узнаю, тоня
Лицом в тишине первозданной,
Что нужно кусту — от меня:
Меня — и Ахматовой, Анны.

2. *«А мне от куста — не шуми...».* — *Невнятицы Фауста Второго.* — Речь идет о второй части «Фауста» Гёте, сложного философского произведения.

Не вошло в окончательный текст:

Несмолчности — точно поэт
О чем-то бормочет поэту...
Но только — настойчивей нет...
Но только — доходчивей нету...

Несмолчности — и вместе с тем
Сохранности — силы и тайны:
Невнятности первых поэм,
Невнятицы от чрезвычайной
В нас мощи...

«О поэте не подумал...» — Не вошло в окончательный текст:

...С ними всеми!
И на темя —
Тишина
Из кувшина

Вечности...

Бог с стадами,
Бог с вождями

═══

Распри, войны,
Будь спокойна,
Лира, громче не бери
И спокойно,
И достойно
Дело вечное твори...

═══

Бог с мотором —
Таратором
И с оратором
— Всем и всеми,
Кем душа
Оглушена...

С ихним пеньем
С ихним чтеньем

С общим чтеньем
С общим мщеньем

С правым, с левым
С красным, белым

Век мой, подаю в отставку:
Не гожусь — и тем горжусь.

═══

Пусть одна из всех живущих —
Объявляю веку: нет!

Не одна! (За мною сонмы,
Тьмы... уединенных душ)

Сад. — Вариант начала стихотворения:

Как в первый час —
Чтоб был он пуст:
Без взгляду глаз,
Без визгу уст,

Чтоб *ливнем* мок,
Листвой горел...
Без следу ног,
Без следу — тел...

Не вошедшие в окончательный текст строфы:

Без мячиков летящих в лоб,
Без яблочек, глядящих в рот,
— О, вспомяни Евфрат и Тигр! —
Без детских — и без плотских игр.

Чтоб цвет не сбит, чтоб мох не смят,
Сад, а не стыд пошли мне — сад —
На старость лет моих пошли,
Бог, — и на молодость души!

Челюскинцы. — В черновике письма Цветаевой к поэту А. Эйснеру, упрекнувшему ее в том, что она не откликнулась на подвиг челюскинцев, читаем: «...многие годы уже я — лирически — крепко сплю... Степень моего одиночества здесь и на свете Вы не знаете... и вот Ваш оклик: *запрос!* А теперь я написала Челюскинцев — не я написала, сами написались!» *Нобиле* Умберто (1885 — 1978) — итальянский полярный исследователь. В 1930-е годы работал в СССР. *Родили дитё.* — Во время экспедиции на «Челюскине» родилась девочка. *Эол* — (греч. миф.) — бог — повелитель ветров. *Второй уже Шмидт* — О. Ю. *Шмидт* (1891 — 1956), возглавлявший экспедицию «Челюскина»; «первый» *Шмидт* — лейтенант П. П. Шмидт (1867 — 1906), руководитель восстания на крейсере «Очаков» в 1905 г.

«Есть счастливцы и счастливицы...» — Пел же над другом своим Давид. — По библейскому преданию, Давид (см. комментарий к стихотворению «Быть мальчиком твоим светлоголовым...») оплакал своего любимого друга Ионафана в «плачевной песне». Об *Орфее и Эвридике* см. комментарий к стихотворению «Как сонный, как пьяный...».

Надгробие (1 — 5). — Все стихотворения, кроме пятого, написаны после кончины Николая Павловича Гронского (1909 — 1934), трагически погибшего молодого поэта. Цветаева подружилась с ним в 1928 г.; она высоко ценила его стихи, видела в них, как и во всем духовном облике юноши, большое сходство с собой (Гронский, действительно, был тогда всецело под влиянием ее творчества). Через Н. П. Гронского она пересылала

стихи для печатания в парижскую газету «Последние новости», где работал его отец; совершала с ним пешие прогулки по медонским лесам. См. также стихотворения «Юноше в уста», «Лес: сплошная маслобойня...», эссе «Поэт-альпинист» (т. 5), письма к Н. П. Гронскому (т. 7).

«Черные стены...» — Святая Елена — см. комментарий к стихотворению «Бонапартисты».

Отцам (1 — 2).

2. *«Поколенью с сиренью...» — Не Сиреной...//Заключенное в грот.* — На пути домой из Трои Одиссея поджидали различные испытания. Ему удалось благополучно проплыть мимо острова сирен (морских дев), своим пением завлекавших и губивших моряков, пережить семилетнее пленение в диковинном гроте у нимфы Калисто. *Ваал* (Баал) (миф.) — бог плодородия. *Средь шумного бала* — цитата из стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно...» (1851).

«Ударило в виноградник...» — Смарагд — драгоценный камень; темно-зеленый смарагд — изумруд. *Хвалы виноградным соком//Исполнясь, как царь Давид.* — По библейскому преданию, царь Давид в честь победы израильтян над филистимлянами спел Господу Хвалебную песнь. *Масонское Око* — одним из масонских знаков было «всевидящее Око» (глаз с расходящимися от него лучами).

«Двух станов не боец, а — если гость случайный...» — Эпиграф — видоизмененная первая строка стихотворения А. К. Толстого (1858). *Честнее с головой Орфеевой — менады!* — См. комментарий к стихотворению «Так плыли: голова и лира...». *Иродиада с Иоанна головой!* — См. комментарий к стихотворению «Стой! Не Федра ли под небом...».

Читатели газет. — «Мир газет — мне страшен, помимо всего, заставляющего ненавидеть газету, эту стихию людской пошлости! — я ее ненавижу за исподтишка, за коварство ее ровных строк», — писала Цве̇таева в 1925 г. *Гуттенбергов пресс* — печатный станок (по имени его изобретателя Гутенберга; 1400 — 1468). *Шварцев прах* — порох (по имени его изобретателя, францисканского монаха Бертольда Шварца; XIV в.).

Деревья («Кварталом хорошего тона...»). — Париж, в отличие от Праги, Цветаева не полюбила. «В Париже нужно жить Парижем, иначе ты в нем и он для тебя бессмысленен», — писала она в 1927 г. *Листовки* — здесь: печатные рекламы, раздаваемые на улицах прохожим. *Мертвые лисы* — лисьи меха. *Смертный рис* — рисовая пудра, делавшая лица бледно-голубоватыми. *Был дуб...// — Святой Людовик — чего глядишь?* — По преданию, у подножия знаменитого дуба в Венсенском лесу французский король Людовик IX Святой (1214 — 1270) выслушивал жалобы и творил правосудие.

Стихи сироте (1 — 7). — Обращены к Анатолию Сергеевичу Штейгеру (1907 — 1944), поэту, с которым Цветаева к началу переписки лично знакома не была. Летом 1936 г., живя в Савойе, в горном селении

Сен-Лоран, она получила от Штейгера, больного туберкулезом и только что пережившего несчастную любовь, полное отчаяния письмо с «воплем» о помощи, — в ответ на что она откликнулась сразу и горячо: писала ему каждый день, ободряла, утешала, посылала написанные для него стихи. Однако Штейгер не выдержал лавины направленных на него чувств и забот. См. письма к А. С. Штейгеру в т. 7.

Эпиграф — из стихотворения К. А. Петерсона «Сиротка».

2. *«Обнимаю тебя кругозором...» — Феодального замка боками.* — Имеется в виду средневековый замок Арсин, в то время — пансионат. *Та́к вплелась в мои русые пряди...* — Ср. со стихотворением А. Ахматовой «Как вплелась в мои темные косы...» (1912). *Савойя* — департамент на северо-востоке Франции. *Пиемонт* (Пьемонт) — область на северо-западе Италии.

4. *«На льдине...»* — Французская Гвиана до 1946 г. была местом каторжной ссылки, «сухой гильотиной».

6. *«Наконец-то встретила...» — ...с язвою//Мне принес ладонь* — намек на евангельскую притчу об исцелении прокаженного Иисусом Христом.

Савойские отрывки (1 — 3). — Часть лета 1936 г. Цветаева провела в Верхней Савойе.

〈2〉. *Отрывки из Марфы.* — Через образы Марфы и Марии противопоставляются быт и бытие. Имеется в виду библейский сюжет, когда в доме, куда пришел Иисус, Мария села у его ног и «слушала слово Его», а ее сестра Марфа в это же время готовила пищу. Иисус при этом отметил поведение Марии, избравшей «благую часть, которая не отнимется у нее». О Марфе и Марии см. также дневниковые записи «Отрывки из книги «Земные приметы» (т. 4).

«Когда я гляжу на летящие листья...» — Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид — перефразированные строки из стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно...».

Другая редакция стихотворения:

Когда я смотрю на летящие листья,
Слетающие на булыжный размыв,
Сметаемые — как художника кистью,
Сдаваемые — наши письма в архив!

Я думаю — может быть, рядом прошел ты
И видел, как странную даму знобит, —
Что жалкий, ненужный, решительно-*желтый*
Один такой лист на вершине — забыт.

«Были огромные очи...» — Посвящено памяти С. Е. Голлидэй. См. цикл «Стихи к Сонечке» и комментарии к нему, а также «Повесть о Сонечке» (т. 4).

Стихи к Чехии.

Цикл создан в дни событий, развернувшихся в Чехословакии в сентябре 1938 г. и в марте 1939 г. В результате соглашения, заключенного в сентябре 1938 г. в Мюнхене между Германией, Италией, Англией и Францией, Судетская область была отторгнута от Чехословакии и поделена между фашистской Германией, буржуазной Венгрией и панской Польшей. В марте 1939 г. Германия оккупировала Чехословакию.

Эти события потрясли Цветаеву. «День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, — пишет она А. А. Тесковой. — Живу с ней, в ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, чем и мое... Бесконечно люблю Чехию и бесконечно ей благодарна, но не хочу *плакать* над ней (над здоровым не плачут, а она, среди стран — единственная здоровая, больны — те!), итак, не хочу плакать над ней, а хочу ее *петь»* (Письма к Анне Тесковой. Прага: Academia, 1969. С. 159, 163).

Сентябрь (1 — 5).

1. *«Полон и просторен...» — Триста лет неволи//Двадцать лет свободы.* — Начиная с 1620 г., то есть после подавления восстания против Габсбургов, Чехия потеряла свою национальную независимость и оставалась, вплоть до 1918 г., в составе Австро-Венгерской империи. В 1918 г. было создано самостоятельное чехословацкое государство. *Влтава* — река, на берегах которой расположена столица Чехии Прага. *Лев двухвостый* — часть национального герба Чехословакии.

2. *«Горы — турам поприще!..»* — «Я люблю горы, преодоленье, фабулу в природе, становление... — писала Цветаева в 1926 г. Пастернаку. — Я всю Чехию прожила в глубоком сне — снах — так и осталась сном, вся, с зайцами и с ланями, с перьями фазаньими — которые, кстати, у меня еще хранятся, подобранные по лесным чащам, по которым я лазила — сначала с Алей, потом с... Муром на руках». *Ружья... ни одного.* — В 20-е годы, когда Цветаева жила в Чехии, ее леса были заповедными и охота в них была запрещена.

4. *Один офицер.* — Не вошло в окончательный текст:

(Что блеснуло — на повороте?)
Через тело мое войдете...

Темный рой нечеловечий —
Вышел, выбежал, встал навстречу.

Той лавине тысяченогой
— Вышел — встал поперек дороги.

Сдвинув брови, расставив ноги —
Господам поперек дороги.

⟨5⟩. *Родина радия.* — Цветаева придавала огромное значение открытию радия польской ученой Марией Склодовской-Кюри (1867 — 1934) и ее мужем Пьером Кюри (1859 — 1906). В письме к А. Тесковой от

3 октября 1938 г. она писала: «Нынче... прочла имена François Joliot и Irene Curie (Фредерик Жолио и Ирен Кюри. — *Сост.*), тех, что в этом темном мире продолжают светлейшее и труднейшее дело радия. (Madame Curie, открывшая радий, мать нынешней, сама родилась в угнетенной, затемненной стране, что не помешало ей — осветить весь мир — а может быть и *заставило*. Наравне с радием, она любила родину. И свободу.)».

Март (1 — 13).

В мае 1939 г. Цветаева писала: «Стихи идут настоящим потоком — сопровождают меня на всех моих путях, как когда-то — ручьи. Есть резкие, есть певучие, — и они сами пишутся. Очень много о драгоценных камнях — недрах земли — но и камни — живые!» (Письма к Анне Тесковой. Прага: Academia, 1969. С. 181).

1. *(Колыбельная)*. — *Тюрингия* — в V в. была захвачена гуннами.

2. *Пепелище*. — *Град Вацла́ва* — Прага; князь *Вацлав* Святой (ок. 907 — 935) считался патроном Чехии и ее столицы. *Богемская грань*. — Чехия издавна славилась своими мастерами по огранке стекла и горного хрусталя.

Вариант первоначальных строф:

Сзади, спереди, слева, справа —
Так пожар пожирает траву,
Пусто, чисто, беда без грани...
Так зола засыпает зданья!

От всего молодого края
— Так вода подмывает сваи —
Что осталося? Пепелище!
Так Чума веселит кладбище.

3. *Барабан*. — *Где мой дом?* — начальные слова чешского гимна. *Градчанский замок* — пражский Кремль, резиденция чешского правительства. *В ледяном окне...//Гунн!..* — Имеется в виду фотография Гитлера, глядящего из окна Градчанского замка на захваченную Прагу; фотографию эту, напечатанную во французской газете «Пари-Суар», Цветаева сохранила в своем архиве.

Черновой вариант стихотворения:

Что бормочет барабан?
Гунн — самум — чума — буран
Все мы...... эхом
Вместе в гости будем к чехам.
А военная труба:
Трупы — признаки — гроба...

По усопшим городам
Возвещает барабан
Явственнее, чем словами:

Правит нами — правит вами
Вран,
Пень,
Лгун...
Гунн!
Гунн!
Гунн!

4. *Германии. — Астральная душа* — здесь: отвлеченная от всего земного (намек на Германию как родину романтизма). *Хрустальное подземие.* — В Чехии добывается и обрабатывается горный хрусталь. *Наздар!* — чешское приветствие.

5. *Март. — Каждый март:|| — С краем, с паем новым!* — В марте 1938 г. фашистская Германия захватила Австрию, в марте 1939 г. — Чехословакию. *Валеты* — здесь: лакеи, холопы. *Тарпейская скала* — см. комментарий к стихотворению «Помни закон...». *Мартовские Иды* — 15 марта 44 г. до н. э. по древнеримскому календарю — день, когда был убит Юлий Цезарь.

6. *Взяли... — Вары* — город Карловы Вары, курорт в Чехии. *Татры* — горы в Чехии.

Отклоненная Цветаевой заключительная строфа:

Всё наземье и всё подземье
Поле гречи и поле зренья.
Поле действия и поле *той*
Битвы: смерти за край родной.

8. *«О слезы на глазах!..» — Творцу вернуть билет.* — Ср. слова Ивана Карамазова из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» (ч. II, кн. V, гл. «Бунт»). Не принимая концепции о будущей мировой гармонии, которая достигается ценой огромных страданий, Иван говорит: «Свой билет на вход спешу возвратить обратно».

Строфа, не вошедшая в окончательный текст:

И заживо — зажав,
Отказываюсь жить,
Кровинки не отдав...
Словца не проронив.

Douce France. — Мария Стюарт (1542 — 1587) — шотландская королева; ее жизнь окончилась на эшафоте.

В воспоминаниях З. А. Шаховской приводится вариант стихотворения: «С каким чувством покидала Марина Цветаева Францию? В 1950 году поэтесса Алла Головина, видевшая ее в Париже перед отъездом, сказала мне, что спросила ее, не будет ли она жалеть о Франции и о Париже. Марина ответила экспромтом:

Мне Франции нету милее страны,
И мне на прощание слезы даны.
Как перлы они на ресницах висят.
Дано мне прощанье Марии Стюарт».

(Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель. 1982. С. 428).

«Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!..» — Обращено, как и стихотворения: «Ушел — не ем...», «Всем покадили и потрафили...». « — Пора! для *этого* огня...», к литературоведу Евгению Борисовичу Тагеру (1906 — 1984). В своих воспоминаниях Тагер писал о встрече с Цветаевой в подмосковном Голицыне в декабре 1939 г.: «В первый же день я встретил ее в проходной комнате, идущей от столовой. „Как я рад приветствовать Вас, Марина Ивановна“, — сказал я. — „А как я рада слышать, когда меня называют Марина Ивановна“, — отвечала она». Далее автор описывает внешность Марины Ивановны: «Никаких парижских туалетов — суровый свитер и перетянутая широким поясом длинная серая суконная юбка. Не изящная хрупкость, а — строгость, очерченность, сила. И удивительная прямизна стана, слегка наклоненного вперед, точно таящего в себе всю стремительность ее натуры.

Должен сказать, что ни на одной фотографии тех лет я не узнаю Цветаеву. Это не она. В них нет главного — того очарования отточенности, которая характеризовала всю ее, начиная с речи, поразительно чеканной, зернистой русской речи, афористической, покоряющей и неожиданными парадоксами, и неумолимой логикой, и кончая удивительно тонко обрисованными, точно „вырезанными“ чертами ее лица» (Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 462).

Фома — см. комментарий к стихотворению «Наука Фомы».

«Всем покадили и потрафили...» — *...в Энциклопедию ввожу...* — Цветаева, по просьбе Е. Б. Тагера, написала для статьи в «Литературную энциклопедию» свою автобиографию. См. также: 〈Автобиография〉 в т. 5.

«Годы твои — гора» — Вариант первой строфы:

Годы твои — гора,
Кожа твоя — гора,
Ложе твое — нора, —
Про́житая пора!

«Так ясно сиявшие...» — *Садов Гесперид* (греч. миф.) — Геспериды, дочери Атланта, жили в сказочном саду, где росла приносящая золотые плоды яблоня.

«Всё повторяю первый стих...» — Обращено к поэту Арсению Александровичу Тарковскому (1907 — 1989), с которым Цветаева познакомилась в 1940 г., и является ответом на его стихотворение «Стол накрыт на шестерых».

18 Зак 95

ПЕРЕВОДЫ

Робин Гуд спасает трех стрелков. — *Робин Гуд* — герой английских народных баллад, разбойник, живший в XII в. в Шотландии, заступник обиженных и бедняков.

И. В. Гёте. «Кто с плачем хлеба не вкушал...». — Перевод песни Арфиста из книги «Годы учения Вильгельма Майстера».

Ш. Бодлер. Плаванье. — *Максим дю Кан* (1822—1894) — автор «Современных песен» (1855), в которых восхваляется прогресс в политике, технике и естественных науках. *В тени Цирцеиных ресниц.* — *Цирцея* (греч. миф.) — волшебница, дочь Гелиоса, обратившая спутников Одиссея в свиней, а его на год удержавшая на своем острове. *Этот профиль мыса* — вольность переводчика, вызванная ассоциацией с контурами мыса Малчин в Коктебеле, удивительно похожими на профиль М. Волошина. *Электра* (греч. миф.) — спасла своего брата Ореста, которому помогла отомстить за отца, убив мать и ее возлюбленного.

Важа Пшавела. Гоготур и Апшина. — *Хевсуры* — грузины-горцы, жители Хевсуретии, расположенной на склонах Кавказского хребта. *Пандури* — грузинский народный струнный инструмент. *Франкский меч,* или *франгули* — грузинское название меча особой формы. *Чоха* — мужская верхняя одежда. *Копала* — одно из древнейших святилищ в Грузии, воздвигнутое в честь мифического богатыря Копалы. *Лурджа* (груз.) — кличка лошади сизой масти. *Хахматский Крест, Лашарский Крест* — здесь: молельня, в которой помещена икона (крест для грузин-горцев означает не крест в нашем понимании, а икону). *Хурджин* — переметная сума. *Дидэба* — молитва при жертвоприношении. *Хевисбери* — главный служитель культа при молельне-Кресте.

Этери. — *Чилижник* — колючий кустарник. *Спасалар* — полководец. *Каджи* (груз. миф.) — злые духи, враждебные человеку чародеи. *Искариот* — апостол Иуда, предавший Христа.

Раненый барс. — *Адгилис-дэда* (груз. миф.) — богиня — покровительница отдельной местности. *Бандули* — кожаная обувь горцев. *Цриани* — приспособления для обуви, предотвращающие скольжение ног на горном склоне.

Из еврейской поэзии. — Ранней весной 1941 г. Цветаева, по заказу журнала «Дружба народов», работала над переводами еврейской поэзии, в основном поэзии белорусских евреев. «С 20 февраля по 26 марта переведено 529 строк Белорусских евреев», — записала Цветаева. Имена некоторых авторов в тетради ее переводов отсутствуют; отыскать поэтов, которых указала Цветаева, не удалось.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ

Цветаева М.

Ц 25 Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2.: Стихотворения. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина — М.: Эллис Лак, 1994. — 592 с.

ISBN 5-7195-0019-7 (Т. 2)

Во второй том вошли стихотворения 1921 — 1941 гг. и переводы поэтических произведений.

Ц $\frac{4700000000-018}{130(03)-94}$ Без объявл. ББК 84Ря44

Цветаева Марина Ивановна

Собрание сочинений в семи томах

Том второй

Редакторы *Т. Е. Волкова, Т. А. Горькова*
Художественный редактор *В. Н. Сергутин*
Технический редактор *Л. В. Жигульская*
Корректоры *Ю. П. Баклакова, З. Е. Щедрина*

Сдано в набор 09.09.93. Подписано к печати 12.05.94. Формат $60 \times 90^1/_{16}$
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.-печ. л 37,0. Усл. кр -отт. 38,5. Уч.-изд. л. 27,3.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 95. С20. ЛР № 040571 от 19.01.93

Издательство «Эллис Лак»
123242, Россия, Москва, ул. Большая Грузинская, 3, стр. 1
Тел.: 254-74-72, 254-26-11
Факс 227-59-40

Типография ИПО «Полигран»,
125438, Москва, Пакгаузное шоссе, 1